

Грандмастер Бьон Ю
и Том Бликер

ПУТЬ МАСТЕРА

КАК СТАТЬ ХОЗЯИНОМ
СВОЕЙ СУДЬБЫ

*боевые
искусства*

А С Т Р Е Л Ь

Мужество

*Нет — страху!
Стремись выйти на правильный путь,
Несмотря на трудности и ухабы.
Те из прошлого, кто достиг величия,
Жертвовали собой.
Нет — сомнениям!
Хотя своего будущего
Вы достигнете ценой мучительных усилий.
Протяните ваши руки
И схватите цель.
Вперед, только вперед!
Со всей силой желания
С мощью и мужеством.
По пути Ён До,
Который приведет вас к надежде и счастью,
Прогоняя страхи и сомнения.*

Великий мастер Бьон Ю (Перев. Ю. Бугаева)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
<i>Вступление</i>	9
ЧАСТЬ I. ПОРАЖЕНИЕ И ПОБЕДА	
<i>Глава 1.</i> «Урод».....	13
<i>Глава 2.</i> Встреча с мастером Ко Су	23
<i>Глава 3.</i> Преодоление собственной беспомощности.....	35
<i>Глава 4.</i> Ребенок-солдат на корейской войне.....	45
<i>Глава 5.</i> Преодоление внутренней дисгармонии.....	55
<i>Глава 6.</i> Прибытие в Америку.....	69
<i>Глава 7.</i> Обретение собственного пути и возрождение своей судьбы.....	81
<i>Глава 8.</i> Кардинальный поворот — мой мир рушится.....	93
<i>Глава 9.</i> Царь обезьян.....	105
<i>Глава 10.</i> Желание мастера Ко выполнено.....	119
ЧАСТЬ II. СТАТЬ ЛУЧШИМ СОЮЗНИКОМ САМОМУ СЕБЕ	
<i>Глава 11.</i> Почему ты здесь?.....	127
<i>Глава 12.</i> Симбиоз Востока и Запада.....	135
<i>Глава 13.</i> Быть частью, а не стоять особняком.....	145
<i>Глава 14.</i> Жизненные преграды.....	155
<i>Глава 15.</i> Средства и методы, ведущие к победе	167
<i>Глава 16.</i> Ключи к успеху.....	195
<i>Послесловие</i>	203
<i>Об авторах</i>	207

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более шестидесяти лет я изучал, практиковал и преподавал боевые искусства. Все это время я часто повторял, что если бы единственной причиной моего увлечения боевыми искусствами было обеспечение личной физической безопасности, тогда надо было бы признать мои затраты времени непозволительным мотовством. Понимаете, никто не должен отдавать шестьдесят с лишним лет изучению боевых искусств, чтобы всего лишь овладеть мастерством самообороны. Я умел хорошо защитить себя уже после двух лет тренировок.

В боевых искусствах заключено гораздо большее, чем простое овладение приемами постановки блока, ударов ногами и руками. Помимо очевидных физических успехов, которые принесли мне годы постоянных-тренировок, благодаря им я окончательно достиг высшего духовного уровня.

Для всех нас жизнь — это путешествие. Мой путь был лишь одним из множества маршрутов, ведущих к одному и тому же пункту назначения. После шести с лишним десятилетий, отданных боевым искусствам, я пришел к выводу, что жизненные уроки, которые я усвоил, я мог бы постичь и не будучи мастером боевых искусств. Совсем необязательно, чтобы вы, мой читатель, прошли через шестьдесят лет упорных тренировок для того, чтобы узнать то, что открылось мне. Если вам случится стать мастером восточных единоборств — прекрасно! Если нет, тоже хорошо — я уже полностью отработал за вас и для вас шесть десятилетий блоков, ударов ногами и руками. Главное, почему я решил поделиться с вами своей судьбой, — желание сделать вашу жизнь более полной. Я уверен, что вместе мы сможем этого достичь, если у вас найдется время поучиться на моих ошибках и успехах.

ВСТУПЛЕНИЕ

Жизнь — это не случайность и не какая-то шутка космических сил. В нашем существовании заключен определенный замысел, и, чтобы его выполнить, природа дает нам физическое тело и ограниченный отрезок времени.

В отличие от самолета, наш «полет» никогда не проходит на автопилоте. Путешествуя по жизни, мы вскоре обнаруживаем, что все, что делаем (или не делаем) на этом пути, полностью зависит только от нас самих.

Создавший нас мир не хочет, чтобы мы терпели неудачи, и, когда мы совершаем ошибки, это означает, что ошибается он сам. По определению нам должен способствовать успех во всех начинаниях. Нет ничего более приятного для Вселенной, если мы живем, осуществляя все свои мечты. Я надеюсь (раз вы читаете книгу), вы поймете, что моя жизнь прекрасно иллюстрирует этот факт.

Книга разделена на две части. Первая посвящена моей жизни.

С ранних лет врачи поставили мне диагноз «умственная отсталость», моя мать нарекла меня «плаксой», а позднее от соседских детей, насмехавшихся над моей хилостью и кидающих в меня камни, мне досталось прозвище Урод. Все же в это не самое легкое время я сделал четыре решающих открытия, коренным образом изменивших мою жизнь: 1) я рожден в этом мире с особым предназначением, которое мне суждено выполнить; 2) на этом пути мне предстоит вынести много испытаний; 3) преодоление этих испытаний послужит жизненными уроками, в результате которых я стану тем, кто есть на самом деле, и 4) хотя временами я и не мог этого понять, любые проблемы, с которыми я сталкивался, в итоге приводили к положительным для меня результатам. Когда я пришел к осмыслению всего этого, отрицательные эмоции во мне значительно ослабли, и с тех пор я уже никогда не чувствовал себя одиноким.

10 Путь мастера Ю

Вторая часть этой книги дает четкое представление о практических навыках и приемах, наработанных мною за шестьдесят с лишним лет изучения и преподавания боевых искусств и восточной философии, которая является неотъемлемой частью азиатского наследия. Если вы найдете время для изучения этих основополагающих принципов и примените их в своей повседневной жизни, то сможете осуществить самые смелые мечты.

Я хотел бы закончить темой Бога. Несмотря на то, что я не исповедую какое-либо религиозное учение, я верю в Высшее существо. Из-за восточных корней боевых искусств мои религиозные верования близки к даосизму. То есть я чувствую, что очень важно в жизни прийти к осмыслению понятия «Бог» и определить свое отношение к нему. На протяжении многих лет моя концепция Высшего существа была весьма неполной. Лучшее подтверждение этому случилась, когда я услышал от пятилетней девочки ее определение звездного неба. После задумчивого молчания она сказала, что ночью взглянула на звезды и представила себе землю, покрытую огромным черным покрывалом, а каждая звезда была в нем как бы дырочкой, которая давала нам лишь малюсенькую картину того, что существует по другую сторону [покрывала!], то есть на небесах.

Разве это не прекрасно? Пока в вашем разуме и душе будет жить этот детский образ небес, вы сможете уходить от обыденности нашей жизни, достигая не только звезд, но и более далекого — небес (божественного начала) внутри себя.

Давайте начнем.

(Примечание. Многие из вас могут удивиться, зачем столько изображений драконов украшают эту книгу? Причина в том, что в азиатской культуре драконы оказывают значительное влияние на жизни людей, определяя их судьбы. Моя книга — это проводник, вместе с которым добрый дракон направит вас на путь к спокойной и полноценной жизни.)

ЧАСТЬ I

Поражение
и
победа

Урод

Я родился в корейской семье. В 1905 году Япония объявила Корею своим протекторатом и силой установила контроль над деятельностью местного правительства, а на наших улицах появилась японская полиция. В течение последующих сорока лет оккупации японцы жестоко притесняли корейское население. До того как встретить мою мать, мой отец, Кван, учился в японском колледже и окончил его с отличием, получив степень бакалавра. Он вернулся в Корею и преподавал в Корейском университете. Однако его преподавательская деятельность была прервана из-за причастности брата отца к революционному движению в Маньчжурии; семья осталась без средств к существованию. Не желая сдаваться, отец пытался устроиться преподавателем в средней школе, но безуспешно. Печально, но ему не разрешили преподавать даже в начальной школе.

Вскоре отцу удалось наняться подсобным рабочим в пекарню, принадлежавшую моему дедушке по материнской линии. Именно там отец повстречал мою мать, Ик; тогда им было по 25 лет.

С ранних лет моя мать мечтала стать певицей и танцовщицей, но эти профессии не пользовались уважением; их считали вульгарными

14 Путь мастера Ю

и подходящими лишь для низших сословий, так что вместо песен и танцев матери пришлось выбрать карьеру учительницы начальной школы. Выйдя замуж, она родила моего брата Дука, мою сестру Сон и меня.

Я появился на свет в маленькой деревушке Кёнкидо 17 января 1935 года. Для корейских супружеских пар это было не самое лучшее время заводить детей, так как Япония все больше использовала ресурсы Кореи на нужды имперской военной машины. Огромное количество риса уходило в Японию, а сами корейцы испытывали серьезную нехватку продовольствия. Жизнь становилась все тяжелей, и сотни тысяч корейских крестьян были вынуждены перебираться в Маньчжурию или Японию в поисках пропитания и работы, но условия, в которых они там оказывались, были несколько не лучше.

Японцы пытались выкорчевать национальные корни корейцев, проводя политику ассимиляции граждан Кореи в японскую культуру. Людей заставляли принимать японские имена (или переименовывать свои на японский лад) и обращали их в национальную японскую религию — синтоизм. Запрещалось использование корейского языка в школе и на работе, не одобрялось ношение традиционной корейской одежды. Вдобавок японцы призывали корейских мужчин жениться на японках. Что же касается корейских женщин, то более 200 тысяч из них, в возрасте 12—35 лет, независимо от их семейного положения, заставили заниматься проституцией. Большинство «обслуживало» по 20-30 солдат в день. Тех, кто имел несчастье забеременеть, убивали.

Японская оккупация принесла Корею неисчислимые страдания. Я еще помню, что птицы тогда сидели на ветках деревьев, а не летали, и они очень редко пели.

Вскоре после моего рождения наша семья переехала в местечко Ансон (в 30 милях от Сеула), где мы и еще три другие семьи поселились в четырехкомнатном ветхом деревянном доме. Там не было телефона, электричества и водопровода. Дровяная печь — это все,

Урод 15

что у нас было, чтобы согреться в суровые зимы, а туалетом служил большой металлический бак, вкопанный на заднем дворе.

Дети в нашем доме носили подержанные вещи и играли самодельными игрушками — только японцы и небольшое число работающих на них корейцев имели возможность купить в магазине настоящие игрушки. Соседские ребята играли в карты, вырезанные из картона, с нарисованными картинками и цифрами. Мы также собирали в реке круглые камешки и играли в разные настольные игры вроде шашек. Другой любимой забавой было пинать консервную банку за неимением футбольного мяча.

С малых лет я понимал, что со мной что-то неладно в физическом плане, так как кое в чем я сильно отличался от своих брата и сестры. До трех лет я не мог хорошо управляться со своими руками и ногами (была нарушена координация движений). Когда люди протягивали руки, чтобы поднять меня, я только тарасился на них. Я понимал, что они хотели мне помочь, но пока я старался дотянуться до них, они уже отворачивались и уходили. Мое сознание, связывающее меня с внешним миром, работало замедленно.

Я не говорил до пяти лет. Слышал; медленно, но соображал, но не мог говорить. Вместо этого общался с помощью жестов и невнятного бормотания, понятного только моим родителям. Хотя у меня были очень большие проблемы с устной речью, мозг мой был в порядке. Я хорошо понимал окружающих людей — вот только они (все, кроме моих родителей) не могли понять меня.

Наступил день, когда мать и отец привели меня в местную клинику, где врачи поставили мне диагноз «умственная отсталость». Они объяснили моим родителям, что, даже став взрослым, я не смогу сам заботиться о себе и буду всю жизнь обузой для семьи. Я до сих пор помню, как один из врачей рекомендовал моей матери отдать все свои силы и заботу моим брату и сестре, меня же ей следовало просто оставить где-нибудь в глухом месте и дать умереть. Эти врачи посчитали, что раз я не могу говорить, значит, и не могу понимать сказанное, а раз не координирую движения рук и ног, то и думать не способен.

Спустя много лет я спросил мать о разговоре в клинике, так как воспоминания об этом продолжали мучить меня. Слезы потекли из

ее глаз, и после долгой паузы она сказала: «Да, отец и я, мы думали, что ты не выживешь. Если бы мы умерли, что бы ты делал? Кто бы о тебе заботился? Врач сказал, что лучше всего просто позволить тебе умереть. Тогда бы и мы и твои брат и сестра избавились от тяжелого бремени, а ты сам — от необходимости вести мученическую жизнь и почил бы в мире».

Во время японской оккупации с немощными корейскими детьми-инвалидами часто поступали так же безжалостно, как и предлагали моим родителям рационально мыслящие «врачи». От них отказывались, родители изолировали и прятали этих детей; сначала умирал их дух, затем неизбежно наступала смерть физическая. В таких семьях часто не хватало пропитания, и несчастные дети-инвалиды никогда бы не смогли помочь семье в борьбе за выживание. Здесь был лишь один выход — и по этому поводу особо не печалились. Такой бесчеловечный подход не был характерным только для Кореи. В Китае в те же годы повсеместно топили здоровых новорожденных девочек, так как родители понимали, что их дочерям не хватит сил для долгой и тяжелой работы на рисовых полях.

Вскоре после возвращения из клиники я почувствовал, что все вокруг изменилось — ко мне стали относиться как к уже обреченному на смерть. Это проявлялось и в поведении матери. Она не так быстро отвечала мне, как брату или сестре. Эмоционально ей должно было быть тяжело хотя бы тогда, когда я прекратил свои несмелые попытки получить еду и питье, так как понимал, что именно такого поведения ждет от меня мать. Проходили месяцы, и я обнаружил, что мне выписан ордер на смерть. Все окружающие, включая брата и сестру, родственников и соседей, относились спокойно к моей неминуемой смерти, как если бы она была уже свершившимся фактом. Когда я окончательно в этом убедился, я решил сопротивляться и дать всем отпор.

Плач стал моим главным оружием и способом общения. Ведь если я не плакал, мне не давали полагающуюся долю еды и воды и не меняли пеленки. Иногда я просто захлебывался от рыданий. Вскоре мать стала называть меня плаксой, и окружающие последовали ее примеру.

Следующие три месяца я пронзительно визжал, пока мать не ставила передо мной чашку с рисом. Координация движений моих глаз и рук была все еще очень плохой, и мне требовалось пятнадцать минут, чтобы опорожнить эту чашку. Я был счастлив, если доносил до рта полдюжины ложек риса. Остальное просыпалось на пол и колени, что еще больше расстраивало мою мать. Все, кроме нее, находили забавной мою борьбу с чашкой. Но это не было забавой для *меня* ... Я старался есть, чтобы выжить.

Я стремился выбираться из дома как можно чаще, так как любое движение улучшало мое самочувствие. Это была единственная возможность самовыражения и познания чего-то хорошего. Больше всего мне хотелось научиться ходить как все нормальные люди. Много раз родители обнаруживали мое исчезновение и недоумевали, куда и почему я ушел. Им никогда не приходило в голову, что моя жизнь в темном закутке дома стала походить на пребывание в гробу.

Вне дома я напоминал новорожденного жеребенка, пытающегося передвигаться на дрожащих, подгибающихся ногах, часто спотыкающегося и падающего. Боль, которую я ощущал, когда пытался встать и идти, была просто невыносимой. Взбешенные велосипедисты сворачивали, чтобы не налететь на меня, а шоферы громко сигналили. Все это было очень унижительно, но я решил достичь цели. Во что бы то ни стало я должен был выжить. Жизнь, несмотря на все трудности, была все же лучше, чем смерть.

Когда я поступил в начальную школу, дети смеялись надо мной и обращались как с деревенским дурачком. Вскоре я стал для них просто игрушкой. Они терзали мою душу, как собака грызет кость, и часто устраивали жестокие проделки. Любимым их занятием было зажечь спичку и сунуть ее мне между пальцами. Они хихикали, наблюдая, как пламя медленно подбирается к пальцам и начинает обжигать их. Трагедия заключалась в том, что я не представлял, как избавиться от спички. Мне никогда не приходило в голову просто выбросить ее или задуть.

Прозвище, данное мне матерью, преследовало меня и на школьном дворе, ибо дети точно знали, кого она зовет: «Где тут мой плакса?»

У меня были и другие прозвища, например Урод. Некоторые считали, что я напоминаю животное, потому что передвигаюсь неуклюжими движениями, несколько не похожими на человеческие. Мои волосы всегда были спутаны, а иногда на голове появлялись большие проплешины, так как мать лечила чесотку сильным химикатом, который просто обжигал кожу и разрушал луковицы волос. Мои губы тряслись, один глаз был больше другого и располагался несколько ниже. Так как у меня постоянно текла слюна, мать давала мне платки, чтобы вытирать ее. Глаза все время слезились.

Я ненавидел свое прозвище Урод. Но еще больше я возненавидел тот день, когда мой брат в присутствии соседских детей сказал. " «Ты уже давно должен умереть, поэтому я могу взять твою чашку риса». Я испытал ужасное страдание в тот день. Если я не мог довериться *ему*, то у меня не оставалось никого в этом мире!

Я страшно завидовал другим детям, у которых были друзья, и мечтал о друге, который заботился бы обо мне. Я не искал популярности, мне нужен был лишь один друг. Я дошел до такой степени отчаяния, что готов был на все ради этого.

Как-то днем один старший мальчик пообещал мне, что станет моим другом, если на следующее утро я принесу ему арбуз и рисовые лепешки. Меня охватила радость, я был в восторге. В дом я влетел с улыбкой до ушей. Никто не мог понять, что происходило со мной, особенно моя мать. Странно, но мой счастливый вид, похоже, всех встревожил, хотя я никому ничего не объяснял.

Ночью, после того как все уснули, я тихо прокрался на другую половину комнаты, где спали родители, и украл немного денег из брюк отца. Следующие восемь часов были самыми длинными в моей жизни. Я не мог спать, потому что знал, что, когда взойдет солнце, я наконец обрету друга.

На рассвете я оделся и позавтракал, всем своим существом ощущая украденные деньги, спрятанные в ботинке. Мать вошла на кухню и с изумлением наблюдала, как я с жадностью поглощал еду.

Спустя десять минут я уже сидел перед дверью местной лавки, ожидая, когда придет хозяин и откроет ее. Я вошел и направился прямо к корзине с арбузами. Придирчиво осматривал каждый арбуз, стараясь выбрать самый лучший. Наконец отобрал один, заплатил

за него и за свежие, только что испеченные рисовые лепешки и с нетерпением наблюдал, как торговец заворачивает мои сокровища.

Тот старший мальчик просил встретить его на одной улочке. Я пришел туда на час раньше, таща свое богатство в бумажном пакете. Когда он появился в окружении пяти приятелей, я был так переполнен счастьем, что бросился к ним, протягивая пакет. На бегу я споткнулся, и пакет упал на землю. Арбуз выкатился и разбился вдребезги. Мальчик и его друзья сразу завопили:

«Ты идиот!»

«Какого черта, что с тобой?»

«Посмотри, что ты наделал, Урод!»

Они подобрали куски арбуза и рисовые лепешки и приказали мне сесть рядом с грязным мусорным ящиком. Я старался оставаться спокойным и выполнил их требования, как если бы это было обычное явление среди друзей. Несколько минут я сидел возле грязного ящика и наблюдал, как эти мальчишки наслаждались дарами, которые я принес. Они смеялись и чувствовали себя прекрасно, и я искренне надеялся, что свою часть сделки выполнил до конца.

Когда они наелись, я поднялся и направился к ним, ожидая, что старший мальчик положит руку на мое плечо и пойдет со мной в школу. Вместо этого он сильно ударил меня кулаком в лицо. Я упал на колени, затем попытался подняться, хотя у меня перехватило дыхание. Так как я все еще верил, что этот мальчик в итоге признает меня своим другом, то отнесся к этому удару как к части дружеского розыгрыша или чего-то в этом роде. Через мгновение мальчишка и его друзья стали швырять в меня арбузные корки и даже комья земли и грязи, один из которых попал мне прямо в голову. Когда обстрел прекратился, я стоял перед этими шестью мальчишками с грудой арбузных корок под ногами и грязью, размазанной по распухшему, покрытому слезами лицу. Они смеялись и кривлялись передо мной, пока им не надоело, и они ушли. Потерпев неудачу в попытке купить друга, я к тому же испытывал угрызения совести от кражи отцовских денег.

Настоящий трагизм этой истории заключался в том, что, когда я стоял перед этими мальчишками, перенося их издевательства, я и сам начал смеяться вместе с ними, так как еще надеялся, что после

того как они посмеются *надо мной*, они будут смеяться вместе *со мной*. Но этого не случилось. Наблюдая, как они уходят, я вдруг утвердился в мысли, что не важно, сколько времени это займет, но однажды я стану таким же нормальным, как эти мальчишки. Однако в последующие несколько месяцев я избегал общения с соседскими детьми. Просто не мог больше выносить никакую боль.

Неподалеку от нашего дома протекала Золотая река, приток большой реки Хан. Я ходил туда каждый день после школы и сидел в одиночестве на берегу, стараясь составить свое представление о мире, в котором влачил такое мучительное и бесполезное существование. Я ощущал во всем этом жестокую несправедливость.

Моя семья не была особенно религиозной, хотя отец считался буддистом, а мама — католичкой. И все же иногда она рассказывала о Боге и читала мне отрывки из Библии.

Однажды я вернулся домой в слезах. Я сердито кричал на свою мать, что ненавижу ее Бога и все, что Он создал. Она усадила меня на пол и обняла. Когда я перестал плакать, мать объяснила, что Бог не отвечает за недостойное поведение соседских детей. Читая Библию, она обратила внимание на то, что, после того как Бог создал землю и небеса, он обозрел все, что создал, и сказал, что это хорошо. Бог не сказал, что лишь *что-то* из созданного им было хорошо, или что *большая часть* из созданного им — это хорошо. Он сказал, что *все* было хорошо. А раз так, поясняла мать, если что-то плохое случается в жизни, в этом вина не Бога, а людей. Хотя ее слова мало помогли мне смягчить горечь от враждебности соседских детей, встречающих меня каждое утро за крыльцом дома, но они дали утихнуть моему гневу, направленному на Бога.

Проходили недели, и я стал больше внимания уделять тому, что хорошего создал Бог в этом мире. Сидя на берегу реки, я любовался разноцветными рыбками, спокойно плавающими в высоких водорослях и вокруг покрытых мхом камней, наслаждался звуками и блеском потоков воды. Все в реке поражало гармонией общего движения, картиной взаимодействия всего живущего. Я подумал, *как счастливы эти рыбешки, у которых всегда есть место, куда плыть. Место, где они нужны и где их ждут. У них есть, чем заниматься, и есть, чего ждать. Как счастливы они должны быть.*

Если бы существовала другая жизнь, я хотел бы в ней стать одной из таких рыбок. Казалось, они знают много такого, что упустили соседские дети. Почему мы не можем уживаться и ладить друг с другом, как рыбы в реке? Почему те мальчишки продолжали приставать ко мне? Они знали, кто я и что собой представляю — ведь не было похоже на то, что я всех ненавижу или пытаюсь представить себя не тем, чем являюсь на самом деле. Я лишь хотел постараться стать лучше, так почему же они не дали мне немного больше времени? Это было все, что я хотел, — только немножко больше времени. Неужели я просил слишком много?

Пристально вглядываясь в речную воду, я заметил, как маленькая стайка рыбок отделилась от остальных и окружила взрослую особь, которая выглядела больной или даже дохлой. В памяти всплыл один школьный урок. Учительница читала нам книгу о птицах, речь тогда шла о гусях. Она рассказала нам, что, когда эти красивые птицы летят в строю и один из них ослабевает, заболевает или будет подстрелен, еще два гуся покидают строй, чтобы помочь ему. Даже если больная птица упадет на землю, две другие останутся вместе с ней, пока она не умрет или не сможет полететь вновь. Тогда они взлетают и пристраиваются к другому косяку.

Слушая учительницу, я думал, какой прекрасной стала бы жизнь, если бы у людей было столько же сострадания, как у этих чудесных птиц, и мы держались бы друг друга в трудные времена вместо того, чтобы бросать тех, кому нужна лишь небольшая поддержка, или хуже того — обращаться с ними так, что им становилось еще тяжелее. Если Бог действительно всех любит и все созданное Им хорошо, тогда, возможно, в его истинном плане мироустройства предусмотрено, что кто-нибудь придет мне на помощь. Чем больше я думал о своей несчастной участи, тем больше верил, что *каким-то образом, когда-то и где-то* Бог направит мне *кого-то*, чтобы помочь найти выход из моих страданий.

Встреча с мастером Ко Су

Большинство соседских мальчишек боялись мужчины средних лет, известного как мастер Ко Су; у него было грубое лицо и шрам через всю щеку. Он не выглядел богатырем, хотя манера поведения предполагала в нем человека могучей силы. У него были мускулистые руки, часто опухшие и разбитые. А его холодные пронизывающие глаза могли проникнуть прямо в душу. Мастер Ко был сапожником. Он сидел на своей рабочей скамеечке, забивая гвозди и приклеивая новые подошвы, в уголке маленького помещения, которое арендовал. Чистка обуви, похоже, нравилась ему, и целый ряд баночек с кремами и ваксой выстроился на стоящей рядом деревянной полочке. Было видно, что он очень гордился своей работой и получал от нее удовольствие. Временами мастер Ко

даже мурлыкал что-то себе под нос.

Каждый день ровно в четыре часа он запирает свою мастерскую и шел через восемь дворов до своего трехкомнатного домика, давно нуждавшегося в ремонте и «украшенного» несколькими окнами с разохшимися ставнями. Войдя в сломанные ворота, он всегда сначала любовался своим маленьким двориком, усаженным цветами, и лишь затем прыгал на крыльцо и мгновенно исчезал в доме.

Мастер Ко никогда не был женат и жил один. Насколько было известно, у него не было семьи, и казалось, что это его вполне устраивало. Единственным компаньоном сапожника была любимица — маленькая обезьянка, он очень заботился о ней и становился замкнутым и печальным, когда ей нездоровилось.

В отличие от других детей я не боялся мастера Ко. Наоборот, меня тянуло к нему каким-то необъяснимым образом. Мне было около шести лет, когда я начал шпионить за ним как в мастерской (где подсматривал через окно), так и в его доме. Там вдоль одной стены проходила дорожка, огороженная сломанным забором, через который я мог легко перелезть; обычно я подкрадывался к дому и заглядывал в окно.

Дом мастера Ко отличался от расположенных по соседству — в гостиной не было ни ковров, ни какой-либо мебели, только отполированный до блеска деревянный пол. Кроме гостиной имелись маленькая кухня и спальня.

Несколько дней в неделю ровно в пять часов вечера к мастеру Ко приходила группа корейцев. Я наблюдал, как они снимали свою одежду и переодевались во что-то напоминающее белые пижамы. Брюки плотно затягивались шнурками, а курточки запахивались, как двубортные пиджаки. В талии мужчины подвязывались поясами из плотной ткани, концы которых свободно висели спереди. У всех были белые или красные пояса, которые выглядели новыми по сравнению с истершимся черным поясом мастера Ко.

Спустя некоторое время до меня дошло, что гостиная мастера Ко в действительности была учебным тренировочным классом, а мужчины, приходившие в этот дом, — его учениками. Все, чему он учил их, оставалось загадкой для меня. Я мог видеть, как они наносили в воздухе удары ногами и руками, передвигались по полу и застывали в странных позах — это не походило ни на танцы, ни на игры, которыми развлекались соседские дети. Однажды мастер Ко разбил своих учеников на пары, и я наблюдал, как эти мужчины отрабатывали постановку блоков, удары ногами и руками, что составляло искусство рукопашного боя и внешне напоминало красивую драку.

Проходили недели, и со временем я начал восхищаться тем, что видел и что позже стал изучать, — это было корейское боевое ис-

кусство тансудо. Скорость и сила были поразительными, временами просто жуткими. Движения бойцов были немыслимо точны и синхронны. Координация и физическая ловкость этих людей казались мне сверхъестественными, так как сам я был неуклюж и малоподвижен. В какой-то момент меня осенило, что если я научусь двигаться, как эти мужчины, то оставлю в дураках всех соседских мальчишек. Может, тогда они примут меня в свои игры? Может, мастер Ко и есть так долго ожидаемый мной посланец Бога?

Через неделю я набрался храбрости, поднялся на крыльцо дома мастера и постучал в дверь. У меня перехватило дыхание, когда я услышал шаги, быстро приближающиеся с другой стороны. Мгновением позже дверь распахнулась, на пороге стоял мастер Ко. Я никогда раньше не был так близко от него, и сейчас он казался мне монстром. От него как будто исходила невиданная энергия, буквально отталкивавшая меня.

«Чего тебе?» — не приветливо спросил он.

Я рассмотрел за его спиной фигуры тренирующихся учеников. Их удары ногами были настолько быстры и мощны, что белые брюки буквально рассекали воздух, шелкая, как хлыст погонщика.

«Холодно снаружи», — пробормотал я, не зная, что еще сказать.

Его лицо оставалось бесстрастным: «Верно подмечено. Что-нибудь еще? Я очень занят».

Я мялся в нерешительности, и он начал закрывать дверь. Тогда я протянул руку, чтобы придержать ее. Глаза мастера Ко расширились, а лицо вспыхнуло от гнева. Я не мог поверить, что решился на такое.

«Я сомневаюсь...» — начал было я, но у меня снова перехватило горло.

Мастер набрал полную грудь воздуха. «Можешь сомневаться сам по себе! Для этого я тебе не нужен!» — сердито закричал он.

«Нет, подождите!» — я быстро вытер глаза и рот платком. Мое сердце колотилось, когда я наконец выдавил: «Могу я войти и посмотреть?»

Мастер Ко бросил взгляд через плечо на своих учеников, затем открыл дверь шире. «Ладно, — буркнул он нетерпеливо — Можешь посмотреть, но и только. Сядь в том углу и ни слова».

«Хорошо», — пролепетал я и ступил внутрь на подкашивающихся ногах.

Его рука обрушилась на мое плечо как артиллерийский снаряд: «Никаких хорошо! Правильный ответ : «Да, Учитель!»

«Да, Учитель!» — завопил я.

«Если ты ничему больше не научишься здесь, научись хотя бы таким понятиям, как почтительность и послушание — или иди домой!»

«Да, Учитель!»

Я прошел в угол комнаты, сел на пол и молча стал наблюдать. Меня поразило увиденное. Когда мастер Ко двигался, стены и пол тряслись, как от раскатов грома. Молниеносные движения его рук и ног мелькали рядом с лицами учеников и поднимали их волосы, как ветер. Его удары ногами в прыжке были настолько грациозными, что казалось: он обладает природной способностью летать. И когда он кричал, нанося удары, звук резал мои уши.

Физические травмы были обычным делом на тренировках, и мастер Ко часто наказывал за это. Как-то он все время исправлял одну и ту же ошибку, допускаемую одним из учеников. Временами мне казалось, что это не такая уж серьезная ошибка. Но, вероятно, этот ученик делал что-то, что раздражало мастера, который наступал на него, нанося удары ногами и руками. Ученик смотрел глазами, полными ужаса, — и мгновение спустя рухнул на пол в полубессознательном состоянии. Без колебаний мастер Ко сгреб ворот его куртки, рывком поставил ноги и крикнул остальным: «Внимание!»

Все выстроились в линию. Мастер Ко стоял перед ними подобно расстрельной команде из одного человека. Он был в ярости. «Я — как оружейник, которому дали брусок сырого металла! — воскликнул он. — Я помещаю этот брусок в огонь и, когда он раскалится докрасна, бью по нему со всей силой и энергией, постоянно возвращая его в огонь и снова на наковальню, пока моя работа не будет закончена! Моя цель — сделать самый лучший меч, какой только возможно; на это уйдут годы, если не вся жизнь! Но я не допущу, чтобы из этого куска металла получилось что-нибудь меньшее, чем сильнейший и мощнейший меч, каким он только может быть. Вы понимаете это?»

«Да, Учитель!» — проревел весь класс.

«Я не потерплю ошибок! Здесь, в этом зале, вы должны достичь Полного совершенства! Вы должны слушать, повиноваться и выполнять мои указания на сто процентов!»

«Да, Учитель!!» — снова проревел весь зал.

Я сидел в своем уголке в студии мастера Ко и три долгих месяца молча наблюдал тренировки. Однажды вечером, дожидаясь, когда все ученики разойдутся, мастер Ко направился ко мне. «Ты все еще сомневаешься?» — спросил он резко.

«Не совсем так, Учитель».

«Сомнения — это для философов, но в битве за жизнь сомнение погубит тебя».

«Да, Учитель».

«Скажи, что у тебя на уме».

Я взглянул на него и испугался, представив, что и он может видеть во мне Урода. Я не хотел этого. Я хотел, чтобы он относился ко мне по-другому. «Могу я тренироваться здесь? Вместе с остальными учениками?» — спросил я, стараясь поймать его взгляд.

Он долго вглядывался в меня, и у меня возникло ощущение, что он проник глубоко в мою суть. «Ты тот, кого все зовут плаксой», — наконец произнес он утверждающе.

«Да, Учитель», — ответил я, опуская глаза.

«Смотри на меня», — рявкнул мастер, заставив меня вздрогнуть.

«Почему они так называют тебя? Почему ты плачешь?»

«По многим причинам, Учитель. Я думаю, я не совсем такой, как остальные, и это огорчает меня».

«Что у тебя не так?»

Мне показалось, что этот человек многое знал обо мне, возможно, из разговоров с людьми, которым он чинил обувь. «Все говорят, что я неуклюжий, а некоторые называют меня тупым», — отвечал я.

«Я не спрашивал, что говорят другие. Я спросил, что у тебя не в порядке — не у них».

«Ну, я все-таки ... считаю, что не такой уж плохой, как все говорят».

«Нет такого понятия — плохой, — прервал он, глядя на меня. — Только хороший, еще лучше, самый лучший. Каким ты хочешь быть?»

Он задал трудный для меня вопрос, об этом я никогда раньше не думал. В конце концов я сказал ему правду: «Я только хочу быть таким, как вы, Учитель».

«Понятно. И ты думаешь, что занятия здесь позволят тебе осуществить это?»

«Да, господин».

«Твоя семья не слишком обеспечена, а мои ученики не тренируются бесплатно».

«Я заплачу, сколько вы скажете».

«Я слышал, говорили, что ты воруеть. Я этого не потерплю. Не здесь!»

«Да, господин», — промямлил я, даже не собираясь оспаривать его утверждение.

«Ты сможешь оплачивать тренировки, убирая в зале и выполняя всякие мои поручения. Приходи завтра и скажи мне, согласны ли твои родители с такими условиями».

«Да, господин».

«И еще одно: больше никогда в моем присутствии не смей говорить о себе *плохой, никчемный*. У тебя все в порядке!»

Меня захлестнула радость, впервые в жизни я не чувствовал себя слабаком. Я несся домой, перепрыгивая препятствия, как газель. Я больше не ощущал себя неуклюжим, хотя все еще оставался им.

Я был на седьмом небе, когда родители согласились с предложением мастера Ко. Родители разрешили мне убирать в тренировочном зале, кроме того, каждый месяц отец обещал отдавать учителю пять фунтов риса. Моя мать была очень довольна, что у меня есть куда пойти, — в конце концов я перестал возвращаться каждый день в рваной и грязной одежде, регулярно избиваемый соседскими детьми.

На следующий день я появился в студии мастера Ко и после занятий рассказал ему приятные новости.

Три месяца я лишь убирал зал, бегал по поручениям Учителя и молча следил за тренировками. Уборка зала доставляла мне удовольствие, хотя и отнимала каждый раз часа два. Когда я заканчивал,

мастер Ко придирчиво проверял чистоту пола и, если не видел своего отражения в деревянных половицах, заставлял меня чистить и натирать пол снова. Он кричал на меня из-за каждого пятнышка. Такое обращение сильно отличалось от того, к чему я привык дома и в школе. Там, даже если я и напортачил в чем-то, меня все равно хвалили, как за хорошо выполненную работу. За исключением мастера Ко, все делали скидку на мою немощь и недостатки, тем самым подрывая мою уверенность в себе и чувство собственного достоинства. Когда мастер Ко отказался от каких-либо поблажек и спрашивал за все в полной мере, я понял, что это был единственный путь заставить меня начать ощущать себя нормальным человеком. Кто-то должен был поднять шлагбаум, и мастер Ко только это и сделал.

Однажды мастер отправился с учениками на прогулку. Мы шли по берегу реки, которая вывела нас к океану. Впервые я увидел его бескрайние воды и был восхищен зрелищем того, как вдали небо сливается с водной гладью.

Я заметил группу рыбаков, ловивших рыбу. Одна из них билась в большой корзине. Меня поразили ее размеры.

Мастер подошел ко мне и спросил: «Ты думаешь, это большая рыба?»

«Да, господин».

«Знаешь, некоторые рыбы намного больше тебя».

«Правда?» — изумился я.

«Да».

«Как намного?»

«Ну, величиной с небольшой дом», — ответил мастер Ко.

«Такая большая рыба? Как она называется?»

«Она называется — кит».

«Вот как! Могу я ее увидеть?»

«Редко кто видит кита».

Я глянул на далекий горизонт и подумал об огромной рыбе, о которой говорил мастер. «Господин, а кто живет по ту сторону океана?» — спросил я.

«Это место называется «Америка», а люди, которые там живут, — американцы. Они большие и высокие, много едят и живут в больших домах».

«Господин, я хочу поехать туда», — восторженно воскликнул я.

Мастер пристально посмотрел на меня. «Ты должен вырасти и стать сильным пловцом, — сказал он. — Маленькая рыбешка не сможет переплыть океан».

«Когда-нибудь я стану могучим, как кит, — уверенно сказал я. — И тогда я уплыву в Америку».

«Я верю тебе, сынок. Я верю, однажды ты сделаешь это».

Впервые я заикнулся о своем желании поехать в Америку. Мне было всего шесть лет.

Я чувствовал себя в безопасности, когда находился в доме мастера Ко. У меня было столько детских проблем — физических и нравственных, эмоциональных, но все они исчезали, как только я заходил в тренировочный зал и Учитель вручал мне мои ведра, швабру и тряпки. Какое это было счастье — наконец-то обрести место, где у меня было занятие и где меня принимали — совсем как рыбки в Золотой реке. Хотя я еще не изучал приемы боевого искусства мастера Ко, сам факт, что я был частью его мира, придавал мне уверенности в себе.

В школе один мальчик особенно любил издеваться надо мной в присутствии других детей. Каждый день он приставал ко мне, насмехался, кривлялся и бил по лицу. Я старался не попадаться ему на глаза, постоянно меняя дорогу в школу и домой. Наконец однажды я решил, что с меня хватит. Вместо того чтобы ждать, когда он найдет меня, я сам разыскал его и попросил ударить меня в челюсть изо всей силы. Мальчишка рассвирепел и заорал на меня. В этот раз он не ограничился одним ударом и долго избивал меня, нанося удары кулаками по лицу и телу. Когда он закончил избиение, я едва мог держаться на ногах. Но я решил вынести все, что он мог сделать со мной, и все еще стоял, когда он ушел.

На следующий день мальчишка был поражен, когда я вновь появился перед ним. Я был весь в ссадинах, один глаз совсем заплыл. Как и раньше, я опустил руки и сказал, что не боюсь его, так что он может бить меня. И снова я получил ужасную взбучку, но заста-

вил себя удержаться на ногах, пока он не ушел вместе с друзьями. К его огромному изумлению, я проделывал это всю неделю. Каждый день, когда он приходил в школу, я разыскивал его и просил показать все, на что он способен. Спустя некоторое время он начал избегать меня, и вскоре *он* действительно стал бояться *меня*. В результате я победил, даже не сопротивляясь. Как только мальчишка понял, что не может внушить мне страх, я стал для него сильным противником. С тех пор я усвоил, что это именно то, чего всегда сторонятся задиры.

Хотя мастер Ко был немногословен и редко открывался с человеческой стороны, я чувствовал, что он проявляет ко мне участие. Я верил, что мастер Ко, подобно гусям, покидающим стаю, чтобы защитить раненую птицу, осознает, что я брошенный несчастный ребенок, нуждающийся в помощи. Думаю, он откликнулся на мою просьбу потому, что увидел: я не бездельник и не пасую перед трудностями. Он наблюдал, как я молча три месяца следил за тренировками и следующие три месяца каждый день убирался в тренировочном зале. Я всегда приходил готовым к работе и никогда не опаздывал. Были две вещи, которых мастер Ко не мог терпеть, — пасующих перед трудностями и неудачников. Он часто повторял, что неудачник — это просто человек, бросивший дело незавершенным.

Со временем я стал просто боготворить мастера Ко. Я хотел смотреть, ходить и одеваться, как он. Любое его желание, высказанное или предугаданное, было приказом для меня. Почитание Учителя искоре перешло в обожествление, и я начал рассчитывать, что мастер Ко станет для меня всем на этом свете. Это, по-видимому, не устраивало самого мастера, который однажды усадил меня и прочитал строгую лекцию.

«Я не твой друг, — пояснил он. — И не жди, что я буду убирать ча тобой — я не твоя мать. Более того, я не твой отец. Я не тот, к **кому** ты приходишь со всеми своими трудностями. Я здесь не для того, чтобы обнимать тебя за плечи и говорить, что все будет хорошо. Не рассчитывай, что я буду слушать все, что ты хочешь **скачать**, и соглашаться с тобой, потому что этого не будет. Я просто **твой** учитель — ни больше ни меньше. Когда ты видишь меня, в

твоей голове должно быть лишь *«Да, господин!»*, *«Нет, господин!»* и *«Внимание!»* Когда я прошу что-то сделать, ты должен в точности выполнять мою просьбу. Если не исполнишь, будешь наказан».

Он помолчал при виде слез, наворачивающихся на мои глаза. Я был уничтожен. Мастер Ко стал как бы отцом для меня, и я не мог понять, почему он был против подобных отношений. Для меня они казались вполне безобидными и подходящими, но для него это было неприемлемо, и в этом он усматривал несчастье для меня самого.

«В сутках всего двадцать четыре часа, — продолжал он. — Часть этого времени тебе надо проводить со своими родителями. Ты также должен общаться с друзьями. Если придет день, когда я стану твоим отцом и твоей матерью, лишь тогда у тебя не будет времени поговорить с ними. И вскоре ты забудешь о них. Есть важная разница между твоим отцом и мною. Я твой учитель и поводырь; я не тот, от кого ты можешь зависеть. Таким человеком для тебя является твой отец — тем, от кого ты зависишь, кому плачешься и с кем болтаешь о всякой всячине. Моя задача — сделать тебя совершенным, поставить на путь, ведущий к непревзойденному мастерству, и укрепить тебя там. Здесь нет места заблуждениям на мой счет. Ты можешь заблуждаться насчет своего отца — он допускает это. Но не я».

Впоследствии я понял, что мастер Ко был прав. Мои отношения с отцом, матерью и с Учителем в корне различались друг от друга. Моя связь с отцом в первую очередь чисто физическая, кровная и затем умственная. В то время как к матери я испытываю эмоциональные по природе чувства. Эти отношения не требуют и не ищут совершенства. Только у отношений, которые связывают меня с мастером Ко, была единственная цель — достижение абсолютного совершенства. Именно поэтому моя связь с Учителем лежала всегда в сфере духовного. В моей жизни мастер Ко — единственный человек, который требовал от меня совершенства и старался его добиться. Это стало делом его жизни, как моего учителя и поводыря. Хотя по профессии он был сапожником, его жизнь была посвящена боевым искусствам, которые служили для него источником одухотворенности.

Мой Учитель часто говорил, что на пути к совершенству мне придется пройти через множество неудач и разочарований, но я должен оставаться настойчивым и упорным. Лишь немногие действительно стремятся к совершенству, еще меньше тех, кто берет на себя роль учителя и проводника на этом пути. Такие люди принадлежат к очень избранной группе, и они навсегда отделены от всех остальных.

Когда я размышляю над решениями, принятыми мной в начале пути вместе с моим Учителем, я вижу, что имел возможность с самого начала сделать правильный выбор. Вера в утверждение мастера, что я нормальный мальчик и со мной все в порядке, положила начало концу моей физической и умственной слабости.

Преодоление собственной беспомощности

В значительной степени моя способность преодолевать собственную немощь и бессилие обязана занятиям боевыми искусствами. Еще до начала самих тренировок мне очень помогло настойчивое указание мастера Ко молча сидеть и смотреть, поэтому я старался сосредоточиться на упражнениях, выполняемых и тренировочном зале. Вдобавок регулярная уборка помещения, ко-торая тоже требовала совершенства, приучила меня выполнять только отлично даже самые простые поручения.

Истинная правда, что я появился на этот свет «поврежденным при транспортировке» — с целым букетом дефектов. Как я уже го-ворил ранее, когда мне было три года, родители стали замечать, что мне трудно правильно и быстро воспринимать и обрабатывать информацию. Что-то замыкалось в моем мозгу, и это «что-то» лиша-ло меня возможности нормально стоять. Если я не следил постоянно за равновесием и не старался сохранять его, то обязательно падал. Я был чем-то похож на канатоходца: если останавливался и стоял смирно хотя бы несколько секунд, начинал шататься и ока-зывался на земле. Необходимость постоянно поддерживать равновесие оставалась главной проблемой для меня до тех пор, пока,

к огромному изумлению всех, мастер Ко всего через несколько занятий не научил меня твердо стоять.

Когда я приступил к тренировкам, первое, что показал мне Учитель, была «поза всадника» — основная тренировочная стойка в боевых искусствах. Поза бойца получила такое название из-за того, что в этой стойке спереди он выглядит как бы сидящим в седле. Ноги раздвинуты, согнуты в коленях и напряжены, «пятая точка» немного выдвинута вперед - вверх, чтобы центр тяжести приходился как раз на нее. Поза всадника в действительности пришла от древних мастеров боевых искусств, изучавших повадки медведей. В царстве животных немногие так хорошо сохраняют равновесие на двух задних лапах, как медведи. Их лапы согнуты в коленях и слегка повернуты внутрь, спина прямая, и центр тяжести приходится как раз на зад.

Это была основная стойка, которая позволяла мне твердо держаться на земле. Каким-то образом разучивание этой стойки что-то включило во мне, что хотя и имелось ранее, но по разным причинам бездействовало. Я уже больше не шатался и не падал, когда пытался идти или бежать. И лишь теперь мастер Ко начал учить меня особым упражнениям на развитие координации и физической силы. Самое важное, он привил мне чувство времени, позволяющее синхронизировать все действия.

Когда я впервые пошел в школу, моей главной проблемой была неспособность согласовать свои действия по времени. Я не мог правильно связать свои физические и умственные способности. Когда учитель задавал мне вопрос, я знал ответ, но не мог дать его достаточно быстро. Хотя я и знал нужные слова, но не мог их связать и заставить вылететь изо рта.

Позже я узнал, что это распространенная проблема у пациентов, перенесших инсульт. Когда у них спрашивают имя, они мгновенно соображают, что ответить, но не могут произнести ответ. Если вы назовете им их имена, они согласно закивают головами. В результате перенесенного инсульта что-то замыкается в их сознании.

Так было и со мной. Учитель уже спрашивал следующего ученика, а я поднимал руку и, надеясь на похвалу, выпаливал ответ на вопрос, заданный пятью минутами раньше. Все вокруг хихикали,

но я не обращал на это никакого внимания. Я знал правильный ответ, даже если и опоздал с ним на несколько минут.

Однако после того как я провел много часов, соединяя скорость мышления с точностью реакции, задержка в мышлении, которая преследовала меня с детства, окончательно исчезла. Во время тренировочного боя (спарринга) необходимы моментальная реакция и синхронность действий, иначе тебя постоянно будет опережать своими ударами соперник. Это был один из многих жизненно важных центров, которые в процессе тренировок попеременно включались и выключались во мне.

Но у меня были и другие проблемы. Я не мог внятно говорить, и мое странно звучащее бормотание часто вызывало смех или мое смущение. Мои способности к чтению и письму были ниже обычных, и мне всегда требовались дополнительные пояснения. Сохранять внимательность на занятиях в школе оставалось, безусловно, самой трудной для меня задачей.

Хотя многие одноклассники смеялись надо мной и избивали после уроков, я всегда любил ходить в школу. Садился в первых рядах и никогда не нарушал дисциплину, особенно после того, как мастер Ко преподавал мне уроки послушания и ответственности. Как бы плохо я себя ни чувствовал, я никогда не пропускал школьных уроков. Как сказал Учитель, мне действительно надо было быть вместе со своими сверстниками. Не важно, насколько несправедливо и жестоко они обращались со мной; я понимал, что все это необходимо для моего совершенствования. Моя жизнь не улучшилась бы, если бы я сидел весь день дома, в углу.

Если бы понадобилось назвать какой-нибудь отдельный аспект восточных единоборств, овладение которым больше всего помогло мне в преодолении умственных и физических недугов, я бы упомянул отработку движений, имитирующих повадки диких животных. На это ушли годы. Ранее я упоминал стойку (или позу) всадника, которая *скопирована с положения* стоящего на задних лапах медведя и появилась в результате многолетних наблюдений за поведением

животных на воле. Практически все основные удары и передвижения в боевых искусствах взяты из «арсенала» дерущихся диких животных.

Тысячи лет назад отцы-основатели корейских и японских боевых искусств создавали комплексы базовых движений и стоек бойцов, наблюдая за тиграми, лошадьми, обезьянами, львами, слонами и медведями. Эти животные владели отточенной техникой движений с момента появления на свет, им не надо было ходить в школу и учиться защищать себя. Например, с рождения удав знает, как задушить своими объятиями жертву. Молодому тигру не надо учиться искусству вонзать когти в глаза нападающему. И лошади рождаются с только им присущей способностью лягаться. Все представители животного царства появляются на свет с врожденными навыками самозащиты, и у каждого для этого имеется своя уникальная система, действующая все 24 часа в сутки.

Мастер Ко учил своих учеников, что вначале люди тоже появлялись на свет с подобной системой выживания, основанной на прирожденных навыках самообороны. Задолго до того как возникло цивилизованное общество, высшим принципом существования была необходимость выжить. Подобно многим животным, стоящим ниже их в эволюционном ряду, люди рождались с: 1) обостренным восприятием окружающего мира и способностью моментально распознавать опасность; 2) пониманием ритма жизни (собственных биоритмов); 3) координацией, благодаря которой могли выполнять все движения с большой точностью, и 4) природной физической силой. Тех, у кого не было всех этих качеств, защищали те, у кого они были, неприспособленные или незащищенные просто погибали.

Мастер Ко объяснил, что глубинная причина моей детской отсталости заключается, как ни странно, в цивилизованности людей. Спустя многие столетия большинство людей уже не ставило во главу угла задачу физического выживания. Эта задача была передана нашим защитникам — главным образом полиции и армии. В результате врожденная человеческая система самозащиты в значительной степени деградировала, поставив многие переключатели нервной системы в положение «выкл.», тем самым отключив соответствующие «оборонительные» участки мозга.

Хотя я и испытывал ужасные затруднения в общении с окружающими и с самим собой, меня утешало, что мои мыслящие центры были в порядке. Мне только надо было активировать цепь их контактов, заставить работать. Годы занятий боевыми искусствами включили многие из этих бездействующих участков сознания, и я верил, что и другие усилия, предпринимаемые мной на жизненном пути, приведут к такому же результату.

По мере того как мои тренировки продолжались и я успешно преодолевал свои недостатки, нагрузки становились все интенсивней. Мастер Ко требовал от учеников полной отдачи и часто говорил: «Вы должны владеть самоконтролем, самодисциплиной и способностью к концентрации. Если вы не-научитесь правильно концентрироваться и сосредоточиваться на главном, я мало что смогу сделать для вас».

По его мнению, скорость выполнения приемов достигалась за счет соответствующих физических предпосылок, в числе которых были сила, выносливость и гибкость (растяжка). Он укреплял и закалял наши тела интенсивными тренировками, доводящими порой до полного изнеможения. Ключ к мастерству был один — упражнения, упражнения, упражнения. (Сегодня я говорю своим ученикам, что тогда моим первым словом было «Тренировка», вторым — «Тренировка» и последним — «Тренировка».)

Что действительно помогло мне преодолеть собственную физическую слабость, особенно неустойчивость и отсутствие координации движений, так это длительное повторение. Сотни часов я провел, выполняя одни и те же движения, что отлично помогло наладить нервно-мышечные связи, которые раньше, до занятий, просто не работали. Помимо убийственных часов ежедневной отработки приемов путем бесконечного повторения, зимой мы регулярно купались в ледяном пруду, а летом бегали десятимильные кроссы под палящим солнцем.

Мастер Ко часто повторял: «Когда вы ошибаетесь, я тут как тут с моей «материнской любовью». Ее роль выполняла бамбуковая палка, которой он охаживал нас по ногам, заднице и корпусу.

Всего в зале было 24 бамбуковые палки разных размеров и формы, развешанные на стене. У каждой было свое имя: «любовь учителя», «материнская любовь», «сестринская любовь», «отцовская любовь» и т. д. Самой жесткой и тяжелой была «любовь учителя», сделанная из основания бамбукового ствола, сплошного внутри. Эта палка использовалась главным образом для наказания. Следующей по жесткости и частоте применения была «материнская любовь» (сделанная из центральной части ствола бамбука, полый внутри и более гибкой). Свое название эта палка получила по аналогии с заботой, воспитанием и самопожертвованием наших матерей. И когда ученик получал «материнской любовью», это воспринималось как что-то вроде бескорыстной заботы и поучения, исходящих от Учителя.

Многие американцы усматривают признаки насилия в подобном «воспитании» учеников бамбуковыми палками. Но для нас «материнская любовь» была лечебным средством, которое не только учило дисциплине и почтительности, но и закаляло наши тела. После трех месяцев регулярного получения своей доли «материнской любви» камни, бросаемые в меня соседскими детьми, казались мне цветочками; через шесть месяцев они никогда не попадали в меня; а через год дети вообще перестали бросаться камнями.

Владеющие корейскими боевыми искусствами (тэквондо в особенности) наиболее известны своим умением выполнять удары ногами в прыжке. Мастер Ко больше всего ценил прыгучесть своих учеников. Особенно эффектный удар в прыжке, который мы исполняли, назывался «удар орла». Если говорить строго о технической стороне дела, орел не бьет в прыжке лапами; он пикирует на свою жертву и хватает ее когтями. Но в известном смысле эта искусная птица как бы совершает затяжной удар в полете, в стремительном падении на летящую жертву. Ясно, что такое пикирование на цель невозможно без точного расчета времени и места. Демонстрации именно этих качеств требовал от нас мастер Ко при исполнении удара орла.

Наши тренировки по отработке прыжков были очень напряженными. В ранние утренние часы мы собирались на кукурузном поле, где часами прыгали через стебли кукурузы разной высоты. Когда кто-нибудь не дотягивал и задевал растение, мастер Ко был тут

как тут и немедленно «поощрял» беднягу «материнской любовью». В результате я научился в одном прыжке наносить шесть ударов ногами в голову и корпус противника, прежде чем снова приземлиться. Во время показательных выступлений я привычно перепрыгивал через шестнадцать лежащих человек, чтобы в конце полета разбить ногой сразу три сложенные вместе дощечки. Конечно, это достигалось особой концентрацией и требовало расчета скорости и времени по долям секунды. В лучшие годы моих показательных выступлений по всему миру я был настолько профессионален, что расстояния, которые я преодолевал при исполнении ударов ногами, приближались к официальным мировым рекордам по прыжкам в высоту и длину.

Когда я оглядываюсь на мои ранние годы занятий у мастера Ко, то вспоминаю, что частенько они были довольно суровыми. Сегодня я понимаю, что, будь мои тренировки не столь жестоки — если бы Учитель не потчевал меня «материнской любовью» и физически не тиранил меня, — я бы так и не почувствовал, что способен на многое, и, следовательно, я не был бы здесь сегодня и не делился бы с вами своими мыслями. Да, было трудно, и до сих пор я ощущаю физическую боль, испытанную тогда. Но я всегда помнил о тех соседских детях, про себя говоря им: «Если вы смеетесь надо мной сейчас, придет день, когда я смогу смеяться вместе с вами, потому что в глубине души я знаю, что такой же, как вы». Меня не трогали их насмешки, так как в собственных глазах я уже был на самом дне и не мог опуститься ниже. Я старался не тратить время на обиды за их обращение со мной, так как понимал, что у меня был лишь один путь, по которому могу идти, — путь вверх. Правда, случались моменты, когда моя неспособность держаться наравне с другими угнетала меня.

Несколько раз в год мастер Ко экзаменовал учеников с целью поощрения и присвоения им очередных степеней отличия в спортивной иерархии. Когда проходили тесты, я или вообще не включался в список экзаменуемых, или не выдерживал испытания.

На следующий день я стоял в зале и отрешенно наблюдал, как многие ученики получали знаки отличия — это были или полоски, нашиваемые на их белые пояса, или новые пояса другого цвета. Подобное продолжалось больше года. Однажды вечером после занятий я одиноко сидел в своем углу и рассматривал пояс, который снял и держал в руках. Он все еще оставался девственно белым — без каких-либо полосок. Целый год занятий не принес мне никаких результатов в продвижении по спортивной лестнице.

Через некоторое время мне пришло в голову, что я не обязан сравнивать себя с другими учениками мастера Ко. Я существую сам по себе. В следующие месяцы я стал задаваться вопросом: «*Что ты сделал сегодня лучше, чем вчера!*» Такой подход сослужил мне хорошую службу. Даже если я отмечал у себя лишь небольшой прогресс, то считал что эта неделя не пропала даром.

Однажды вечером после особенно тяжелой тренировки я снова сидел дома и созерцал свой белый пояс без единой отличительной полоски. Мне в голову пришла мысль, что можно учредить второй оценочный критерий повышения мастерства. В добавление к поощрениям мастера Ко я могу поощрять себя сам, когда почувствую, что мое мастерство достигло очередного уровня. Чем больше я размышлял подобным образом, тем больше мне нравилась эта идея. Ведь я был отчасти отсталым в развитии и Уродом, поэтому можно было рассчитывать на снисходительное отношение ко мне. Карандашом я нанес узкую линию на кончике пояса — личную отличительную полоску. Черточка была едва заметной, и я надеялся, что никто больше о ней не узнает. Ложась спать этим вечером, я очень гордился собой.

Когда следующая группа учеников успешно прошла тесты и продвинулась в спортивной иерархии, они решили отпраздновать это событие; я же отошел в сторону и сел в углу зала, любуясь едва заметной отметкой на своем поясе, которую сделал несколькими месяцами раньше. К сожалению, Учитель заметил это и приказал остаться после занятий в зале. Он был очень сердит и выдал мне солидную порцию «материнской любви». «Нет никакой славы в таком самонаграждении!» — кричал он снова и снова, охаживая меня бамбуковой палкой.

Годами позже я осознал мудрость этих слов. В любой школе боевых искусств лишь один человек может определять ваши успехи и неудачи — Учитель, чьи авторитет и власть абсолютны. Не будь этого, боевые искусства в значительной степени утратили бы свое влияние и значение. Продвигать и отмечать кого-либо, помимо желания Учителя — это значит унижать всех других учеников; но самое главное — это унижение и для самого мастера. Таким был один из многих доставшихся мне дорогой ценой уроков на моем пути к успеху.

Следующие четыре года прошли в усердных тренировках. По сравнению с уровнем других учеников я напоминал черепаху из басни о черепахе и зайце, но был полон решимости не отступить. Месяц за месяцем, год за годом я шел своим путем, через ряды отличительных нашивок на моем поясе. И уже в десятилетнем возрасте был награжден черным поясом (наивысший знак отличия в восточных единоборствах); в дополнение к этому присваивается разряд — дан, с 1-го по 9-й. Вся моя семья, друзья и школьные учителя присутствовали на церемонии награждения. Это был величайший день в моей жизни. В боевых искусствах ребенок до шестнадцати лет не может получить полноценный черный пояс, вот и мой был «почетным» черным поясом. Это не имело никакого значения для меня, потому что я вполне справился с полным курсом обучения в школе мастера Ко. То, что мой пояс назывался «почетным», было всего лишь технической деталью.

Неделю спустя после награждения, подождав, когда уйдут другие ученики, я подошел к мастеру Ко, сидевшему за небольшим столом, который он любил называть своим офисом.

«Простите меня, господин», — начал я, прочистив горло от хрипа.

«Да?» — произнес он своим обычным бесстрастным тоном.

«Я только хотел поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали. Знаю, вам было нелегко со мной, я был очень трудный ученик. Долгое время у меня были две левые ноги, и, казалось, пройдет вечность, пока я смогу исправить это. Я думаю, что получил здесь больше «материнской любви», чем кто-нибудь другой. Даже с учетом того, что я убирался для вас в школе, я чувствую, что не только этим объясняется ваше особое отношение ко мне».

44 Путь мастера

«Я учитель, сынок. А ученики не все одинаковы», — сказал он.

«Да, я знаю. Но хотел бы отметить то, что имеет большое значение для меня. Я думаю, возможно, это поможет...» — я замолк, ожидая, не зашел ли слишком далеко.

«Да?»

«Ну, когда я впервые пришел сюда, здесь было много учеников, которые были намного лучше меня. Я знаю, об этом не стоит и говорить. У этих парней действительно было все, чтобы добиться успеха. Годами я наблюдал, как они получали одно отличие за другим, сам оставаясь на уровне белого пояса. Некоторые из них даже дошли до красного пояса, о чем я мог только мечтать. Много раз они махали своими поясами перед моим лицом, но я отказывался уходить. Так или иначе, сейчас у меня черный пояс, и я вдруг обнаружил, что этих парней уже нет здесь. Они ушли, а я все еще здесь. И сейчас у меня высший разряд, более высокий, чем был у них, когда они прекратили тренировки. Все, что я хочу сказать, — это то, что очень высоко ценю все, что вам пришлось вынести, занимаясь со мной, и я намерен оставаться здесь так долго, как долго вам захочется тренировать меня, господин».

Это было впервые и лишь один раз, когда я видел мастера Ко, погруженным в безмолвие. Спустя мгновение намек на слезы появился в его глазах, и он сказал: «Сынок, я никогда не забуду, что ты сейчас сказал мне».

Неделю спустя, занимаясь с учениками в зале, он внезапно заорал на них: «Черный пояс — это всего лишь белый пояс, который никогда не сходит с полпути! Не забывайте это!». При этом он бросил взгляд в мою сторону и подобие улыбки промелькнуло на его лице, что было для мастера Ко большой редкостью.

Ребенок - солдат на корейской войне

Первые десять лет жизни в семье прошли под знаком японской оккупации моей родины. Мы испытывали большие трудности, было мало работы и постоянно не хватало еды. Дух корейцев был в значительной степени сломлен японскими оккупантами. 6 августа 1945 года Соединенные Штаты сбросили атомную бомбу на Хиросиму и три дня спустя — на Нагасаки. По радио в те дни передавали, что катастрофические последствия бомбежки — Божья кара японцам. Вскоре после этого в новостях замелькало название районов вокруг нашей деревушки Ансон — 120-тысячная группировка советских войск вступила в Маньчжурию и северные районы Кореи. Хотя никто в нашей деревне не понимал, почему русские наступают, мы считали, что они вторглись в Корею не для войны с корейцами. Все надеялись, что Советы приструнят японцев.

Через несколько часов после уничтожения Хиросимы кэмпэй-тай (японская военная полиция) в Ансоне окружила дома корейцев, симпатизирующих революционному движению в Маньчжурии. Этим людей схватили и свезли в полицейский участок, долго и жестоко пытали. Японцы непременно хотели узнать, что арестованные собирались предпринять в связи с изменением военной

ситуации, и намеревались взять под стражу всех, кто, по их предположениям, располагал секретной информацией.

Кэмпэйтай допрашивала и пытала заключенных с такой же жестокостью, как нацистское гестапо. Дикие избиения были обычным делом, так же как и хладнокровные убийства. Отчаянные крики доносились из полицейского участка днем и ночью. Брат отца был одним из руководителей революционного движения, поэтому наша семья находилась под пристальным наблюдением полиции.

Через два дня после советского вторжения я проснулся рано утром и сразу почувствовал: что-то изменилось. Обычно японцы с рассветом патрулировали улицы, выкрикивая разные распоряжения через мегафоны. Этот постоянный поток громких требований — начиная от указания путей объезда и до приказа корейцам выйти из домов и кланяться огромным портретам их божественного императора — подавлял все вокруг. Однако в то утро на улице было тихо. Затем на улице раздались крики: «Японцы ушли! Японцы ушли!»

Я не мог поверить этому. Если это правда, значит, случилось чудо. Хотя мне было только десять лет, я присоединился к большой толпе людей, собравшихся возле полицейского участка. Войдя внутрь, мы застыли в оцепенении. Японцы убегали в спешке, бросая все. Мы ходили по участку, плюя на стены. Я даже украл карандаш с одного из столов, как свидетельство того, что смог проникнуть в это место, известное как японская комната ужасов, взять там что-то и выйти невредимым. Станным образом я испытывал такие же чувства, как многие другие, — это была моя последняя шутка.

В конце концов, мы, корейцы, жили в своей собственной стране. В следующие две недели мы тщательно избавлялись от всего, что напоминало о японцах: от дорожных знаков, памятников, афиш, рекламы, картин, фотографий и официальных объявлений — от всего! Второго сентября 1945 года Соединенные Штаты и их союзники приняли капитуляцию Японии, что послужило поводом для всенародного ликования. После того как японцы покинули Корею, потребовалось много времени на восстановление порядка в стране.

Шайки бандитов постоянно дрались с американскими солдатами на улицах Сеула. Между тем вдалеке от нас лидеры двух сверхдержав — США и СССР — пытались определить, кто же будет управлять на-

шей только что освободившейся страной. Десятилетиями японцы убеждали мир, что корейский народ — скопище бессловесных и необразованных существ; теперь этим занялись Советский Союз и Америка, утверждая, что в Корее нет никого, кто бы мог возглавить страну. По мнению японцев, корейцам присущ стадный менталитет: раб всегда раб, и поэтому Корее потребуется от пятидесяти до ста лет, чтобы там смогли выдвинуть своего собственного лидера. Таков был японский прогноз, и советские и американские руководители приняли его. Как временное решение проблемы обе сверх-державы согласились разделить страну пополам по 38-й параллели. Поскольку в Корее не было никого, кто был достаточно подготовлен для управления страной, Соединенные Штаты сочли, что для этого поста подойдет Ли Сынман — кореец, который жил в США и там же получил образование. Ли привезли в Сеул, и в результате народных выборов, проведенных в мае 1948 года, он стал первым президентом Южной Кореи. Опираясь на поддержку США, президент Ли Сынман сформировал временное правительство Южной Кореи; эта часть страны с августа 1948 года стала называться Республика Корея. Северная половина страны, или Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), находилась под опекой Советского Союза, который объяснял свое присутствие единственным желанием оказать помощь корейскому народу. В то время как еще происходила регистрация этих соглашений, они декларировались и закреплялись в различных международных документах, с Севера уже начинали доноситься пока еще слабые удары барабанов войны.

В сентябре 1948 года ставленник Советского Союза, руководитель Северной Кореи Ким Ир Сен, который долго жил в России и получил там образование, официально воссоздал Корейскую народную армию. В противоположность вооруженным силам Южной Кореи северокорейская армия была на высоте. Всего через три недели после официального занятия Ли Сынманом поста президента Ким Ир Сен, выступая как глава КНДР, потребовал распространения юрисдикции режима Северной Кореи на всю Корею.

День 25 июня 1950 года в Ансоне походил на любой другой. Мне было 15 лет, и я собирался обедать, когда внезапно мы услышали резкие хлопки. Вначале мы подумали, что соседи жарят бобы, корейский аналог воздушной кукурузы. Звуки не становились громче, но и не ослабевали и не прекращались. Через несколько минут любопытство вывело нас на улицу. По обеим сторонам дороги стояли соседи, прислушиваясь к шуму, ясно доносящемуся с севера. Никто не проявлял особого беспокойства. Лишь позже мы узнали, что этот странный гул в действительности был отзвуком долгой и интенсивной канонады: это стреляли пушки и минометы северокорейской армии.

На следующее утро меня и моих родственников разбудила взволнованная мать, которая велела нам быстро собрать и упаковать свои вещи. Незадолго до этого семь штурмовых дивизий северокорейской армии, насчитывающих 90 тысяч солдат, без предупреждения обрушились на неподготовленные позиции вооруженных сил Южной Кореи. Впереди шли 150 танков, и атаку поддерживал огонь 1700 гаубиц и 76-миллиметровых самоходных орудий. Более двухсот самолетов советского производства обеспечивали наступающим войскам превосходство в воздухе. Хуже всего было то, что у армии Южной Кореи не было ни авиации, ни тяжелых гаубиц, ни полевой артиллерии; только устаревшие и относительно неэффективные ракетные пусковые установки калибра 2,36 дюйма. У северных корейцев имелись советские танки Т-34 — лучшие танки Второй мировой войны; они неслись вперед, подминая своими стальными гусеницами сотни южнокорейских солдат, которые отчаянно пытались остановить их минами и ручными гранатами. Невредимые танки начали затем утюжить обезумевших от ужаса оставшихся в живых солдат тыловых подразделений, которые даже не появлялись на поле боя.

Деревня Ансон находилась милях в тридцати южнее Сеула. Мы знали, что солдаты не скоро доберутся до нас по труднодоступным горным дорогам, но понимали, что они все-таки придут. Мой отец ушел в надежде найти безопасное место на юге; братья, сестры и я остались с матерью, которая двумя месяцами ранее родила двойню.

Когда мы уходили, основные дороги на юг были забиты более чем тридцатью тысячами беженцев, искавших спасения. Мать обвязала веревку вокруг моей талии и прикрепила ее к старшему бра-

ту и сестре. По отдельности мы бы мгновенно потерялись в потоке беженцев или нас вообще бы растоптали. Эта стихийная паника, охватившая тысячи объятых ужасом корейцев, была гораздо хуже того, что они испытали во время японской оккупации.

На следующий день мы узнали о первой из многих военных трагедий, которые преследовали нас последующие три года. Для того чтобы продвигаться на юг от Сеула, беженцы и отступающие солдаты должны были перейти один из трех мостов через реку Хан. Все три полосы движения были забиты медленно движущимися массами людей, когда подрывная команда по приказу южнокорейского командования взорвала мост, обрекая на верную смерть более тысячи невинных жертв. Подрыв моста должен был задержать северокорейскую армию и ее танки на северном берегу реки Хан. Через три дня Сеул был захвачен армией Северной Кореи; в последующие три года этот город пять раз переходил из рук в руки.

С мучениями мы медленно двигались на юг. Беженцам не хватало воды и пищи; много стариков, умерших в пути, оставалось лежать на обочинах дороги. Вонь от нечистот и разлагающихся трупов отравляла воздух. Почти все молчали, так как разговор отнимал слишком много сил. Тишину нарушали лишь скрип запряженных волами повозок, плач детей и стоны ослабевших людей, медленно сходящих с ума.

В тридцати милях южнее Чонана мы наткнулись на армейский контрольно-пропускной пункт, где мне пришлось проститься со своим братом Доком. Всех юношей старше 12 лет забирали в южнокорейскую армию, причем отбор велся по внешнему виду подростка. (В первый месяц после нападения северокорейцев было призвано 50 тысяч юношей, а к концу 1950 года это число возросло до 250 тысяч!) Доку было девятнадцать, и он выглядел достаточно взрослым и сильным физически. Разлука была печальной. Мы обнялись на прощание и загадали встретиться вновь, когда кончится эта ужасная война. Через минуту моего брата увели к поджидавшим новобранцев военным грузовикам. Я же, хотя и благополучно миновал несколько КПП (возможно, просто потому, что не выглядел достаточно взрослым для армии), в конце концов тоже был мобилизован. После прощания с матерью и родственниками меня погнали к

таким же военным грузовикам, какие несколькими днями раньше увезли на фронт моего брата. Я испытывал смертельный ужас.

С самого начала я не стремился стать частицей южнокорейской армии и сражаться с врагом, о котором знал лишь, что это «коммунистические солдаты». Большую часть моей жизни я прожил в оккупированной Корее и имел смутное представление о чувстве патриотизма. В нашей семье хранился корейский флаг, но нам никогда не позволяли вывешивать его. Более того, живя в маленькой деревушке и получив лишь начальное образование, я не имел никакого понятия о мировой политике или о том, почему Север напал на Юг. Все мои познания сводились к тому, что нам говорили в школе за год до нападения: северные корейцы отличаются от нас. Хотя они и были нашими соотечественниками, северян представляли нам как «красных дьяволов с рогами на лбу». Я находил такое описание странным и даже забавным, но до того, как разразилась война, политические коллизии совершенно не затрагивали меня. Эти «красные дьяволы-корейцы с рогами» жили очень далеко от моей деревни.

Во время войны многие ассоциации боевых искусств, ставшие популярными после ухода японцев, вынуждены были закрыться, так как их инструкторов призвали в армию. В итоге сотни учеников этих школ лишились возможности тренироваться. Но война все же пошла на пользу развитию корейских боевых искусств. Президент Ли Сынман в 1952 году наблюдал получасовые показательные выступления мастеров восточных единоборств. Боец, разбивший рукой тринадцать черепиц, произвел на него такое впечатление, что Ли приказал ввести боевые искусства Кореи (тэквондо и другие) в обязательный курс военной подготовки всех солдат.

Если что и было хорошего в том, что я стал солдатом и попал на войну, так это то, что я не хотел быть исключением из правил и не стал им. Мастер Ко хорошо потрудился, чтобы привить мне чувство собственного достоинства и страстное желание быть *частью целого*, а не *стоять особняком*. Конечно, я не хотел покидать свою семью, но все же с нетерпением ожидал, когда смогу сказать:

«Я солдат и стою рядом с другими солдатами в форме». В то же время я не имел ни малейшего представления о грозном противнике, с которым мне предстояло сразиться.

Армия Северной Кореи была в полном смысле слова профессиональной. Из более 90 тысяч ее солдат треть участвовала в гражданской войне в Китае, а оставшиеся две трети были приведены в боевую готовность перед броском за 38-ю параллель. Эта военная машина была настолько хорошо отлажена и эффективна, что за несколько недель полностью разгромила пять южнокорейских дивизий.

В отличие от северокорейской армии, профессионально обученной советскими инструкторами и имевшей современное оружие, армия Южной Кореи вступила в войну, испытывая недостаток в живой силе, деньгах и продовольствии; не хватало и обученных военной тактике офицеров. Боевую несостоятельность основной массы южнокорейских войск иллюстрирует тот факт, что на полную подготовку солдат из мобилизованных новобранцев отводилось всего три дня.

На следующее утро, после того как я был оторван от своей семьи, начался мой первый день подготовки к солдатской службе. Мне показали, как правильно надевать форму, кланяться и отдавать честь. И это было все. На второй день нас учили заряжать винтовку, целиться и стрелять. В последний, третий, день подготовки мы учились маршировать, ползать по-пластунски и бегать зигзагами. На этом моя военная подготовка закончилась, три дня считались достаточным сроком для превращения новобранца в солдата.

Дальше меня направили в училище, где в течение дня натаскивали как полевого санитаря. Мои обязанности были несложными: я должен был ухаживать за ранеными на поле боя, заниматься всем — от штыковых ранений в живот до пулевых в голову. В моей медицинской сумке было так же негусто, как и во всем остальном хозяйстве нашей армии, — две кварты йода и несколько пачек стерильных бинтов. Пострадавшему на поле боя прежде всего надо было смазать рану йодом и принять все меры, чтобы остановить кровотечение. У санитаря был нехитрый выбор — наложить жгут, что почти

всегда означало впоследствии ампутацию (если не смерть), или затолкать в рану тряпки, заменяющие вату. Пожелав удачи раненому или умирающему, я полз к следующему кричащему солдату.

Когда не требовался санитар, я старался делать то же, что и обычные пехотинцы. Однако и им приходилось несладко, особенно когда дело доходило до стрельбы. Солдатам выдавали по восемь пуль в обойме, но не у всех были винтовки. Поэтому при атаке наших позиций солдат с ружьем выпускал свои пули по нападающим, передавал винтовку следующему и сразу же набивал свою обойму; ожидая когда ему вернут винтовку (если вообще вернут). Второй солдат отстреливался и, в свою очередь, передавал винтовку следующему. Так мы и стреляли по кругу. Я не могу передать отвратительное чувство беспомощности сидящих на дне окопа в ожидании своей очереди стрелять, когда враг насадет со всех сторон. Нередко винтовка закреплялась за каким-то одним солдатом, и он был обязан следить за ее исправностью, выдавать и получать обратно, пока его товарищи слушали свист вражеских пуль, проносившихся над их головами или ricochetивших от их касок. Ситуация становилась совсем безвыходной, когда винтовка, брошенная к ногам солдата, оказывалась трофейной, советской, — к ним не подходили патроны американского производства, имевшиеся у солдат. Так что у нас могли быть в избытке патроны, но если нам давали не те винтовки, мы все равно не могли обороняться. Уж лучше было покинуть окопы и броситься на врага в штыковую атаку. (Много раз мне приходилось держать захваченных солдат противника под прицелом винтовки, которая даже не была заряжена!)

Нам действительно нужна была помощь, и мы молились, чтобы долгожданные американские войска прибыли как можно скорей. Еще два ужасных врага досаждали нам ежедневно: суровая корейская зима и постоянный голод. Не получая никакого пайка, мы вынуждены были готовить нечто, получившее название «суп из языков». Это не были языки животных, их заменили «языки» наших ботинок. Этот «деликатес» готовился в каске, наполненной снегом и подвешенной над костром. Когда вода закипала, мы клали в нее лоскутки кожи, срезанные с наших ботинок, и всякую зелень, которую удавалось найти поблизости. Рассаживались вокруг и минут

пятнадцать наблюдали, как варится эта ужасная смесь, а затем делили похлебку на всех. Основной питательный элемент варева содержался в этих «обувных языках», так как они были из сыромятной кожи, поэтому их можно было причислить к говядине. В другое время моей единственной пищей были несколько касок снега.

Возможно, самой большой насмешкой или трагедией того времени было то, что корейский мужчина или мальчик, надев солдатскую форму, мог стать солдатом как Севера, так и Юга. Воюя на стороне Южной Кореи и попав в плен, он на следующий день становился солдатом северокорейской армии. Это приводило к тому, что нередко братья, дети и отцы сегодня дрались друг с другом, а месяц спустя воевали уже вместе на чьей-то одной стороне.

Подрыв моста через реку Хан в июне 1950 года был первым в цепи военных зверств, совершенных обеими воюющими сторонами. Северокорейская армия обычно пыталась и калечила пленных. Нередко им связывали руки за спиной и расстреливали из пулеметов. Многих пленных жестоко кастрировали без анестезии; другим, молчавшим на допросах, отрезали языки.

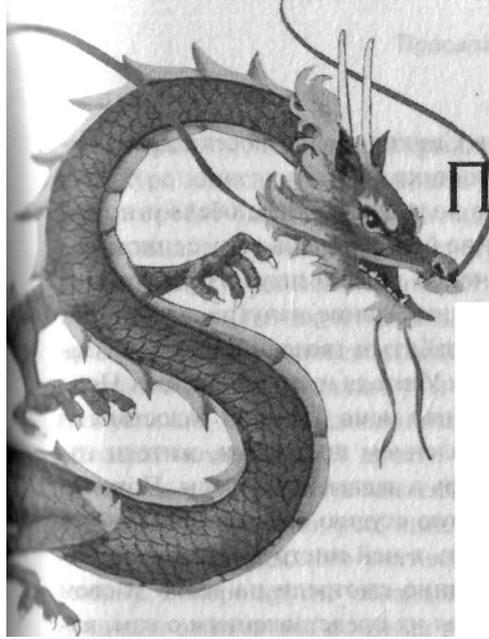
За три года этой войны я прошел все круги ада. В самом деле, иногда мне казалось, что я прошел через преисподнюю и вышел с другой стороны. И не раз утверждал и утверждаю сейчас, что занятия боевыми искусствами спасли мне жизнь. Это не относится к физической стороне дела — освоенные мной удары руками и ногами нельзя сравнивать с пулями невидимого снайпера или брошенной гранатой, мгновенно разрывающей человека на куски. Мою жизнь спасло то, что заложил в мой разум мастер Ко в раннем возрасте. Я был «запрограммирован» не возвращаться домой в гробу.

Еще до войны я победил многие свои физические и умственные недостатки. Камни, которые швыряли в меня соседские мальчишки, ранили меня намного сильнее, чем все то, чем досаждали мне северокорейские солдаты. С первого выстрела я понял, что не собираюсь стать статистом на этой войне. В глубине души я чувствовал, что выполняю предназначение судьбы, хотя и не знал, в чем оно все-таки заключалось. Когда я оказывался под сильным огнем и адреналин наполнял мои жилы, я часто видел лицо Учителя и слышал его голос, повторяющий то, что он так часто говорил в зале: «Доверь свою жизнь

судьбе, сынок». Это постоянное напоминание укрепляло желание выжить, более сильное, чем решимость вражеских солдат убить меня.

Безусловно, больше всего на войне я страдал от одиночества. Мне было всего пятнадцать лет, когда я попал на фронт, и до призыва я никогда не покидал свою семью и близких. Когда в раннем детстве я боролся за то, чтобы быть самим собой, одиночество одолевало меня постоянно и приводило на отмели Золотой реки — единственное место в мире, дававшее мне хоть какое-то успокоение. Сейчас же я старался выжить на поле боя вдали от покоя и безопасности своего дома. Письма, посылаемые матери, отцу и родственникам, оставались без ответа. Я не имел представления, что случилось с моей семьей, и боялся, что старший брат уже погиб в бою. Все эти три года я страдал от невыносимого одиночества. Если эта война когда-нибудь кончится и я останусь в живых (в чем я даже не сомневался), куда я пойду? Меня страшило, что придется возвращаться домой, в пустую деревню. Но я сохранял решимость бороться в надежде, что когда-нибудь моя семья воссоединится вновь.

Корейская война была одной из самых жестоких и кровопролитных в истории современных войн. Помимо того, что 1 миллион 600 тысяч солдат отдали свои жизни, а еще 420 тысяч пропали без вести, более 10 миллионов корейцев оказались разлучены со своими семьями на три долгих военных года. Многие никогда так и не увидели своих родных. Конец войны не принес очевидной победы какой-либо одной стороне и был трагичен. Северная Корея осталась под властью коммунистов, в то время как Южная Корея стала частью свободного мира. Прошло еще два года, пока моя семья не собралась полностью. К сожалению, во время войны умерла моя старшая сестра Сон, а брат Док был ранен. Но все же он выжил, вместе с матерью и отцом и нашими двойняшками. Я не верю, что Корея когда-нибудь станет такой же, как до войны. Кровь сотен тысяч погибших солдат навечно останется в ее израненной земле.

Преодоление внутренней дисгармонии

После окончания корейской войны в 1953 году я вернулся к гражданской жизни в Ансоне. Мне было восемнадцать лет, я хотел возобновить занятия боевыми искусствами и посвятить этому все свое время. Неудивительно, что у отца были другие планы насчет меня. Всю свою взрослую жизнь он был преподавателем и теперь настаивал, чтобы я поступил в колледж и изучал экономику. В итоге я с явной неохотой начал брать уроки в Корейском университете в Сеуле.

Но каждую свободную минуту я отдавал тренировкам с мастером Ко. Поскольку восточные единоборства входили в подготовку солдат во время войны, многие корейцы увлеклись этим древним и таинственным искусством самообороны. Поэтому Учитель обратился ко мне с просьбой открыть новую студию тэквондо в городке Синкидон, в предместье Сеула.

Мой отец считал, что открытие студии помешает моей учебе, но я проявил твердость и настойчивость. Кроме того, он знал, что боевые искусства были моей единственной страстью в течение многих лет и желание мастера Ко было приказом для меня. В конце концов отец уступил, настояв на том, чтобы я продолжал учиться.

Я согласился с этим и переехал в Синкидон, где поселился на задворках полуразрушенного магазинчика.

По утрам я ходил на занятия в колледж, а после обеда и по вечерам создавал студию. Помещение было в очень запущенном состоянии — пришлось настилать новые полы и штукатурить стены, латать протекающую крышу и красить здание изнутри и снаружи. Это был тяжкий труд, но с каждым забитым гвоздем и каждым мазком кисти я ощущал близость моего Учителя и его одобрение. Процесс рождения новой студии наполнял меня большой радостью.

Когда я трудился над восстановлением постройки, жители городка, случалось, заглядывали внутрь и задавали вопросы. Похоже, им очень хотелось иметь у себя новую студию боевых искусств, но когда я говорил, что собираюсь быть в ней инструктором, они находили это забавным и как-то странно смотрели на меня. В свои восемнадцать лет я не соответствовал их представлениям о том, каким должен быть инструктор боевых искусств, обладатель черного пояса тэквондо; и это даже несмотря на то, что мне удалось остаться живым в трехлетних боях корейской войны. Наверное, они ожидали увидеть какого-то таинственного старика в халате и с длинной бородой. (С аналогичными проблемами столкнулся легендарный Брюс Ли, когда начал учить американцев искусству кунгфу. Ему тоже было только восемнадцать, и никто не принимал его всерьез. Ли быстро рассеял их заблуждения). Сомнения жителей Синкидона нисколько не задевали меня. Я знал, что со временем смогу показать все, на что способен.

Через два дома от студии был кинотеатр, в котором три раза в день крутили фильмы — после обеда и два раза вечером. Я взял за обыкновение подходить к кинотеатру, когда заканчивался фильм и зрители начинали выходить на улицу. Я встречал их в спортивном кимоно и раздавал пригласительные билеты в студию и свои визитки. В Корее не положено мастерам тэквондо появляться в спортивной форме в общественных местах. Похоже, меня принимали за какого-то уличного проповедника, и многие говорили, что я сумасшедший и потерял всякий стыд. Меня это не волновало. Боевые искусства стали моим призванием и моей жизнью, и я был готов сделать все, чтобы привести людей в студию и показать, что я могу предложить им.

В первый день, когда открылась моя студия, на подготовительный курс записались пятнадцать учеников. Я прикинул: у каждого из этих ребят было еще по пятнадцать приятелей, хотевших поскорее услышать о новом парне из студии тэквондо. Все было поставлено на карту: пан или пропал. Я превзошел самого себя и преподавал этим парням такой мощный курс боевых искусств, что к концу занятий у них волосы стояли дыбом. На следующий день у меня появилось еще двадцать учеников. К концу месяца я добился таких успехов, о каких даже не мечтал, и вскоре понял, что мне необходим помощник. Я просто не мог в одиночку вести все свои группы и поддерживать занятия в студии на должном уровне.

Время шло, и моя репутация как выдающегося мастера боевых искусств к прекрасного учителя начала распространяться по Син-кидону. Вскоре другие обладатели черных поясов разыскали меня и начали заниматься с моими учениками под моим руководством. Через шесть месяцев у нас уже был сплоченный преподавательский состав, приносящий доход, достаточный, чтобы я смог открыть вторую студию для мастера Ко и подыскать себе уютный домик для проживания. В последующие три года я открыл еще шесть студий в окрестностях Синкидона. Во всех семи студиях занимались более пяти тысяч учеников.

В то время имелось пять основных ассоциаций, стремящихся возглавить и контролировать развитие корейских боевых искусств. Мастер Ко согласился включить сеть наших студий в Ассоциацию корейского тансудо, созданную в 1953 году Хваном Ки. В 1960 году правительство Южной Кореи зарегистрировало тансудо как традиционное корейское боевое искусство.

В 1950-х годах, когда население Кореи впервые широко познакомилось с боевыми искусствами, те несколько человек, которые обладали черными поясами, пользовались поистине поразительным влиянием на умы людей. Этих бойцов, каждый из которых стоил десятерых, способных за секунды уничтожить противника, считали суперменами и даже поклонялись им как божествам... и я был одним из них.

К тому времени как мне стукнуло двадцать лет, это почитание стало обоюдоострым мечом. Имея больше пяти тысяч учеников, я был

влиятельной персоной в сеульском мире боевых искусств. Из-за того, что так много людей относились ко мне, как будто я был древним императором, я и начал действовать как диктатор. Мои боевые успехи нарушили равновесие между молодостью и гордыней. Из-за этого моя личность формировалась почти исключительно на агрессивном мужском начале (ян) космических символов инь/ян* — я был вспыльчив, требователен и неуступчив, как огнедышащий дракон, поражающий своим хвостом весь мир. Станным образом моя заносчивость только способствовала росту обожания моей персоны учениками и окружающими. Куда бы я ни пошел, люди кланялись мне, и никто не смел открыть рот без моего на то разрешения.

Я двигался по неверному пути и рисковал навлечь на себя неприятности.

Как-то я работал в своем офисе в студии, когда внезапно все здание буквально всколыхнулось на своем основании. Я сразу понял, что случилось — все ученики в зале упали на колени. И я знал только одного человека, появление которого могло вызвать такую реакцию уважения. Я распахнул дверь моей конторы, чтобы увидеть мастера Ко, стоящего у входа в студию. В тренировочном зале более ста учеников преклонили колена на твердом деревянном полу, приветствуя мастера. Спустя мгновение мастер Ко и я сидели в офисе и неспешно беседовали. Он был доволен достижениями моей студии и хотел поручить мне одно дело. Наши отношения не изменились со времени моего детства — даже при всех моих успехах мастер имел абсолютное влияние на меня.

«Мне надо, чтобы ты выполнил одно поручение», — начал он.

«Да, господин».

«Недалеко отсюда есть школа боевых искусств, ученики которой готовы к квалификационным экзаменам. Я хочу, чтобы ты побывал там от моего имени и протестировал их».

* В китайской философии инь — женское (темное, пассивное) и ян — мужское (светлое, активное) начала: две космические противоположные силы, синтез которых рождает все сущее. — *Прим. ред.*

«Да, господин», — ответил я и постарался узнать поподробней об этой школе, но мастер лишь ограничился замечанием, что она каким-то образом связана с ним.

«Желательно, чтобы ты отправился туда завтра, с утра пораньше, — продолжал он. — Школа — в ста милях на восток. Большую часть пути можно проехать на автобусе и такси, но последние тридцать миль придется идти пешком».

На первый взгляд все выглядело не так уж плохо. Меня должен был сопровождать и помочь в тестировании учеников еще один инструктор моей школы, Ён. Он был в отличной спортивной форме, и я знал, что всегда могу рассчитывать на его помощь. Кроме всего прочего, было с кем поговорить в пути. Следующим утром мы с Ёном отправились в путь. Автобус был переполнен и тархтел; такси управлял водитель, который непрерывно курил и одновременно жевал отвратительную фруктовую жвачку все два часа поездки.

Я и Ён коротали время, предаваясь разговорам о королевской встрече, которая, мы не сомневались, ждала нас по прибытии. Мы предвкушали торжественную церемонию после экзаменов, когда все будут кланяться нам и наполнять наши тарелки деликатесами, а бокалы — рисовым вином.

Таксист довез нас до конца мощеной дороги, от которой начиналась узкая грязная тропинка, поднимающаяся почти под прямым углом в гору. Что-то, казалось, было не так, и я еще раз сверился с картой, данной мне мастером Ко. Водитель клялся, что мы находимся как раз там, где надо; хотя на рисунке Учителя узкая тропинка выглядела как широкая мощеная дорога.

Я расплатился с таксистом и молча наблюдал, как он уезжает. Мы взвалили на свои плечи тяжелые сумки и кувшины с водой и вступили на тропинку. Было около десяти часов утра, и я рассчитывал, что мы прибудем к месту назначения около шести вечера. Часом позже я начал сомневаться, доберемся ли мы вообще когда-нибудь.

Я недооценил ужасную жару корейского лета. К одиннадцати часам температура перевалила отметку в 40 градусов по Цельсию, и влажность стала такой большой, что человек, сидящий на диване в своей гостиной, мог бы наблюдать, как обои сползают со стены. Хуже всего были насекомые, жужжащие вокруг и, как камикадзе,

атакующие все, что двигалось. Что до наземных тварей, то никогда я не видел столько ящериц, змей и паршивых полевых грызунов сразу в одном месте; под ногами хрустели жуки, даже такие огромные и твердые, как кулак. Запах нечистот был невыносим.

Ён и я продвинулись не слишком далеко, так как у нас кончилась вода и в ее поисках мы провели так же много времени, как и в подъеме на эту гору. Пару часов спустя мы заметили канюков, кружащих над нашими головами. Похоже, они еще не засекли нас на своих радарах, но их вид заставил нас спорить, обвиняя друг друга во всем, что шло не так. В конце концов мы пришли в нужное место примерно около полуночи — усталые, голодные и изнемогающие от жажды, к тому же жестоко покусанные насекомыми.

Было ясно, что эта маленькая деревушка давно отошла ко сну. Нас не ждал торжественный прием, не висели и приветственные транспаранты с нашими именами. Мы отыскивали дорогу к небольшому дому Квана, чье имя назвал мне мастер Ко. Я поднялся на темное крыльцо и постучал в дверь. Спустя некоторое время дверь отворилась, и на пороге показался заспанный человек, облаченный в грязный халат. «Учитель Ю?» — неуверенно пробормотал он.

«А вы ждете кого-нибудь еще в столь поздний час?»

«Нет, господин. Конечно, нет. Входите, пожалуйста».

Мы вошли, бросили свои сумки на пол и немедленно потребовали воды. Кван объяснил, что ученики ждали нас в студии до десяти часов вечера и затем ушли домой. Они придут завтра для сдачи экзаменов в любое удобное для нас время.

«Мой ассистент и я устали, — без обиняков заявил я. — Мы проведем экзамен завтра в два часа дня и поучаствуем в любой церемонии награждения, которую вы запланировали».

Кван вежливо поклонился: «Как вам будет угодно, учитель Ю. Вы останетесь здесь еще на одну ночь завтра?»

«Обязательно». Я не советовался с Ёном. Для любого из нас было бы просто невозможно возвращаться ночью по этой проклятой тропе с желудками, наполненными рисовым вином.

«Вы окажете нам честь», — сказал Кван. Он предложил нам кувшин горячей воды, чтобы умыться, и поздний обед из разогретого риса с креветками, маринованным редисом и капустой и женьшене-

вый чай на десерт. После еды нас провели в маленькую комнату для гостей, где Кван разложил две походные кровати времен корейской войны с комковатыми подушками и побитыми молью одеялами. Мы задремали, уверенные, что все худшее уже позади. На следующий день Кван повел нас в его «студию боевых искусств», которая не имела ничего общего с обычной школой, сооруженной по определенным стандартам; это было просто маленькое расчищенное пространство на складе принадлежавшей его семье бакалейной лавки. В плохо освещенном помещении были свалены мешки с рисом, громоздились стеллажи с консервами и ящиками увядших овощей. В центре помещения в почтительном ожидании застыли одетые в униформу ученики Квана — все шестеро! Я не мог поверить своим глазам: «Что *это*? Только шесть учеников!» Я взорвался, прежде чем кто-нибудь смог ответить. Это не студия боевых искусств! Это издевательство! Шесть парней, тренирующихся на трех квадратных метрах на задворках крошечной лавки Квана, прилепившейся на краю деревни. Я согласился по просьбе мастера Ко отправиться в путь и провести тестирование, но я не собирался опускаться до того, чтобы разочаровывать мастера, убежденного, что «Студия корейских боевых искусств Квана» была уважаемой спортивной школой.

«Построиться! Внимание!» — прокричал я, не обращая ни к кому в отдельности.

До этого момента лица Квана и его шести учеников все еще сохраняли бесстрастное выражение. В следующие два часа я превратился в разъяренного тигра, наносящего ученикам удары ногами и руками и бросающего их на стены, как тряпичных кукол. Даже Ён был поражен и предпочел оставаться в стороне до конца тестирования, не промолвив ни слова. Экзамен выдержали четверо из шести. Через полчаса мы покинули городишко, отказавшись принять участие в церемонии награждения, запланированной на вечер. Я хотел вернуться в Синкидон, и меня не волновало, какие ужасы подстерегают меня на обратном пути. Я чувствовал себя так, как будто кровь десяти разъяренных горных львов бежала в моих жилах. Мне надо бы вернуться туда, где ко мне относились с должным почтением и обожанием, подобающим обладателю черного пояса моего масштаба.

Вечер был прохладным, светила луна, обратный путь показался нам гораздо легче, чем путешествие в горы днем ранее. Добравшись поздно вечером до Синкидона, я был счастлив оказаться дома и спал как король.

На следующее утро я встретился с мастером Ко. Он, похоже, был настроен больше слушать, чем говорить, чувствуя, что мне необходимо выговориться.

«Шесть учеников, можете себе представить? На задворках лавчонки Квана, — возмущался я. — Место скорее похоже на заброшенное бомбоубежище, чем на студию боевых искусств. И весь этот путь — тридцать миль по горам под палящим солнцем, только чтобы протестировать шесть учеников. Я надеюсь, что во время утреннего разговора с вами этот Кван извинился за то, что ввел всех нас в заблуждение».

Мысли мастера Ко, похоже, витали где-то далеко. «Да, да. Мистер Кван был очень расстроен. Он почувствовал, что задел достоинство твое и Ёна. Я полагаю, ты потерял самообладание и выместил недовольство на его лавке и его учениках», — бесстрастно заметил он.

«Это так. Я показывал приемы на пятидесятифунтовом мешке риса, который держали два ученика. Я нанес по мешку удар ногой с разворота, и он разорвался. Я также выбил ногой деревянный столб, на котором держался угол крыши, и она обрушилась на Квана и его парней. Я просто сошел с ума, это точно».

Я терялся в догадках, как Квану удалось убедить мастера Ко послать за сто миль двух своих мастеров — обладателей черных поясов тестировать шестерых учеников.

Я был убежден, что мой Учитель остался доволен тем, как я проучил этих парней и их учителя, поэтому меня не удивило, когда он через неделю пришел с новым поручением.

«Надо, чтобы ты отправился в отдаленную деревню и открыл там школу боевых искусств», — сказал он, протягивая мне еще одну карту-план.

Я едва мог поверить, что опять предстоит такой же путь, только в два раза длинней, и идти надо было одному.

Мастер указал особую отметку на карте и сказал: «Деревня лежит в десяти милях северней от того места, где встречаются эти две

дороги. Я полагаю, что живущим там надо заняться боевыми искусствами».

Могу сказать, что мастер Ко волновался, давая все пояснения, и я обещал выполнить его просьбу. На следующее утро я отправился в путь с той же тяжелой сумкой и флягой с водой, захватив немного денег, необходимых для открытия новой спортивной школы. Мастер предполагал, что мне придется отсутствовать около месяца, и сказал, что будет поддерживать связь со своими «источниками» в мой местности и присоединится ко мне, когда я выполню его поручение.

После второго тяжелого путешествия я добрался до места назначения, усталый, но полный решимости заняться созданием новой школы. Как и с оскорбительными для меня обстоятельствами, в которые я попал в лавке Квана, здесь я вскоре столкнулся с внушающими опасения проблемами. Начнем с того, что население всей деревушки едва насчитывало 200 человек. Вряд ли это могло стать достаточной базой для набора учеников в стандартную школу боевых искусств. Намного хуже было то, что деревушка сильно смахивала на монастырь. Это была сельская община, каждый член которой много времени и внимания уделял слушанию щебетания птиц и любованию цветами. Все они были медлительны в движениях, как бы пребывая в постоянной медитации. Этим людям претило насилие во всех его проявлениях — повысить голос на кого-нибудь, даже в семейном разговоре, считалось тяжким грехом. Я не удивился бы появлению здесь в любой момент далай-ламы.

Обстановка стремительно изменялась от плохой к очень скверной. Мне надо было подыскать место для тренировок, но его не существовало в природе. Деревня принадлежала всем ее жителям, но никому в частности, и мысль сдать какое-нибудь место в аренду за деньги была абсолютно чуждой, если не опасной для них.

Несколько последующих дней я потратил, стараясь убедить себя в преимуществах изучения боевых искусств. Но чем настойчивей я становился, тем меньше интереса проявляли они. Послушав меня с минуту, эти дети природы опускали глаза к земле или устремляли свой взгляд на горы. Иногда они просто поворачивались и уходили, оставляя меня на полуслове.

В отличие от королевского образа жизни, который я вел в Син-кидоне, здесь я был кем угодно, но только не королем. Никто не собирался с поклоном приносить мне поесть. Небольшие запасы еды, которые я захватил с собой, почти подошли к концу. И деньги, которые я взял, оказались бесполезными — в этой деревне не было ни одной лавки, одно большое коллективное натуральное хозяйство.

Однажды утром я окончательно сорвался. Схватил на улице одного юношу и заорал: «Ты знаешь, кто я такой? Я обладатель черного пояса в боевых искусствах! Я прошел весь этот путь, чтобы учить вас, олухов! Если бы вы оказались в Синкидоне, вам всем пришлось бы по записи два года ждать начала занятий! И между прочим, я три года дрался на войне, чтобы вы могли наслаждаться мирной жизнью на этой горе, обрабатывая землю и размышляя о своей душе или занимаясь всем, чем вы еще здесь занимаетесь! Ты слушаешь меня?»

Происшествие только добавило мне неприятностей. Оказавшаяся рядом пожилая женщина немедленно замахнулась на меня метлой, а в последующие дни жители деревни стали кидать в меня соль — таким способом они боролись с нечистой силой. Я зашел >) тупик, и у меня не оставалось ничего другого, как ждать появления мастера Ко.

Прошло еще полтора месяца, и с приходом зимы мое положение стало совсем отчаянным. Я обосновался в лесистой местности рядом с деревней, где соорудил примитивную лачугу и перебиваясь дикими плодами и рыбой, которую удавалось поймать в соседней речушке. В конце концов лютая зима стала непереносимой. Я дрожал все время, когда не спал, и к тому же начал терять вес, так как плоды, которыми я питался, стали недоступными из-за глубокого снега.

Хотя обитатели деревни были недовольны тем, что я остался с ними, они все же были людьми. Вскоре селяне начали оставлять немного еды, хвороста и одежды возле моего жилища. Как-то я покинул хижину и отправился в деревню, где бродил по улицам с весьма враждебным выражением лица. Люди продолжали избегать меня, и я пришел к заключению, что их недавняя доброта вызвана страхом, что придется хоронить этого чертова психа в мирной деревушке.

В Синкидоне я был королем, а сейчас я был никем и ничем. Я был даже хуже раба, так как эти люди и не пытались использовать меня для какой-нибудь работы.

Много раз я подумывал о возвращении домой, но был уверен, что мастер Ко вернет меня сюда. Осознание того, что мои обожаемые боевые искусства ничего не значили для этих крестьян, возвращало меня к образу Урода из моего детства, когда я был бесполезен для окружающих.

Не получая на протяжении месяцев никаких известий от мастера Ко, я впал в глубокую депрессию и начал подумывать о скорой смерти в моей лачуге. Как-то ночью я лежал в темноте и размышлял: *«Прекрасно, вот и наступает мой конец. Я умру один в этой темной лачуге на берегу ледяной речушки. Никто не найдет меня в течение нескольких дней, а когда найдут, никто не опечалится»*. Но только я почувствовал себя готовым отойти ко сну в последний раз, как послышался крик Учителя: «Ты рискнул посвятить свою жизнь одной цели! Чего ты боишься? Почему сдаешься, а не борешься?»

Слова прозвучали так отчетливо, что мне показалось — мастер Ко склонился надо мной. Но когда я открыл глаза, никого рядом не было. Мгновение спустя до меня дошел истинный смысл его слов — я *не* посвящал свою жизнь выбранной цели. Вместо этого я пришел в эту деревню, ожидая от ее жителей почестей за мои прошлые заслуги. Я надеялся, что они будут кланяться мне и выказывать почтительность в знак моих исключительных успехов в боевых искусствах. Но я ведь еще ничего не сделал для них, вот в чем была истина. На следующее утро я вернулся в деревню, поклявшись не покидать этих людей, пока не сделаю для них что-нибудь стоящее.

Есть одна старая поговорка, которая гласит: «Когда ученик готов [учиться], *появляется учитель*». Похоже, в моем случае правильной сказать обратное — когда готов учитель, *появляется ученик*.

Примерно через полгода моего пребывания в этих краях за мной стал увязываться подросток, держась, однако, на безопасном расстоянии. Я никогда не замечал его раньше, но сейчас обратил внимание на то, что он чем-то выделяется среди других жителей деревни. От рождения у него одна нога была вывернута наружу, так что ему приходилось ковылять, и одна сторона тела оставалась недоразвитой.

Где-то в глубине души он чувствовал, что я могу помочь ему. Видя серьезные перемены во мне, он осмелился подойти и спросить, могу ли я позаниматься с ним. Парень старался никак не упоминать о боевом искусстве и просил меня лишь научить его лучше координировать свои движения. В этот же день я переговорил с его родителями, и они разрешили сыну заниматься со мной, но лишь после долгих и строгих наставлений.

Мне легко было понять душевные муки, терзающие этого мальчика, и следующие шесть недель мы были практически неразлучны. Уделяя основное внимание недоразвитой стороне его тела, я давал упражнения на растяжку связок и сухожилий и на наращивание мускульной массы его вывернутой ноги. Я учил его сохранять равновесие, стоя на одной ноге, и прыгать из этого положения, чего он никогда раньше не делал. Через месяц мы уже вместе совершали утренние пробежки. Вскоре из одинокого несчастного ребенка он превратился в мальчишку, встречающего каждый день с энтузиазмом и благодарностью. К счастью, эта метаморфоза не прошла незамеченной в деревне. Родители постоянно приводили ко мне своих детей, а затем и взрослые обитатели «спящего царства» начали появляться на моих занятиях, желая потренироваться. Вскоре я перестав учить их ударам ногами и руками и умению разбивать доски, так как понял, что они не интересуются этим и им это просто не нужно.

Я перебрался из моей лачуги в небольшую комнату в доме одной деревенской семьи. Жизнь была прекрасна. Никогда раньше я не испытывал такого духовного умиротворения. Я забыл о моем экстравагантном и эгоистичном образе жизни в Синкидоне. Не скучал по его современным удобствам и стремительному темпу жизни и не страдал от их отсутствия. Местные жители никогда не называли меня «Мастер», они всегда обращались ко мне — «Учитель Ю».

В какой-то момент я перестал считать дни и начал отмечать течение времени по смене сезонов. Проснувшись однажды весенним утром, я узнал, что в деревню прибыл мастер Ко. Когда он увидел все, что я создал, и узнал, что у меня больше шестидесяти учеников, то сказал: «Я доволен тем, что увидел, и тем, что мне о тебе рассказали эти люди. Ты теперь совсем другой человек, сынок. Раньше тебе не хватало уравновешенности — слишком много бы-

ло ян и недостаточно инь. В конце концов этот дисбаланс должен был разрушить тебя. Теперь же ты стал совершенным мастером боевых искусств. Надеюсь, ты запомнишь уроки, которые получил. В любом случае твоя работа здесь закончена. Утром мы возвращаемся домой».

Сообщение мастера о нашем отъезде не вызвало у меня волне-ия, я не сказал ни слова. В самом деле, я не хотел бросать свою новую жизнь, к которой успел привыкнуть. По крайней мере, не так быстро.

В этот день я проводил свое последнее занятие с местными жи-лями. Я сказал им, что утром собираюсь уйти из деревни, и, хо-тя мастер Ко не собирался направить сюда нового инструктора, убеждал сам себя, что учитель должен появиться, чтобы продолжить все то, что я начал. Я закрыл зал для занятий, совершив обычный прощальный ритуал, и мы крепко обнялись на прощание со слезами на глазах.

В 1956 году я вернулся к жизни, с которой расстался почти год назад в Синкидоне. Меня больше не привлекало восхваление и обожание моих учеников. Мощное начало моего боевого искусства — ян сейчас уравнивалось более мягким началом — инь. Я достиг более высокого уровня, и у меня все еще оставалось, куда ид-ти и чему учиться дальше.

За эти несколько лет соревнования по восточным единоборствам приобрели популярность в Корее и соседней Японии. Я выработал жесткое расписание, деля свое время между непрерывными тренировками, управлением сетью моих школ, участием в соревнованиях и окончанием учебы в колледже. Среди моих многочисленных побед на турнирах наиболее престижным было присвоение титула Великого чемпиона на корейско-японском турнире и национальном чемпионате Окинавы. Хотя это и было время больших торжеств и радости, предчувствие печали уже маячило на горизонте.

Весной 1962 года мастер Ко вызвал меня в мою родную дере-иушку Кёнкидо. Сразу же я поспешил в его дом, и мы уселись на

крыльце у входа. Хотя мастеру было уже семьдесят и здоровье его пошатнулось, говорил он четко: «Сынок, помнишь тот день, когда мы путешествовали к океану, ты был еще маленьким мальчиком?»

«Да, господин. Вы рассказали мне об океанских рыбах», — ласково ответил я.

«Да. И ты хотел стать большим и сильным, как кит, чтобы когда-нибудь переплыть океан и лопасть в Америку. Ты помнишь это?»

«Помню».

После долгого задумчивого молчания он посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Я думаю, сейчас настало время для этого, сынок. Я хочу, чтобы ты отправился в Америку и сделал там популярным наше боевое искусство — тэквондо. Я хочу, чтобы ты сделал это с моего благословения и от моего имени».

Меня мгновенно переполнили противоречивые чувства. Я был крайне польщен и в то же время сильно смущен. Я не был ни самым старшим, ни самым лучшим учеником мастера Ко. Я пришел к нему ущербным ребенком, изгоем, который хотел лишь одного — быть частью группы, быть как все. И он выбрал меня, чтобы перенести свою мечту в Америку. К радости примешивался страх — за тот страшный груз ответственности, который мне предстояло нести. Однако какими бы ни были соображения мастера, я любил его и знал, что буду стараться выполнить его завет со всей своей силой и решимостью.

Это был последний разговор с мастером Ко. Через четыре дня его не стало.

В моей голове снова и снова звучат слова: «Желание мастера — приказ для меня». Возможно, он выбрал меня преемником, потому что знал — помимо всего прочего, я не пасовал перед трудностями и не был неудачником, я посвятил свою жизнь ему и его делу.

Прибытие в Америку

Мое решение поехать в Америку в марте 1964 года соответствовало последнему желанию мастера и моему собственному выбору. К двадцати девяти годам я прошел корейскую войну, открыл сеть школ боевых искусств, боролся за звание чемпиона на многочисленных турнирах и окончил Корейский университет со степенью бакалавра. Право на въезд в США давало лишь зачисление в любой местный университет. Идея продолжить образование в Америке привлекала меня, но основной целью отъезда туда была популяризация в США корейского боевого искусства таэквондо. Я чувствовал себя готовым ехать в Америку. Единственное, что тревожило, — незнание английского. Я мог произнести несколько десятков слов и немного читал, поэтому вся надежда оставалась лишь на маленький карманный словарь. Добавьте к этому несколько распространенных интернациональных жестов — это все, чем я располагал для общения в Америке.

В середине 1960-х годов Корея все еще оставалась очень бедной страной и гражданам, покидающим ее, не разрешалось брать с собой больше пятидесяти американских долларов. Хотя у меня было

мало наличных денег, я не выглядел бедняком. Мои родители и другие родственники в складчину обеспечили меня приличным гардеробом из нескольких костюмов, полдюжины рубашек, свитера и двух пар новых туфель. За день до отъезда мама заплатила за мою стрижку в парикмахерской, а отец подарил недорогие, но очень красивые наручные часы и перстень.

Утром я приехал в сеульский аэропорт за два часа до отлета и прошел через таможенный контроль. Мой паспорт был в порядке, как и виза, выданная посольством Соединенных Штатов. Единственное ограничение заключалось в том, что мне не разрешалось работать в Америке. По идее, меня должны были поддерживать какие-то спонсоры, хотя, как заверяли меня другие студенты, никто в США не будет этого проверять. За несколько месяцев до отъезда я отправил мои школьные работы и все документы в Калифорнийский университет в Беркли и должен был приступить к занятиям в сентябре. Это означало, что у меня было шесть месяцев на акклиматизацию в США. Все, что мне надо было делать, — как-то пережить это время.

Попрощавшись с родными, я поднялся по трапу на борт четырехмоторного лайнера Северо-Западных авиалиний, который выглядел давно списанным металлоломом, и с опаской пристегнул себя ремнем к креслу в хвостовой части самолета. Единственными летающими объектами, которые мне довелось видеть до этого момента, были сбитые вертолеты и истребители времен корейской войны. Так что у меня имелся опыт лишь в части летящих обломков горящих самолетов и запаха реактивного топлива.

Самолет взлетел нормально, но так как это был мой первый полет, душа ушла в пятки, и дыхание перехватило от волнения. Через несколько минут мы поднялись на высоту около десяти тысяч метров, и стало немного легче дышать.

Рейс до Сан-Франциско был с двумя посадками — в Японии и на Гавайях. Большую часть полета я провел, уставясь в иллюминатор — за все одиннадцать часов пути картинка за окошком не

менялась — небо и океан, так что у меня было вдоволь времени подумать. К утру, когда мы прибыли в Сан-Франциско, мой весьма незатейливый план был готов. Прежде всего мне надо было найти место для сна и еды на несколько дней, после чего, располагая избытком времени, не спеша зарегистрироваться для учебы и найти какую-нибудь работу на шесть месяцев, остающихся до начала занятий в сентябре. По сравнению с жизнью, которую я оставил в Корее, предстоящие полгода в Америке виделись мне просто каникулами.

Я слышал много хорошего об этой стране «золотых возможностей», особенно от американских солдат, расквартированных в Корее. Согласно их заверениям, здесь меня ожидает масса рабочих вакансий и большинство американцев встретят меня дружеской улыбкой и теплыми рукопожатиями. Я предвкушал любование мостом «Золотые Ворота», поездку на трамвайчике по крутым улицам Сан-Франциско и дегустацию свежих крабов в приморских ресторанах. Я так распалился, что за месяц до отъезда из Сеула научился мурлыкать «Боже, храни Америку».

Было раннее утро, когда наконец-то мы приземлились в международном аэропорту Сан-Франциско. В залах толпился народ, но я без проблем миновал таможенный контроль. Часом позже я уже стоял перед выходом из аэропорта с двумя чемоданами в руках. Все прилетевшие обходили меня с видом людей, твердо знающих, куда им надо идти, лишь один я не имел ни малейшего представления, где окажусь в следующий момент. Никто не встречал меня в аэропорту, так как наша семья не имела ни друзей, ни родственников в этом городе. В залах аэропорта я видел много азиатов, но ни одного корейца. Позднее я узнал, что на учете в корейском консульстве было менее ста корейцев на весь этот район.

В течение часа я несколько раз выходил из здания аэропорта, но испытывал все возрастающее замешательство и возвращался назад. Люди, машины, автобусы неслись во всех направлениях, полицейские в форме следили за каждым движением. Единственное, в чем я не сомневался, — поблизости не было ничего похожего на жилье или магазины, только службы аэропорта. Не зная, куда податься, я побрел обратно в зал прилета.

Через полчаса бесцельного шатания я наткнулся на ряд конторок, объявления над которыми, похоже, имели отношение к сдаче жилья. Присев на ближайшую скамейку, я начал листать свой карманный словарь. И оказался прав. Согласно сведениям, приводимым в словаре, в Америке существовало три типа аренды временного жилья — отели, мотели и гостиницы. Отели были наиболее дорогими, мотели рассчитаны на представителей среднего класса, а бедные люди останавливались в дешевых гостиницах. Я подумал, что полдела сделано: «Я знаю, мне нужна недорогая гостиница. Сейчас надо лишь определиться, какая именно».

Выбор пал на гостиницу «Холидей инн». Почему? Потому что я был бедный парень без работы, можно сказать, находился в своего рода «отпуске» или на каникулах — одно из значений слова «holiday». Ободренный своими первыми успехами, я подхватил чемоданы и направился к клерку, сидящему за одной из стоек. Именно там я получил первую дружескую улыбку и руку помощи.

Через мгновение я уже стоял на площадке перед аэропортом, где останавливались микроавтобусы из «Холидей инн». Водитель открыл боковую дверь, сам выпрыгнул из машины через заднюю, погрузил мои чемоданы и пригласил садиться. Когда мы отъезжали от здания аэропорта, я подумал: *«Ура! Америка благоволит ко мне! Такая «бедность» мне подходит! Они бесплатно подвозят меня, погрузили мои вещи, и сейчас я отдыхаю в теплом автобусе и наслаждаюсь мелькающим за окном пейзажем, слушая негромкую музыку, льющуюся из небольшого динамика прямо у меня над головой».*

Вскоре водитель остановился перед гостиницей «Холидей инн», расположенной в живописном районе города. Служащие гостиницы оживились при моем появлении. Все улыбались мне, тащили мои чемоданы и открывали передо мной двери. Сияющий дежурный за стойкой регистрации приветствовал меня как старого друга, пока протягивал мне карточку посетителя и потрясающую ручку. Так здесь было принято обращаться с теми, у кого нет работы, и мне стало понятно, почему люди стремятся в Америку. Когда я заполнял карточку, дежурный спросил: «Вы предпочитаете спать *на короле!*»

Я совершенно не понял, о чем меня спрашивали. Пришлось вытащить словарь и несколько раз попросить клерка повторить

вопрос, что он и сделал. Это никак не помогло. Смутившись, я пришел к выводу, что меня спрашивают, хочу ли я спать с королем. «Нет, никаких королей!» — закричал я.

Дежурный вежливо улыбнулся: «Прекрасно. Вы предпочитаете *королеву*?»

Я был уничтожен полностью. Можете себе представить: бедный парень, только прилетевший из Кореи, и ему предлагают постель с американской королевой?

«Нет, нет, не королеву!» — покраснев, сказал я.

«Тогда вы хотите *двойной*».

Это звучало не так плохо. В словарики «двойной» переводился как «две единицы чего-то», и я подумал, что, возможно, речь идет о двухъярусной кровати. Итак, я согласился на «двойной».

Коридорный провел меня к лифту, сверкающему медью, затем мы прошли по холлу, устланному плюшевым ковром, с красивыми картинами, висящими на стенах. Наконец добрались до моего номера. Коридорный внес чемоданы и остановился передо мной с протянутой рукой. Не раздумывая, я пожал ему руку и поблагодарил на своем ломаном английском. Позже, когда я познакомился поближе с американской практикой чаевых, я был смущен и поражен, так как это совершенно с другой стороны открывало прекрасную Америку. В Корее почиталось за счастье получить работу прислуги; в Америке обслуживающий персонал не только получал зарплату от своего работодателя, но с таким же успехом рассчитывал на солидный дополнительный заработок в виде чаевых от клиентов.

Когда коридорный ушел, я обнаружил в номере две двойные кровати. Зрелище невероятное. Я представил себя, поднимающегося среди ночи попить воды и возвращающегося в другую, свежую постель! Я думал: «*Эти американцы, они просто потрясающие! У меня две кровати!*» Сначала я решил, что мне поделят еще одного постояльца на другую постель, и некоторое время ждал его появления. Никого не было, и я наконец лег спать.

В Корее в одной комнате обычно размещались несколько семей, включая родителей и детей, и все спали в этой же комнате. Вдобавок на всех имелся один туалет, обычно на улице. Корейцы в

массе своей были бедны. А здесь, сейчас, я был *один с двумя* кроватями, своим индивидуальным туалетом и умывальником с горячей водой, которая была достаточно чистой, чтобы ее пить.

У нас в Корее, конечно же, были отели, но они ничем не напоминали шикарные небоскребы в Америке. Это скорее меблированные комнаты, сдающиеся постояльцам. Некоторым счастливицам доставалась кровать, но почти все спали на полу. В Америке, как я вскоре обнаружил, ситуация была обратной: практически все спали в кровати, редко кому приходилось ложиться на полу. И кровать могла вместить четверых, а то и пятерых!

В эту ночь я не выспался, потому что кровать оказалась слишком мягкой. Я проснулся страшно голодным. На столе лежало красочное меню, но мне понятны были только картинки, в названиях я не разбирался. Я вышел в коридор и обнаружил горничную, убирающуюся в одной из комнат. С помощью множества жестов и нескольких слов из словаря я умудрился дать ей понять, что очень голоден.

В меню значилось три стандартных завтрака. Я старался выяснить разницу между ними и в своих попытках указывал на каждый, тем самым, как выяснилось позднее, заказав все три. Горничная вежливо кивала, как и все остальные служащие в этой гостинице, ободряя меня, и дала понять, что позаботится о моем завтраке.

Вскоре в дверь номера тихонько постучали, и на пороге появился мужчина, одетый в белый халат. Он катил длинный столик, уставленный едой, которой хватило бы, чтобы накормить половину южнокорейской армии, — блины, шесть яиц, французские тосты, ветчина, сосиски, три стакана апельсинового сока, свежие фрукты и два полных кофейника. Все это располагалось на белой в полоску скатерти рядом со сверкающим столовым серебром, фарфором и единственной желтой розой. Такой завтрак устроил бы и короля! С обалдевшим видом я нацарапал подпись на счете, пожал мужчине руку и поспешил распрощаться с ним. Затем я ел, ел долго и так много, как смог. Оставшееся уложил в пластиковый пакет «на потом».

Я был готов к дальнейшим действиям. Если все будет продолжаться в том же духе, я готов к встрече с американцами. По тому,

как меня здесь встречали, ясно, что американцы принимают меня за важную персону. Может быть, к концу этого дня я встречу самого президента!

Я принял душ и побрызгался лосьоном после бритья и тоником для волос из косметического набора, имевшегося в номере. Зная, что при желании я всегда могу вернуться сюда и остановиться еще ил одну ночь, я собрал вещи и спустился в главный вестибюль. Я ощущал себя миллионером.

Утренний администратор приветствовал меня, улыбаясь, и вежливо протянул счет. Я бросил взгляд на итоговую сумму и не смог поверить глазам. Там значилось 53 доллара! Я был не просто потрясен, я был уничтожен. Пятьдесят три американских доллара считались в Корее хоть и небольшим, но все же богатством. За такие деньги я мог провести целую неделю в лучших меблированных комнатах Сеула. Кроме поразившей меня цены за номер, в счет была включена полная стоимость трех завтраков, которые я ошибочно заказал. Но все это сейчас не играло никакой роли. У меня было только 50 долларов, которые я протянул без всякого энтузиазма, но служащий требовал еще три.

Стараясь разрешить ситуацию, я вообразил, что мой галстук может покрыть эту разницу. Я достал галстук из чемодана, положил его на конторку и постарался объяснить администратору, что галстук стоит никак не меньше трех долларов. В Корее бартер проходит, но не в Америке. Служащий лишь взглянул на меня и ответил кратко: «Нет». Я решил, что он просит что-нибудь еще, и достал пару совершенно новых ботинок, положил на конторку и с помощью неизменного словарика осторожно спросил: «А как насчет туфель?»

Клерк не проявил ни малейшего интереса к моей обуви. Ему нужны были три доллара, притом наличными. Я попытался объяснить с помощью жестов и ломаного английского, что у меня больше нет денег. Весь мой капитал равнялся пятидесяти долларам. Мы пререкались по крайней мере минут пятнадцать, в течение которых я вывалил на стойку администратора почти все содержимое своих двух чемоданов. Я был очень расстроен и разочарован. Вчера они предлагали мне спать с королем или королевой, а сегодня не могут

принять галстук и туфли в счет трех долларов — лишь это крутилось в моей голове; каким же наивным я был тогда!

Администратор наконец процедил: «Паршивые иностранцы... отстань, наконец!» — и мне грубо указали на выход. Я и сегодня помню эти слова и то, как он взглянул на меня.

После выдворения из «Холидей инн» я быстро восстановил душевное равновесие. Несмотря ни на что, я все еще пребывал в краю «золотых возможностей», хотя администратор в гостинице и оказался ничтожеством. С двумя связанными веревкой чемоданами я брел по городским тротуарам, надеясь, что в течение часа мне предложат какую-нибудь работу. Я не представлял себе точно, как это произойдет. Может, заметят из какого-нибудь магазина или лавки и выйдут на улицу, чтобы нанять. Или же возле тротуара остановится машина, и водитель предложит мне заработать. Я все еще руководствовался тем, что мне рассказывали американские солдаты и что я сам читал о легкой жизни здесь, и многими обнадеживающими историями об этой стране, которые я слышал годами.

К четырем часам вечера я все еще был не у дел и уже почти не мог стоять на ногах. Я решил зайти в несколько магазинов в поисках работы, но владельцев разочаровывала моя неспособность общаться, и они теряли интерес ко мне. Сумерки накрыли город, а я все еще был без работы и без гроша в кармане. Я пробыл в Америке 24 часа и вполне успел познакомиться с гримасами фортуны за столь короткое время.

К концу первой недели большая часть моей одежды и лишняя пара ботинок ушли на хот-доги и гамбургеры. Несколько ночей я провел в парке «Золотые Ворота». Хотя наступил март, температура часто опускалась ниже нуля. Из-за пронизывающего ветра с залива было даже холоднее, чем когда-то в Корее.

Через какое-то время меня обнаружили охранники парка и выдворили за пределы его территории. Пришлось перебраться в другие районы города. Следующим моим пристанищем стали круглосуточные автоматические прачечные, откуда меня вскоре также благополучно выкинули.

Не имея места, чтобы согреться, я вынужден был скитаться ночью по улицам. Как и во многих больших городах Америки, в

Сан-Франциско определенные районы были оживленными даже в ночные и предутренние часы. Я обнаружил, что если ты двигаешься и производишь впечатление занятого человека, направляющегося куда-то, полиция оставляет тебя в покое.

Вскоре мне стало понятно, что моих скудных знаний английского явно недостаточно. В Корее нас учили японской версии английского языка, которая из-за ужасного произношения звучала для американцев как непонятный иностранный язык. Мне крайне важно было научиться «американскому» английскому. Я добыл обычный словарь и проштудировал его от А до Z, выбирая ключевое слово на каждую из 26 букв. Затем я опять листал словарь, находя противоположные значения каждого слова. Например, если первое слово было «*здравствуй*», я подбирал к нему антоним — «*до свидания*». Таким образом я получал за один «заход» в общей сложности пятьдесят два слова, которые выписывал на большие карточки с указанием начальной буквы. Эти карточки всюду были со мной, я доставал их сотни раз в день.

Помимо этих пятидесяти двух слов, я пытался использовать несколько разговорных выражений, услышанных на улице. В то время на телевидении большой популярностью пользовались развлекательные шоу, и я сразу же подхватил в одном из них расхожее выражение: «Подкинь мне это, крошка». Я проштудировал свой словарик, но так и не смог определить точный смысл фразы. И все же употреблял ее к месту и не к месту. (Можете себе представить, в какие нелепые ситуации я попадал благодаря этой «крошке»!)

Это были дни, когда вид и запах хот-догов, приготавливаемых на уличных перекрестках, заставлял меня всерьез подумывать о воровстве. Я постоянно хотел схватить эти хот-доги и запихнуть в рот; меня не заботило, арестует меня полиция или нет. В крайнем случае упрячут в тюрьму, где будет сухая постель и теплый ночлег. Но я не мог решиться на воровство. Я проделал столь трудный путь не для того, чтобы обосноваться в городской тюрьме. И конечно же в случае ареста меня немедленно выслали бы обратно в Корею.

Надо было найти возможность продолжать заниматься боевыми искусствами, потому что только так я мог сохранить свое физическое здоровье. Я бы столкнулся с серьезными проблемами, если бы

заболел воспалением легких или гриппом, весьма распространенными среди бездомных.

Я обнаружил, что в Сан-Франциско вообще нет школ корейских боевых искусств, в то время как в китайском квартале имелись школы кунг-фу, а в японских кварталах — залы для занятий карате (карате-додзё). Позднее я узнал, что в то время (1964 год) студий и школ корейских боевых искусств не было не только в Сан-Франциско, но и вообще во всей Калифорнии. Поэтому, вместо того чтобы тренироваться в обычной спортивной школе, я упражнялся один на открытом воздухе в парке «Золотые Ворота». Я регулярно отработывал стойки, переходы, связки, блоки и выполнял серии ударов ногами и руками, используя деревья как мишени. Кроме того, я ежедневно занимался ритмической гимнастикой, бегал по парку и карабкался вверх и вниз по скамейкам близлежащего стадиона.

Люди, наблюдавшие мои тренировки, не представляли, чем я занимаюсь, — многие принимали меня за клоуна или еще за кого-то в этом роде. Некоторые маленькие дети обезьянничали, копируя мои движения. Иногда кто-нибудь из взрослых интересовался, что я делаю, но большей частью я старался избегать людей. Я все еще был слишком гордым, чтобы позволить им обнаружить, что я голоден и у меня нет крова.

Околачиваться в парке было для меня тяжелым испытанием. В Сан-Франциско всегда обучалось много студентов, и молодые люди любили гулять по парку. Я часто видел влюбленные парочки; молодых женщин, толкающих детские коляски; семьи, устраивающие пикники на траве, и даже людей, играющих со своими собаками, — все они в моем представлении реализовали американскую мечту; лишь я оставался на обочине, изо всех сил стараясь, чтобы мои глаза не выдавали отчаяния. Я приехал в Америку с самыми лучшими намерениями, а стал всего лишь бездельником, который ночами шляется по улицам, а днем отсыпается в парке и все занятия которого сводятся к выпрашиванию мелочи или еды.

Я знал, что, если ситуация станет совсем невыносимой, я могу пойти в корейское консульство, покаяться в том, что у меня не хватило умения и мужества, необходимых для выживания в Америке, и заявить о желании вернуться на родину. Сотрудники консульст-

ва свяжутся с моими родителями и потребуют, чтобы они оформили мой обратный рейс в Корею. Хотя я уже и сожалел о своем решении приехать в Америку и действительно хотел вернуться домой, но не мог заставить себя пойти в консульство. Перед отъездом из Кореи я был известным мастером боевых искусств, победителем многих чемпионатов, окончил колледж. Мать с отцом тяжким многолетним трудом вернули нашей семье чувство собственного достоинства, попранное японцами. Кроме того, уезжая, я говорил всем, что не вернусь, пока не добьюсь успеха в Америке, и мне было слишком стыдно признать свое поражение. Я собирался держаться до конца, даже если бы это означало умереть на американской земле. Надо было найти способ сохранить свою жизнь и как-то существовать. Если я смогу продержаться до Сентября — времени начала занятий в университете, все будет в порядке. Даже если у меня все еще не будет пристанища, я смогу спать в библиотеке и питаться остатками еды со столов университетского кафетерия. А со временем у меня может появиться друг или даже два. Подружиться с кем-нибудь всегда представляло для меня трудную задачу, но сейчас как никогда раньше я был готов сделать все возможное для этого.

Помню день, когда меня охватило отчаяние. Если вы в безвыходном положении, но у вас все же что-то небольшое остается: лишняя рубашка или пара брюк, записка еды, даже, привязанность бездомного кота, который мяукает, когда вы идете по тропинке, — у вас есть надежда. Вы защищаете то небольшое, что у вас есть, и постоянно следите за всеми, кто может украсть ваше «богатство». Но когда вы дошли до точки и у вас абсолютно ничего нет, кроме одежды на теле и паспорта в кармане, — когда ревность прижимает вас к земле, что-то происходит внутри вас — вы совершенно перестаете заботиться о чем бы то ни было.

В один майский день я дошел до ручки. Последняя пара ботинок прохудилась, одежда превратилась в отвратительно грязные лохмотья, я был совершенно сломлен духовно и физически и пару дней пытался утолить голод и жажду водой из пожарного крана. Мне никогда не было так плохо. Осознание ужасной истины, что я не знаю никого в этом городе и никого здесь не волнует, жив я

или уже умер, пронзило меня до глубины души. Я шел по улице. смотрел на прохожих и читал их мысли: *«Что это за пугало, этот иностранец, который спит в парке и постоянно выпрашивает еду?»* День, когда я достиг состояния полной душевной и физической деградации, застал меня на грязной улочке, расположенной в одном из беднейших районов города, — впервые я решился поискать что-нибудь съестное в мусорном баке.

Моя мать О Ик Син

Мой отец Ю Кван Кун

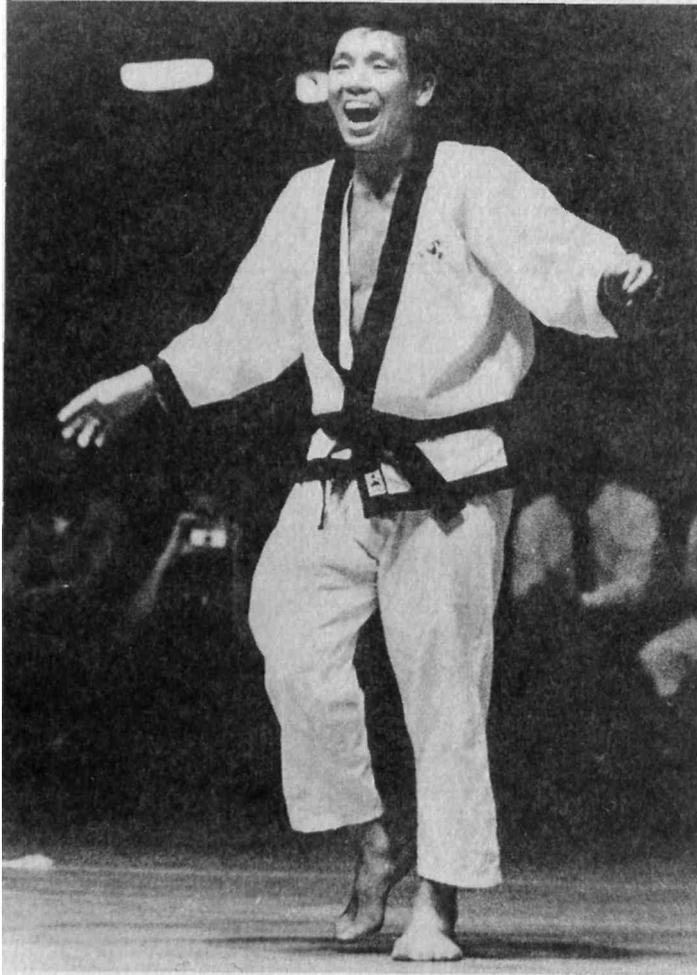

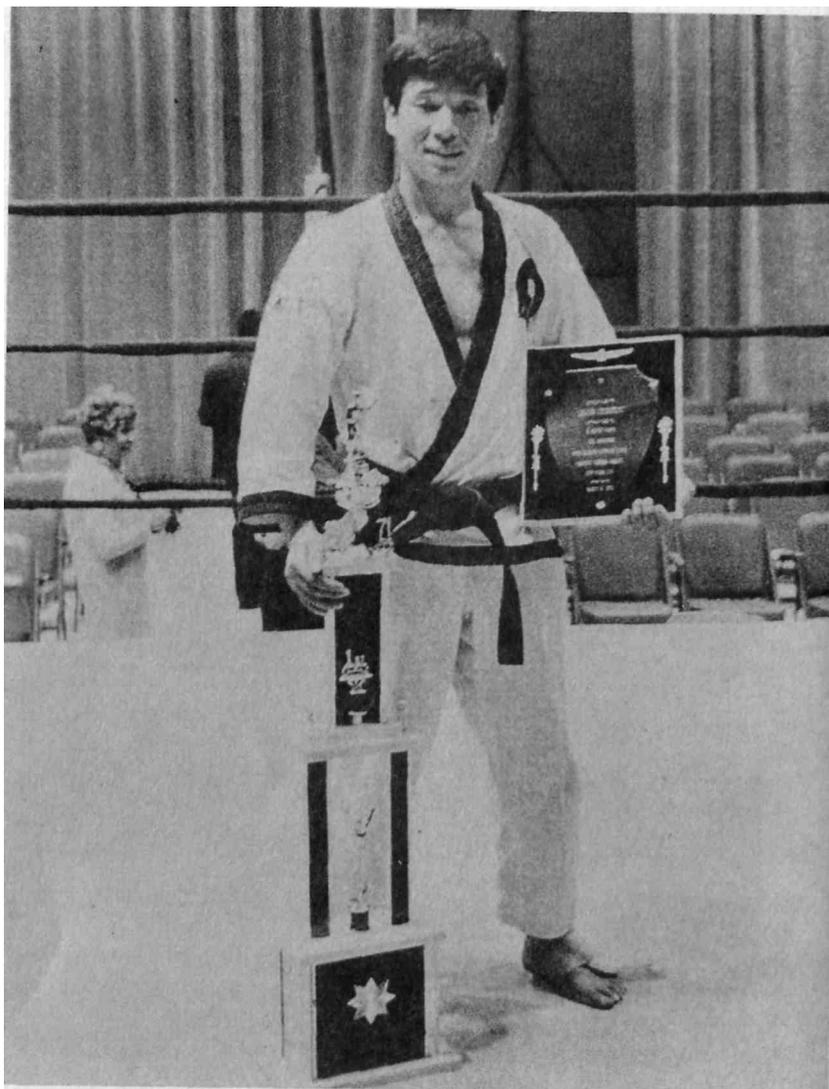
В школьные годы

Прибытие в Америку — фотография на паспорте, 1964 год
Подходящая одежда
для холодной корейской зимы

Представляя Корею. Победа на Чемпионате мира 1959 года по боевым искусствам, проходившем в Японии

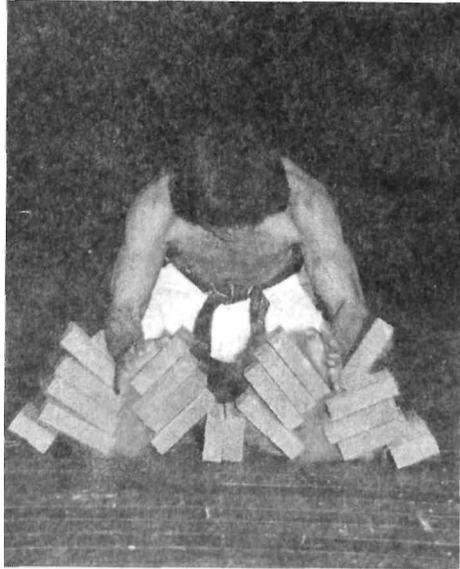

Победа на соревнованиях в спортивном комплексе «Медисон- Сквер - Гарден»

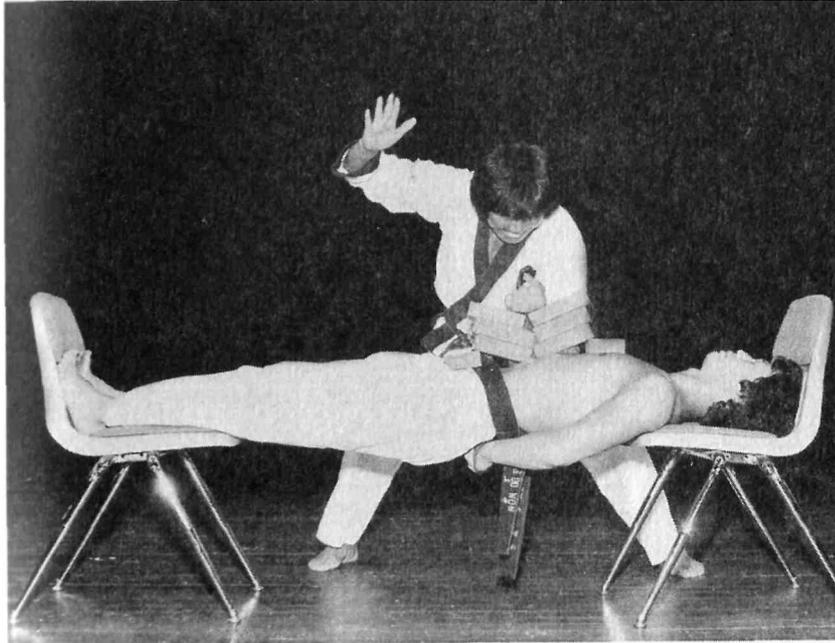
Демонстрация ударов ногами в воздухе на показательных выступлениях

Многие люди помнят меня по этой фотографии
Начало войны с кирпичами

Разбиваю три кирпича одним ударом кулака

Ломаю доски *после* прыжка над препятствиями

Мастер Ко Су гордился бы мной

Сан-Франциско, середина 1970-х годов. Занятия со студентами в парке «Золотые ворота»

«Бой» с Мухаммедом Али

В период активной деятельности. 1970-е годы
Любимая фотография моей мамы

Церемония присвоения степени доктора философии

С Дензелом Вашингтоном

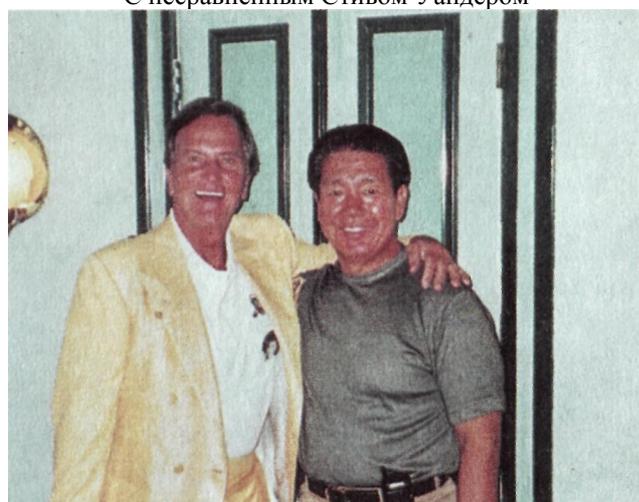

Мне 68 лет

С несравненным Стивом Уандером

В благотворительной организации с Патом Буном

Слева направо:
я, Стивен Сигел,
грандмастер
Ямасита
и Чак Норрис
Дома, в Южной
Калифорнии.
Февраль
2003 года

Обретение собственного пути и возрождение своей судьбы

Объедков, найденных в мусорных баках, хватило мне на шесть недель — именно за это время я убедился, что на обычных свалках торговых и бытовых отходов не так уж много съестного, явно недостаточно для пропитания. Слоняясь по окрестностям, я заметил, что сотни «человеческих отбросов» — бродяг, скитающихся по Сан-Франциско, исчезают куда-то вечером в определенное время. В один из таких вечеров я последовал за ними и оказался на задворках шикарного ресторана, расположенного на улице Монтгомери.

За час до закрытия ресторана, в десять вечера, одна из официанток вышла через заднюю дверь. Она вынесла несколько пакетов с отходами, которые выкинула в мусорные баки на улице, и вернулась обратно за остальными. Так повторилось несколько раз, и в конце концов мусорные баки наполнились остатками бифштексов, лобстеров, жареной картошки, десертов и даже недопитыми бутылками вина.

Этот ресторан славился своими большими порциями, и недоеденные блюда пожирались с огромной скоростью бродягами, ожидавшими на задворках закрытия ресторана. Наблюдая за

происходящим, я заранее приготовил пакеты, так как еды здесь было достаточно на всех. Вместе с другими бродягами я рылся в мусорных баках в поисках пищи и после того как наелся, набил едой пластиковые пакеты — впрок, на завтрак и обед следующего дня.

Две недели я перебивался именно так. Как-то вечером я пришел к ресторану на пару часов раньше обычного. Мне случилось быть в этой части города, и я оказался у задней двери ресторана в шесть часов вечера.

Стояло лето, в это время было еще светло и со своего наблюдательного пункта я мог видеть парковочную площадку возле главного входа в ресторан. Нескончаемая вереница дорогих машин останавливалась перед рестораном, из них выходили роскошно одетые люди и направлялись внутрь. Перед моими глазами снова представала американская мечта, но я не участвовал в ее параде. Сперва я злился и даже немного завидовал, но потом начал испытывать что-то вроде стыда — получалось, что именно они платили за мою еду. Не имело значения, чем занимались эти люди — они могли быть врачами или адвокатами с огромными банковскими счетами или совсем небогатыми людьми, месяц копившими деньги на посещение дорогого ресторана.

Внезапно я вспомнил день, когда попросил у мастера Ко разрешения заниматься в его школе. И двадцать три года спустя его слова отчетливо прозвучали в моих ушах: «Никто из моих учеников не занимается бесплатно!» Слезы потекли по моим щекам, когда я представил, какой стыд испытал бы мастер, увидев меня в отрепьях бродяги, сидящим на задворках ресторана и ждущим подачи.

Я осмотрел улочку. Здесь было довольно грязно: старые матрасы, автомобильные покрышки, сломанная мебель, деревянные ящики, пивные банки и бутылки из-под виски и даже мертвый кот, выброшенный на свалку. Многие годы я платил мастеру Ко, убирая школу, — может, я смогу заняться тем же и здесь?

Следующие два часа я расчищал закоулок позади ресторана. Сложил разбросанное повсюду старье в одну самую большую кучу, бывшую здесь и раньше. Затем подмел все обрывки бумаги и осколки стекла и выкинул в один мусорный ящик. Аккуратно собрал все консервные и пивные банки и крышки. Покончив с основной

приборкой, я вымел всю улочку метлой, которую нашел у стены соседней постройке.

Никто из бродяг, собравшихся в тот вечер, не обратил внимания на перемены в облике улочки, но уборщица, которая выносила отходы из ресторана, заметила. Она остановилась и начала осматривать улочку, пока ее глаза не наткнулись на ряд мусорных баков, которые я самолично привел в порядок.

Я медленно подошел к ней, стараясь не напугать. Улыбнулся, когда она посмотрела на меня. Мой английский выдал что-то вроде: «Посмотрите вокруг. Я привел в порядок всю улочку. Намного лучше. Вы согласны?»

Уборщица не испугалась меня: «Ты чем-то не похож на всех этих бродяг. Как тебя зовут?»

«Джонни», — ответил я, понимая, как трудно будет ей выговорить «Бьон».

«Приятно познакомиться. Я — Викки. Знаешь, мы не сможем заплатить тебе за эту работу. Извини, но...»

«Мне не надо денег», — прервал я.

«Вот как? Тогда почему ты делал все это?»

Другие оборванцы подошли ближе, заинтересовавшись нашим разговором. Я решил привлечь их к задуманному. «Пожалуйста, не бросай еду в бак. Там слишком грязно».

«И как же, по-твоему, мне с ней поступить?»

«Просто положи ее сюда, — ответил я, протягивая сложенные ковшиком руки. — Это все, о чем я прощу. Тогда нам не придется вытаскивать еду из грязных баков».

«Разумно», — она улыбнулась и протянула мне первые два пакета.

«Завтра я приду и все здесь уберу. На тех же условиях, идет?» — спросил я, и она кивнула в ответ.

Так продолжалось с неделю. Викки и я всегда приветствовали друг друга улыбкой и дружеским «здравствуй». Постепенно и другие работники ресторана начали относиться ко мне с некоторым уважением и участием, видя, что мне неудобно есть на халяву.

Однажды вечером Викки попросила меня зайти в ресторан. Волнуясь, я прошел за ней через черный ход. Она провела меня на

кухню, где уже стоял менеджер ресторана. За ним по обе стороны огромной раковины громоздились горы грязных тарелок. Похоже, что практически все кастрюли и сковородки в этом ресторане были грязными.

Так случилось, что постоянный мойщик посуды часом раньше почувствовал себя плохо и ушел домой. Другие служащие пытались в его отсутствие как-то помочь делу, но задача оказалась слишком тяжелой. В ресторане еще оставались посетители, и шеф заведения пребывал в таких расстроенных чувствах, что начал вымещать их на персонале. Викки рассказала управляющему, что я с успехом привел в порядок целую улицу, и он предложил мне работу — мыть тарелки и скрести котлы и сковородки. Все это только на время, пока не выздоровеет их постоянный рабочий. Он предложил мне очень маленькую плату, которую обещал выдать наличными.

Я был так счастлив. Кому-то наконец понадобились мои услуги и меня попросили поработать. После всех этих месяцев бродяжничества я все-таки чего-то добился. Я согласился навести порядок в кухне.

«Отлично. Но поспеши», — требовательно заявил менеджер. С тобой расплатятся после закрытия, когда в кухне будет все чисто и готово к завтрашнему дню».

Он даже немного растерялся, когда я сказал, что мне не нужны деньги. Все, что я хотел, — это есть в ресторане. Я мог бы ужинать после закрытия ресторана, хотя бы на кухне. Я просил лишь об одном — сидеть за столом, как большинство жителей Америки, со скатертью, салфетками и надлежащими приборами. Я больше не чувствовал себя никем. Я чего-то стоил и соответственно этому заслуживал надлежащего обращения. Я хотел заработать еду, которая попадет в мой желудок. Когда менеджер согласился с моими условиями, я был готов работать всю ночь, чтобы отчистить до блеска эту кухню. Мы заключили сделку, которая снова вдохнула жизнь в мое тело. Все-таки я оказался нужен американцам!

Подобно рыбе, приплывающей обратно в Золотую реку в моей деревне, мне крайне важно было иметь место, куда пойти; знать, что кто-то ждет меня и что я кому-то нужен, и иметь место для от-

дыха и место для упорной работы. Все это мне было нужно, чтобы чувствовать себя человеком.

Я сразу же приступил к работе. Мыл быстро и тщательно вытирал, пока в сухих тарелках не появилось мое отражение. Я испытывал что-то вроде гордости и чистил тарелки, кастрюли и сковородки с каким-то восторгом. Это была не просто работа — для меня было честью зарабатывать на хлеб насущный.

Через два часа кухня и вся утварь блестели, все было готово к завтрашним баталиям. В углу красиво сервировали стол с прекрасным обедом, Викки даже зажгла свечу.

Я прошел в комнату отдыха, вымыл лицо и руки и как мог почистил одежду. Вернувшись за стол, я наслаждался самой лучшей в моей жизни едой. Даже не могу перечислить все, что я съел, — важно то, что это была еда не из мусорных баков. Я ее заработал.

Впервые за почти четыре месяца я мог сидеть и есть, как любой другой человек. Мне не надо было ползать на обочине или в закоулке.

Постоянный мойщик посуды так и не вернулся, и менеджер предложил мне эту работу. Чувства переполняли меня, и, согласившись, я бросился в раздевалку и разрыдался. Я не умолял их о работе, они сами попросили меня. Теперь все приобрело официальный статус: я уже не бродяга, слоняющийся по задворкам, я — член команды, работающей в ресторане.

Управляющий велел мне прийти к десяти часам вечера, но уже в девять я был на месте и сначала подмел всю улицу, а потом приступил к мытью тарелок. Между тем я все еще спал в парке, а иногда и на той самой улочке, но никто в ресторане не знал об этом.

Я получал минимальную оплату — доллар двадцать центов в час. После вычета налогов оставалось 98 центов. К тому же я работал четырнадцать часов в сутки, всегда приходил вовремя, не опаздывал и не прогуливал. Кроме всего прочего, это была физически трудная работа — в то время еще не было электрических посудомоечных машин. Все делалось вручную, причем использовались едкие моющие вещества. Никаких перчаток, голые руки. Я держал их в этих химикатах по десять часов в сутки, и в конце концов пальцы распухли, став чуть ли не вдвое толще обычного. И они

86 Путь мастера Ю

болели. Но все же я ценил свою работу и в день полочки всегда благодарил владельца ресторана за предоставленную возможность трудиться на него. В результате я «дорос» до положения помощника официанта, убирающего посуду со столов.

В сентябре 1964 года начались мои занятия в Калифорнийском университете Беркли. Оканчивая колледж в Корее, я показал отличные знания, которых было достаточно для получения стипендии в университете Калифорнии. Однако никто не предвидел, что основной трудностью, с которой я столкнусь, будет языковой барьер. Я немного понимал написанный текст и мог читать со словарем, но правильно выразить свои чувства и передать ощущения по какому-либо поводу практически не мог. Неудобство оказалось намного сильнее, чем то, какое я испытывал в раннем детстве, когда был неуклюжим ребенком с замедленным развитием, стремящимся стать как все. Преподаватели видели, с каким трудом проходит мой первый год занятий в Беркли, и университет выделил мне материальную помощь для оплаты репетиторов английского языка. Любым способом я должен был выдержать экзаменационную сессию, иначе меня отправили бы обратно в Корею.

У меня появился свой собственный угол — маленькая комнатка за 80 долларов в месяц. Я не мог позволить себе расходы на транспорт и больше часа добирался пешком от дома до университета. После занятий возвращался домой к половине пятого и мог немного поспать или позаниматься перед тем, как пойти на свою работу — мыть посуду. Пришлось оставить место в ресторане на улице Монтгомери — это было слишком далеко от дома и университета, и теперь я трудился в ближайшей пивнушке «У Денни». С десяти вечера до шести утра надо было все вымыть к утренней смене официантов.

За исключением выходных, когда можно было отоспаться, я почти всегда передвигался как лунатик или зомби. Идя на занятия после ночной работы, я не раз ударялся головой о нижние ветви деревьев на тротуарах или рисковал быть задавленным мчащимся

автомобилем. Мои глаза были открыты, но они ничего не видели. Я перемещался на автопилоте, но и он не всегда срабатывал. Иногда пройдя с полчаса, я обнаруживал, что оказался в незнакомом месте. Тогда я возвращался к исходной точке, чтобы снова попасть в автоматический режим движения.

Мои ботинки уже не выдерживали ежедневных почти трехчасовых «прогулок» после многих часов работы на ногах. А я не мог автостопом, то есть без денег, остановить попутную машину, потому что не знал, что говорят при этом. Когда старая пара обуви вырабатывала свой ресурс до конца, я обычно покупал на дешевых распродажах за пару долларов новую, и она служила мне месяц, а то и полтора, если повезет. В середине 1960-х рабочим и служащим в Америке не позволялось носить на работе кроссовки или кеды, только кожаные туфли. Мои ноги очень страдали, находясь весь день в этих тяжелых кожаных ботинках.

Приблизительно в то же время я стал давать уроки боевых искусств нескольким парням. Это приносило небольшой дополнительный доход. Я открыл студию в бедном квартале Беркли. Хозяин дома оказался приятным человеком и запросил с меня всего 130 долларов в месяц — на 50 баксов больше, чем я платил за свою комнатку; и я соорудил что-то вроде небольшой раздевалки и спальни рядом с тренировочным залом. Ванная комната служила мне и кухней. Горячая вода текла или не текла — в зависимости от «настроения» водопровода. Хотя обычно я умывался в самой ванной, иногда ночью я открывал заднюю дверь и никем не замеченный принимал во дворе холодный душ из шланга.

Оглядываясь назад, я не перестаю удивляться, как я смог выдерживать такой режим. Занятия в университете заканчивал около половины третьего, через час добирался до студии и спал до шести. Затем открывал студию и занимался с учениками до девяти вечера. После их ухода быстро принимал душ в ванной и бежал в «У Денни» на работу, начинавшуюся в десять часов. В шесть утра работа заканчивалась, и я прямиком шагал в университет. В основном я спал не больше трех часов в сутки, и это при удачном раскладе. И помимо всего прочего, я еще должен был находить время для учебы.

Соблюдать элементарную гигиену при таком напряженном ритме было нелегкой задачей. В университете я часто появлялся весь в поту. От меня, должно быть, действительно плохо пахло, так как практически все сторонились меня, а некоторые студенты даже жаловались преподавателям. Но я ничего не мог с этим поделать. За исключением моей крохотной ванной в закутке студии, больше нигде нельзя было принять душ. А мытье тарелок можно смело сравнить с восьмичасовым сидением в парилке. Добавьте сюда все мои пешие перемещения, и любой сможет понять серьезность проблемы. Я снова переживал трагедию своего детства, когда никто не обшлся со мной и даже не хотел разговаривать.

Не легче было найти время перекусить. Когда я мыл тарелки и кружки в пивной «У Денни», редко выдавалась свободная минутка, чтобы присесть. Я лишь успевал вымыть всю посуду к шести утра и бежал на занятия. Еда в студенческом кафетерии выглядела привлекательно, но я не мог позволить себе такую роскошь. Чаще всего я обедал, уже вернувшись в студию, и меню в основном состояло из супов быстрого приготовления и лапши «Топ Рамен». Одной упаковки обычно хватало, если я добавлял туда немного овощей.

Если на еде и гигиене удавалось сэкономить, то обмануть организм по части сна не получалось никак. И если уж я засыпал, то спал крепко. В комнате мог возникнуть пожар, пожарные могли ломать дверь, а их машины — реветь сиренами на улице, я все равно бы спал. Много раз меня будили ученики, колотящие в дверь студии. В доме всегда должен быть надежный будильник, не обязательно только для работы. Поразмыслив, я привязал один конец веревки к своей лодыжке, а другой протянул через ванную комнату и вывесил в окошко. Теперь, если я сразу не просыпался от стука в дверь, мои ученики заходили с обратной стороны дома и дергали за эту веревку.

При создании моей студии тэквондо встал вопрос платы за обучение. В Корее я никогда не брал денег со своих учеников, для них было естественным расплачиваться за все, когда наступало время. Деньги за обучение рассматривались больше как выражение благодарности, нежели просто уплата каких-то взносов.

Ученики в моей студии в Беркли платили по 15 долларов ежемесячно, и 1.0 долларов составлял вступительный взнос. Так как почти все они были ненамного богаче меня, я никогда не напоминал об оплате, и большинство просто не платило ничего. Может, забывали, может, имелись какие-то другие причины. Единственным методом воспитания, к которому я прибегал, была «материнская любовь», но применялась она исключительно на тренировках, при ошибках в исполнении приемов и упражнений. Я не мог начать «воспитывать» своих учеников бамбуковой палкой только за то, что они задерживали оплату занятий. «Материнская любовь» не предназначалась для выбивания денег.

И все же что-то постоянно возвращает меня в середину 1960-х и притягивает к этим трущобам в Беркли; та студия сохранилась до наших дней, ее дверь открыта и сегодня, а старший инструктор когда-то был одним из моих самых первых учеников.

В 1966 году я пришел к выводу, что больше не могу совершать долгие пешие походы на работу, да и слишком много времени отнимали поиски дешевой обуви.

Через дом от моей студии жил парень по имени Джеймс. У него был старый «шевроле» с откидным верхом, подготовленный на продажу. Красивая золотисто-коричневая машина с множеством блестящих хромированных деталей. Хотя ей уже стукнуло десять лет, на корпусе не было ни единой вмятины. Мне в самом деле нравилась эта машина, и я спросил Джеймса, сколько он за нее хочет. Его цена была 250 долларов, я же собирался потратить все 280. Итак, я попросил продать мне автомобиль, но он сказал, что с машиной не все ладно.

«Ну и что? — ответил я. — Ты же механик. Ты сможешь все исправить».

Он кивнул и пошел к машине, я поплелся за ним. Я видел, что мотор работает и шины накачаны, так в чем же дело?

«Вам придется много чего чинить», — объяснил он.

«Ничего. Я заплачу тебе за ремонт. Я хочу именно эту машину». Мною овладела идефикс корейского парня, мечтавшего приехать в Америку и занять собственный автомобиль.

В конце концов Джеймс согласился продать мне «шевроле» за 250 долларов. Я дал ему деньги, а он вручил мне ключи.

«Ты еще пожалеешь об этом, — повторил он, пока я крутился вокруг машины. — Тебе в самом деле придется кое-что отремонтировать и наладить».

У меня не было никакого представления о том, что он подразумевает под ремонтом и наладкой, — машина ехала, и этого вполне достаточно. На следующий день я заявился в автоинспекцию, быстро сдал письменный экзамен и получил карточку ученика водителя. Разница между ней и водительскими правами заключалась в том, что с этой карточкой я мог вести машину только в присутствии водителя с полноценными правами.

Много ночей я проспал в этой машине. Я видел американские фильмы, в которых парни со своими подружками прямо на автомобилях подруливали к огромным киноэкранам на стоянках, я же ограничивался сном на заднем сиденье моего авто. Но главным его достоинством был *откидной верх*. Когда я вел машину, одна рука лежала на рулевом колесе, другая — на дверце; волосы развевал ветер — совсем как у кинозвезд, которых я видел в фильмах. Меня, правда, не заботило, обращают на меня внимание девушки или нет.

Я предвкушал, как поеду на машине на работу, но у меня не получались дальние поездки. Как только я трогался и проезжал пару кварталов, двигатель перегревался и глохнул. Надо было ждать не менее получаса, чтобы он охладился и я смог проехать еще два квартала. Так я нашел первое из того, что, по словам Джеймса, «надо было наладить». Но это не имело для меня никакого значения — важным было лишь то, что я имел свой автомобиль. Я мыл его каждый день и провел много времени, полируя и протирая кузов, пока охлаждался мотор.

Я так никогда и не узнал, почему мотор перегревался. В одну из суббот, продолжая свои «двухквартальные» поездки, я случайно оказался на наклонном въезде на скоростную трассу. Отсюда никак нельзя было выехать и здесь не было разворота, движение только

вперед! Я попытался остановиться, но водители сзади начали отчаянно сигналить. В следующее мгновение до меня дошло, что я еду по скоростной автомагистрали и никто не собирается помочь мне убраться с нее.

Меня охватил смертельный ужас. Все, что у меня имелось, — карточка ученика, и я не был хорошим водителем и к тому же впервые оказался на скоростной дороге. Я выжимал из моей мечты все возможное (полз на скорости 50 километров в час), когда внезапно увидел в боковом зеркале огромную решетку радиатора грузовика и услышал рев его клаксона. Я вдавил педаль газа в пол, но машина продолжала терять скорость. Из-под капота повалил пар вперемешку с дымом, и мотор заглох. Через десять минут прибыла дорожная полиция, копы были в ярости. Сверкая красными маячками, они столкнули мое авто бамперами своих машин к краю магистрали; затем достали штрафные книжки. Согласно их утверждениям, мне вменялась в вину слишком медленная езда, из-за которой на магистрали образовалась двухмильная пробка. Они также обвинили меня в отсутствии водительских прав и лишь посмеялись, когда я пытался утверждать обратное -- у меня же была действующая карточка ученика водителя, пусть даже я и управлял машиной в одиночку.

За час я добрался до дома Джеймса и постучался в его квартиру.

«В чем дело?» — спросил он, открыв дверь с банкой пива в руке.

«У меня возникли кое-какие проблемы. Машина остановилась на скоростной дороге. Ты говорил, что «кое-что» нуждается в ремонте. Отлично, почини это «кое-что».

«Что конкретно случилось?» — переспросил он, делая большой глоток.

«Мотор перегрелся».

«Я предупреждал».

«Да, но ты говорил «какие-то мелочи». Вот и исправь их сейчас. Я заплачу. Ты знаешь, у меня есть еще тридцать долларов, так что Займись ремонтом».

Джеймс подвез меня обратно к тому месту у края магистрали, куда оттащили мою машину. Он поднял капот, лишь взглянул на даижок и со стуком захлопнул крышку. Эта «мелочь» превратилась

92 Путь мастера Ю

в очень большую беду, так как двигатель «полетел» и его восстановление стоило бы дороже, чем сам автомобиль. Последние тридцать долларов я потратил, чтобы перевезти машину на автомобильную свалку, где и попрощался с моим чудесным кабриолетом.

92 Путь мастера Ю

в очень большую беду, так как двигатель «полетел» и его восстановление стоило бы дороже, чем сам автомобиль. Последние тридцать долларов я потратил, чтобы перевезти машину на автомобильную свалку, где и попрощался с моим чудесным кабриолетом.

Кардинальный поворот — мой мир рушится

К концу 1966 года я уже два года занимался в Калифорнийском университете Беркли и продолжал преподавать боевые искусства в своей маленькой студии. Хотя учеба наладилась, жизнь в целом нельзя было назвать успешной и динамичной. Студия не приносила большого дохода, так как находилась в сравнительно бедном районе. Приходилось продолжать мыть посуду по ночам, что оставляло мне совсем мало свободного времени. Даже мои тренировки потеряли прежний блеск, потому что я остался без учителя после того, как четыре года назад не стало мастера Ко. А я, как никто другой, знал, что без советов и указаний учителя очень трудно, если не невозможно, достичь высшего уровня мастерства в боевых искусствах.

Случайно я услышал, что в окрестностях Сакраменто, в часе езды от Беркли, некий корейский мастер (назовем его учитель К.) преподает боевые искусства. Я знал его, он был моим наставником после смерти мастера Ко и до моего отъезда из Кореи.

Более двух лет, последовавших за нашей второй встречей в Америке, учитель К. помогал мне как мастер боевых искусств своими советами и возможностями. Сегодня я все еще чувствую себя в

большом долгу перед этим человеком, несмотря на то, что наше расставание, как вы узнаете далее, не было приятным.

К 1967 году во многом благодаря фильмам и телевидению выросла популярность боевых искусств в Соединенных Штатах (особенно способствовал этому Брюс Ли, сыгравший роль Като в телесериале «Зеленый шершень»). В школы восточных единоборств хлынули толпы учеников, многие известные мастера участвовали в соревнованиях, привлекавших внимание спонсоров из-за высокой посещаемости зрителями. Учитель К. хотел организовать турнир, в котором бы сошлись чемпионы в различных видах боевых искусств из Америки и Кореи. Все единодушно соглашались, что такие соревнования ждет небывалый успех и их организация не займет много времени.

Учитель К. доверил мне пост капитана команды Кореи. Чтобы полностью отдался подготовке к соревнованиям, я и еще пятеро корейских бойцов переехали в Сакраменто и жили в помещении при студии учителя, где и тренировались весьма усиленно. (Пока я готовился к чемпионату, мой лучший ученик распоряжался в моей студии в Беркли.) На следующий год для участия в чемпионате в Сакраменто прибыла американская команда. Каждый бой должен был состоять из трех раундов, каждый раунд продолжался три минуты. Помимо главного судьи схватки, еще четверо сидящих по углам ринга должны были вести подсчет очков. С таким регламентом соревнований согласились все, но стороны никак не могли сойтись в методике подсчета очков.

Когда турниры по боевым искусствам только начинались, они обычно состояли из серии «неконтактных» схваток — бойцы только обозначали удары, так как многие из этих ударов при «полном контакте» (full contact) считались смертельными. Поэтому, нанося удар, боец фиксировал руку или ногу в паре сантиметров от цели, не допуская соприкосновения с противником. В Корее победителем схватки объявлялся боец, набравший большее число очков к концу поединка. Такая система действует и в Америке, но только в

боксерских матчах; в боевых искусствах применяется другая система подсчета очков. Вместо непрерывной схватки все три минуты раунда с итоговым подсчетом очков в конце боя рефери останавливает поединок всякий раз, когда боковые судьи фиксируют удар, за который начисляются очки, поднимая белые или красные флажки (за того или иного бойца). Если большинство судей согласно, очко зачисляется спортсмену из красного или белого угла, после чего бойцы сходятся в центре ринга и схватка продолжается.

Различие в системах подсчета очков послужило поводом к дискуссии о самой сути предстоящих поединков. Американцы приводили доводы в пользу того, что в реальной жизни схватка между двумя мастерами восточных единоборств закачивается после первого же смертельного удара. Они уподоблялись ковбоям на Старом Западе: если два стрелка сталкивались на середине улицы, они ведь не разряжали сначала магазины своих шестизарядных револьверов до последнего патрона, а потом признавали побежденным того, в кого попало больше пуль. В жизни, настаивали американцы, первая же пуля решала исход перестрелки.

Корейцы не соглашались. Проблема, если принять американскую схему, заключалась в том, что считать «смертельным ударом». По мнению корейцев, удар кулаком по корпусу (в ребра, например) или ногой в грудь не всегда смертелен. Так как корейским бойцам изрядно доставалось во время изматывающих тренировок (да еще вдобавок тренерская «забота» бамбуковой палкой), многие из них без усилий научились так управлять своим телом, чтобы, даже получая мощный удар, тут же отвечать двумя-тремя молниеносными ударами ногами и руками. И хотя считалось, что технически противник нанес удар первым, корейский боец заканчивал поединок с большим количеством засчитанных ударов и выигрывал матч по очкам.

Более того, корейская команда постоянно поднимала вопрос о темпе проведения боя, так как нам не нравилось, что американцы будут получать передышку во время каждой остановки схватки. Корейцы были *хорошо тренированными, выносливыми* бойцами и вполне обоснованно считали, что частая остановка боя (практически каждые 30 секунд) даст в сумме большие преимущества американской команде, не столь хорошо подготовленной физически.

Сама мысль о том, что чемпионом может стать американский боец, которому нет особой надобности поддерживать отличную физическую форму, не давала покоя корейской команде.

Было еще много спорных моментов, наиболее серьезный из них — американцы добились права во время боя захватывать противника за кимоно и бросать на пол. Корейцы настаивали на том, что подобные приемы недопустимы. Они заимствованы из арсенала японской борьбы дзюдо, а корейцы приехали не на соревнования борцов.

Хотя единую методику подсчета очков следовало определить задолго до начала чемпионата, это не было сделано. Еще сорок минут после объявления о начале первого боя обе команды спорили насчет правил. К несчастью для корейской команды, учитель К. был вынужден уступить, опасаясь ухода американской команды с соревнований, что привело бы к значительным убыткам как самого мастера К., так и его спонсоров.

Вынужденная биться по американским правилам, корейская команда в тот вечер потерпела поражение. Это было настолько унижительно, что по окончании матча все корейцы плакали. Я не считаю, что потерпел такое же сокрушительное поражение, как другие, потому что, несмотря на все обстоятельства, показал хороший бой. Насколько я помню, никто не победил меня.

Если бы регламент соревнований пересмотрели и американцы проиграли, выступая по корейским правилам, они бы проснулись на следующий день как ни в чем не бывало. Мой опыт общения с большинством американских мастеров восточных единоборств подсказывал мне, что они уделяют не такое уж большое внимание своей репутации и чувству личного достоинства. Это совсем не означает, что американцы пустые, никчемные люди, но для них главное — выиграть, и не важно как. Если они проигрывают сегодня, их огорчение скоротечно, так как они знают, что могут выиграть завтра или через месяц и снова будут на вершине. Может быть, американцы по натуре более оптимистичны и менее ранимы, чем корейцы.

Через несколько дней после турнира шесть членов корейской команды появились в офисе мастера К. Наша решимость была непоколебима — мы собрались восстановить свою репутацию и до-

казать всему миру боевых искусств, что корейские бойцы не побеждены. Мы готовы были пожертвовать всем, чтобы вернуть свое достоинство.

Мастер К. сделал для этого все. Хотя он и не мог оказать нам серьезную финансовую помощь, но разрешил шестерым из нас остаться жить в его студии в Сакраменто. Мы разместились в двух помещениях, больше похожих на маленькие спальни, и довольствовались на обед чашкой риса и капустой. За преподавание в его студии и участие в организуемых им показательных выступлениях мастер К. платил нам пять долларов в месяц.

Весь следующий год я поднимался в шесть часов и усиленно тренировался вместе с другими членами нашей команды. Затем с десяти часов давал частные уроки днем и вел групповые занятия вечером в студии мастера К. Это было жестокое испытание — некоторые из моих товарищей болели, другие испытывали финансовые затруднения, и я делал все возможное, чтобы сохранить нашу боевую шестерку. Я был тверд.

В один из дней мне принесли телеграмму. Она была от моего близкого друга и товарища по тренировкам, оставшегося в Корее. Он писал, что его дочь заболела и ее надо положить в больницу. Друг просил, если есть возможность, прислать ему 50 долларов. У меня не было таких денег, чистая правда, у меня было всего 50 центов. Я пошел к мастеру К., так как лишь он один мог помочь.

. Мастер К. выслушал меня и сказал: «Ты знаешь, какая это большая сумма — 50 долларов? Это большие деньги, у меня их нет».

Тогда я обратился к одному из моих учеников, Джиму Претеру, с которым поддерживал дружеские отношения. Джим владел одной из пивных «У Денни» в Сакраменто, у него была большая семья, и он изо всех сил старался удержаться на плаву. Я ничего не сказал ему о письме друга, просто попросил у него работу — мыть посуду. В девять вечера заканчивались занятия моей последней группы, один из учеников подвозил меня до пивной «У Денни», где я, как в старые времена, мыл посуду до трех утра. Затем я возвращался в студию мастера К., три часа спал и начинал в шесть часов утреннюю тренировку. Через десять дней работы в «У Денни» я смог послать своему другу 50 долларов международным переводом.

Вскоре после этого один из друзей мастера К. заглянул в студию. Этот молодой человек приехал в Америку, чтобы завершить университетское образование, и был одним из дюжины богатых сынков, чьи отцы еще в Корее дружили с мастером К. Учитель часто развлекался с этими молодыми людьми, чтобы поддержать свою репутацию. В разговоре со мной парень ненароком упомянул о грандиозном обеде, которым он и его друзья наслаждались предыдущим вечером вместе с мастером К. «Да, учитель Ю, вам следовало побывать на этом обеде с мастером К., — сказал он. — О, это было потрясающе — бифштексы из Нью-Йорка и всевозможные закуски! Я думаю, обед обошелся мастеру К. по меньшей мере долларов в триста!»

Меня и других членов команды, живших при студии мастера К., в какой-то мере задевало, что мы никогда не приглашались на его вечеринки. Нам казалось, что мы ничем не хуже тех высокопоставленных богачей-корейцев, с которыми он яхтался. В любом случае я не поверил истории, рассказанной этим парнем, и сказал: «Ты уж извини, но у мастера К. вообще нет денег».

Юноша ответил, что я ошибаюсь, и на следующий день один из других участников этого обеда подтвердил, что именно мастер К. платил за роскошное пиршество. Я был потрясен. На следующее утро я стоял перед учителем в его студии, глядя ему прямо в глаза. Я напомнил, как десятью днями ранее умолял его одолжить 50 долларов для больной девочки, и он отказал, сказав, что такой суммы у него нет.

Мастер К. высокомерно глянул на меня и процедил: «Это очень важные люди, и я должен относиться к ним соответствующим образом. А вы, парни, должны заниматься моей студией и готовиться к соревнованиям».

Я не понимал такой логики и переспросил: «Простите, господин, что вы имеете в виду? Я хочу знать».

Он сердито взглянул на меня. «Ты слышал, что я сказал, — проворчал он. — Они важные люди. Время от времени мне надо оказывать им знаки внимания, что я и делаю».

Внезапно я почувствовал, что земля ушла у меня из-под ног. Больше года, зажав себя в кулак, я горбатился, как мог, на мастера К.

за жалкие пять долларов в месяц и несколько чашек с рисом и капустой. Дочь моего друга болела и нуждалась в госпитализации, а у этого человека не было 50 долларов, чтобы одолжить мне для больного ребенка, но нашлись 300 долларов для угощения сынков его богатых друзей из Кореи. Честно говоря, я ничего не имел против корейского высшего общества, но я отдавал мастеру К. всего себя, в то время как эти парни практически ничего не делали для него.

За несколько дней я привел в порядок свои дела и снова пришел в офис мастера. Я опустился на колени перед ним и сказал: «Господин, я должен уйти. Я просто не могу больше здесь оставаться».

Мастер К. выразил явное недовольство. По его мнению, я должен был остаться и продолжать работать в студии и тренироваться, так как в противном случае спонсоры матча-реванша потребуют назад свои деньги. У меня было сильно развито чувство долга, и я согласился на следующий день объясниться с советом директоров этого проекта.

Встреча прошла весьма мучительно для меня. Состоялась она на людях в ресторане, где я на коленях просил у присутствующих извинения и обещал, помимо прочего, вернуть все вложенные в подготовку команды деньги.

Я ощущал себя крепостным слугой. Хуже всего, что мне пришлось стоять и просить о снисхождении перед одним из моих учеников, обладателем зеленого пояса, который оказался в числе главных спонсоров мастера К. В мгновение ока я перестал быть для него «Мастером Ю», и он публично продемонстрировал свое неуважение, обращаясь ко мне свысока. Заканчивая выговор, мой ученик заявил, что не собирается так просто разрешить мне оставить студию мастера К. (Я вообще впервые столкнулся с такой постановкой вопроса.) Но в конце концов с большим трудом разрешение на уход было получено.

Вернувшись в студию, я уложил свои вещи и снова пошел в офис мастера К. Стоя на коленях, я сказал: «Господин, простите меня, простите за все. Я вернусь и возвращу каждый потерянный вами цент. Но сейчас, господин, я прошу вашего прощения».

Мастер К. особенно не разглагольствовал. Напомнил некоторые не особенно приятные вещи; сказал, что его тошнит от меня, и ударил

100 Путь мастера Ю

по лицу ногой в ботинке, отбросив меня через всю комнату. Последовало еще несколько пинков, после чего мастер К. заявил, что он и его влиятельные друзья приведут в действие все рычаги, чтобы завтра же утром выслать меня обратно в Корею. Он не имел права бить меня, но он был моим учителем и старше меня, поэтому я беспрекословно стерпел все. Мастер К. закончил свою тираду, обозвав меня слабаком и неудачником, и приказал убираться вон.

Следующие четыре часа я провел, шагая по направлению к Сан-Франциско. Мое лицо еще горело после ударов мастера, и я непроизвольно всхлипывал. Такое расставание было необъяснимо для меня тогда, не поддается осмыслению и сегодня. Я делал все, что мог и что должен был делать для него, и отдавал этому все свои силы. Я хотел быть для него одним из тех парней из Кореи, которые стоили обеда за 300 долларов, но в итоге даже не удостоился чести называться его другом.

Какое-то время я брел по сельской дороге. Начинало темнеть, хотелось есть, в горле пересохло. Я подобрал несколько картофелин на поле и напился из какой-то лужицы. Через некоторое время я почувствовал ужасную слабость — боли в животе сопровождались многочасовой рвотой на протяжении двух дней. Я был так плох, что боялся умереть.

Понемногу я поправился, но страшно исхудал. Мне надо было найти средства для пропитания, и в конце концов я завербовался на сбор фруктов вместе с двумя дюжинами латиноамериканцев. Я ощущал себя преступником и беспокоился, что власти разыскивают меня для выдворения из страны. Лишь затесавшись в группу сборщиков фруктов, я почувствовал некоторое облегчение. Через месяц я понял, что мне ничего не грозит, и направился обратно в свою студию в Беркли.

Некоторые ученики не узнали меня, когда я появился в студии. Я был худой как щепка, лицо изменилось и потемнело из-за долгих часов работы под палящими лучами солнца. У меня снова было немного денег, и я отправился в недорогой магазинчик, где выбрал ботинки за пару долларов и немного старой одежды. Я вернулся в мое пристанище при студии, где возобновил водные процедуры в ванной (и время от времени ночью принимал душ из шланга во дворе).

Несколько недель я отсыпался. Я стремился к успеху и не мог позволить, чтобы история с мастером К. сломала мою жизнь. И не хотел, чтобы меня запомнили как слабака и неудачника. Я был хорошим мастером боевых искусств, и меня не страшили упорные тренировки. Несколько лет назад я обещал мастеру Ко, что поеду в Америку и сделаю тэквондо популярным в этой стране. Я считал, что наши бои с американцами, организованные мастером К., привлекут серьезное внимание к корейским боевым искусствам. И когда этого не случилось, я решил тренироваться весь год, чтобы подготовиться к матчу-реваншу в надежде на окончательную победу. Теперь, покинув мастера К., я понял, что сам должен победить на нескольких соревнованиях и тем самым продемонстрировать превосходство корейской школы боевых искусств.

Интенсивные тренировки всегда были моей сильной стороной, и весь 1969 год я без устали тренировался семь дней в неделю. В день я проводил до тысячи ударов ногами, так как именно умение выполнять этот прием должно было принести мне победу на чемпионатах. Каждый раз, когда я начинал уставать, ко мне возвращались воспоминания о том, что произошло в студии мастера К., и о нашем последнем разговоре перед моим уходом. Мысли об этом восстанавливали мои силы, и я снова бился сам с собой еще три-четыре часа. Я был нацелен только на победу.

Вскоре состоялся мой первый чемпионат. Соревнования проводились в выходные дни и собрали более 1500 участников и 5000 зрителей. Турнир проходил по олимпийской системе, при которой проигравший хотя бы одну схватку выбывает из дальнейшей борьбы. Чтобы стать чемпионом, мне надо было одолеть двенадцать бойцов за три дня. Уже на этих соревнованиях я столкнулся с проблемами, которые продолжали преследовать меня во всех последующих турнирах (всего таких турниров было 201).

Когда я выступал против американской команды в турнире мастера К., то под моим началом, вместе со мной и от моего имени действовала целая команда весьма уважаемых корейских мастеров.

Сейчас же мне приходилось самому заботиться о себе, к тому же я все еще недостаточно хорошо владел английским, особенно в минуты волнения. И вдобавок мне снова пришлось биться по американским правилам судейства (остановка схватки после каждого засчитанного удара).

Наибольшей проблемой для меня было то, что, будучи представителем корейской школы боевых искусств, я специализировался на ударах ногами в прыжке. Когда противник бросался на меня, я взлетал метра на полтора в воздух и, когда он проскакивал подо мной, наносил удары ногой в голову или верхнюю часть корпуса. Приземляясь на татами, я оглядывался на судей, ожидая увидеть четыре поднятых флажка, означающих засчитанное мне очко. Ни одного флажка! Недоумевая, я обращался к рефери за разъяснением и получал ответ: моим ударам не хватало мощи. Боковые судьи настаивали на том, что они именовали «твердой опорой». Это означало, что при ударе ногами одна из них должна оставаться на татами. Конечно же, я не мог прыгнуть на два метра, не отрывая ног от пола!

Выслушав подобные разъяснения тысячу раз, я решил входить в контакт с противником (до этого все удары лишь обозначались, не достигая одного-двух сантиметров до головы или корпуса соперника). Я надеялся, что боковые судьи, увидев удар ногой, пославший противника за пределы ринга, перестанут говорить о слабости таких ударов. Но моя новая стратегия привела к новым протестам — теперь мои удары признавались слишком *сильными и опасными*, за что мне угрожали дисквалификацией. Ни при каких условиях мне не давали победить!

В то время как судьи выражали недовольство моими ударами в прыжке, зрители были совсем не против их применения. Где бы я ни выступал, схватки на соседних площадках прекращались, и все перемещались к моему рингу. Когда меня атаковал соперник, я делал высокий прыжок, затем два полных сальто в воздухе, во время которых атаковал противника с разных углов, и затем прочно вставал на ноги. Толпа восторженно приветствовала меня и шумно протестовала, когда мне засчитывали поражение или дисквалифицировали.

Тысячи часов интенсивных тренировок в школе мастера Ко сделали мои удары руками настолько быстрыми, что судьи порой просто не успевали их заметить. Во время атаки я наносил противнику серию молниеносных ударов, затем отскакивал в сторону и бросал взгляд на судей. Снова нет флажков!

Я не мог этому поверить — я нанес моему противнику достаточно ударов руками, чтобы подавить его и уложить на татами, но судьи утверждали, что они не видели этих ударов! Тогда я обмотал свои кулаки ярким белым скотчем, чтобы улучшить их зрение. Только тогда они стали поднимать свои флажки, фиксируя очки в мою пользу.

На соревнованиях во мне снова возобладала темная сторона моей личности (ян), которую отмечал еще много лет назад мастер Ко, и я стал известен своим горячим темпераментом. В самом деле, я был настолько агрессивен и криклив на ринге, что заработал прозвище К.У., что означало Корейский Убийца. Прозвище быстро распространилось в кругах мастеров боевых искусств, пришедших к мнению, что лучше меня не трогать или я убью их.

Ирония судьбы, но именно те, кто утверждал, что мои удары ногами слабы и не заслуживают того, чтобы их засчитывать, а затем дисквалифицировали меня за жесткий контакт и чересчур мощные удары, подходили ко мне во время соревнований и просили, чтобы я провел показательные выступления на церемонии награждения.

Я демонстрировал серии поразительных трюков: прыгал через шестнадцать лежащих парней и крушил доски и кирпичи в конце полета; или же взмывал на высоту более двух метров и одним ударом ноги превращал в порошок глыбу льда размером с небольшой холодильник. Пока рабочие убирали осколки льда, я поворачивался к спонсору соревнований или судьям и спрашивал их мнение о мощи моих ударов ногами. Они таращились на меня с забавным видом и перешептывались между собой. Тот же самый удар, который послал глыбу льда в ста разных направлениях, был недостаточно хорош для зачета двумя часами раньше, когда я бился на татами!

После шести месяцев боев и показательных выступлений и спортсмены и зрители пришли к единому мнению, что им не приходилось видеть ничего, хоть в какой-то мере равного моим ударам

ногами в прыжке. Большинство было просто потрясено. Что касается моей личности, то многие стали поговаривать между *собой*, будто я сумасшедший.

Я добивался побед просто потому, что мне не могли противостоять. В начале 1970-х я выиграл чемпионат штата Калифорния и затем продолжал побеждать на мировых чемпионатах среди профессионалов и любителей. Победы принесли мне 500 призов, 28 золотых медалей, 7 чемпионских поясов и 36 денежных премий от королей, королев и президентов. В последующие годы я был удостоен трех президентских грамот (от американских президентов Джонсона, Никсона и Клинтона) и занесен в книгу почета Зала славы Ассоциации мастеров боевых искусств как «Человек века».

Не так уж плохо для того, кто начинал жизнь в оккупированной Корее как плакса и урод!

В октябре 1975 года мне была присуждена «Золотая награда мастера» Ассоциации мастеров боевых искусств. Это был самый счастливый день моей жизни. После столь тяжелой работы и трудной жизни я попал в центр внимания и добился всеобщего признания. В день награждения я испытывал наивысший духовный подъем и находился в прекрасной физической форме. Я был настоящим чемпионом, который выдвинул тэквондо на передовые позиции в Америке. Мне было невдомек, что созданный мной мир близок к краху. День, который должен был увенчать пик моей блестящей славы, на деле стал худшим в моей жизни.

По иронии судьбы мастер Ко предвидел это десятью годами ранее.

Царь обезьян

Многие годы самой популярной в странах Азии была китайская сказка «Царь обезьян» У Чэньиня. Мне было шесть лет, когда мастер Ко впервые рассказал ее. Жил Бог на небесах, и был у него советник и слуга по имени Царь обезьян. Когда Господь взглянул вниз на землю, он увидел людей и животных и подумал, что все это прекрасно.

Но Царь обезьян был иного мнения. Когда он посмотрел вниз и увидел людей, то засмеялся над их нелепыми ошибками и упрекнул в глупости и отсутствии ума.

Однажды Царь обезьян путешествовал по Вселенной, но не смог найти обратный путь на небеса. В конце концов он добрался до Земли, где обнаружил людей, которые поразили его, так как могли перемещаться только на двух ногах. Сам Царь умел летать,

и его удивляли неуклюжие попытки людей передвигаться из одного места в другое. Наконец он приблизился к одному из них.

«Знаешь ли ты дорогу на небеса?» — спросил Царь обезьян. «Ты видишь Солнце?» — спросил в ответ человек. «Да».

«Солнце создало весь мир, и оно же глаз Бога. Тебе всего лишь надо долететь до Солнца, и ты вернешься на небеса».

Царь обезьян очень обрадовался, узнав дорогу обратно: «Благодарю за то, что ты помог мне отыскать путь на небеса. Могу ли я в ответ чем-нибудь помочь тебе?»

«Ты ничего не должен мне», — скромно промолвил человек.

Царь обезьян был тронут честностью и заботливостью человека. В знак благодарности он одарил человека разумом и дал ему огонь, а затем отправился в путь.

Вскоре после возвращения Царя обезьян на небеса Бог взглянул на Землю и увидел людей, умело пользующихся огнем. Заинтересовавшись, он позвал Царя обезьян и спросил, известно ли ему что-нибудь о происходящем на Земле. Тот поведал свою историю.

Бог пришел в ярость. Он сказал Царю обезьян, что тот не имел права передавать людям такие могущественные силы, как разум и огонь. В наказание Бог низверг Царя обезьян с небес и послал его на Землю прислуживать людям.

Когда мастер Ко рассказывал мне эту историю, я и представления не имел, какую важную роль сыграет личность Царя обезьян в моей жизни через три с лишним десятилетия.

У мастера Ко была лишь одна привязанность — его любимая обезьянка. Один из учеников привез ее в подарок учителю из Таиланда — и тот немедленно влюбился в нее. Вскоре обезьянка уже повсюду следовала за хозяином и даже пыталась копировать его движения во время занятий тэквондо.

Со временем обезьянка стала чем-то вроде талисмана студии и часто сидела вместе с нами, когда мы обедали. Другие ученики хорошо ладили с ней, а у меня это не получалось, так как она все время воровала мою еду. Я был неуклюж и не так ловок, как другие, и эта тварь выбрала целью мои фрукты и рисовые лепешки. Только я пытался положить еду в рот — бац! — она внезапно выхватывала ее и убегала. Под смех и даже аплодисменты всех учеников она усаживалась так, чтобы я не мог дотянуться до нее, и поедала мою еду при-

мо передо мной. Хуже того, она еще и язык мне показывала. Я терпел ее насмешки больше месяца. Сколько раз я пытался шлепнуть мартышку, но она лишь прыгала по студии и насмехалась надо мной.

Как-то я был один, обедая на полу в студии, когда она появилась откуда-то, украла мою лепешку и бросилась бежать. Мое терпение лопнуло, и я устремился за ней. По каким-то необъяснимым причинам именно в этот день я был не так неуклюж, как обычно. Когда наконец я загнал обезьянку в угол, она продолжала отщипывать кусочки от моей рисовой лепешки, уже заляпанной ее слюной. Это взбесило меня, и, особо не раздумывая, я ударил обезьянку ладонью по морде, впечатав ее в стену. От стены ее отбросило на пол, что доставило мне огромное удовольствие, и я подумал: *«Отлично! Маленькая тварь получила то, что заслуживала*.»*

Довольный собой, я уже собрался уходить в полной уверенности, что обезьянка поднимется и займется своими делами. Но она едва двигалась и, похоже, получила серьезную травму. Я нагнулся над ней и почувствовал, что она умирает. Обезьянка посмотрела на меня снизу, моргнула пару раз и затихла с открытыми глазами, устремленными прямо на меня. Я испугался и не знал, что делать. Это был несчастный случай, я действительно совсем не хотел причинить вред зверушке. Но гнев и ярость были сильнее меня. До своего последнего дня я не забуду выражение мордашки несчастного животного, когда оно испустило последний вздох.

Я сел на пол, положил обезьяну на колени и целый час проплакал. У меня не было права отнимать чужую жизнь, мыслями я вернулся в то время, когда врачи советовали моим родителям спрятать меня куда-нибудь в угол и дать мне умереть. Я бился за свое выживание потому, что был уверен — те врачи не имели права выносить мне смертельный приговор. А вот сейчас я вынес такой приговор этой игривой озорной обезьянке, которая всего лишь украла мою лепешку.

Безусловно, больше всего меня страшила предстоящая встреча с мастером Ко: я точно знал, что меня ждет по меньшей мере 200 ударов «материнской любви» или даже хуже — «любви мастера» — это была самая тяжелая бамбуковая палка. Я боялся, что к концу экзекуции буду не в состоянии ходить.

Хотя многие ученики видели, как я время от времени гоняюсь за обезьянкой, никаких свидетелей случившегося несчастья не было. Я хотел оставить ее лежащей где-нибудь или, может, спрятать. Даже решил закопать в укромном уголке и затем высказать предположение, что зверек или убежал, или бродит где-нибудь. Это могло стать хорошим объяснением. Но вышло совсем по-другому.

Я пошел искать мастера Ко. Я всегда прощался с ним перед уходом и понимал, что, если не сделаю этого, на меня падет подозрение, когда Учитель обнаружит мертвую обезьянку. Мастер копошился в своем маленьком садике. Как только я увидел его, слезы брызнули из моих глаз, я знал, как он расстроится, узнав о смерти своей любимицы.

Ровным голосом он спросил: «Что ты скрываешь?»

Я почувствовал, что должен сказать правду. Рыдая, я постарался получше объяснить, как все произошло, что это была случайность. Мастер Ко ни разу не взглянул на меня. Помолчав, он тихо сказал: «Принеси мне обезьянку».

Я вернулся в студию, осторожно поднял обезьянку и вынес ее. Учитель взял на руки безжизненное тельце и слегка покачал его. Единственный раз за многие годы нашего знакомства я видел слезы, текущие из его глаз.

Сказав «прощай» своему любимому сокровищу, мастер Ко передал мне обезьянку и сказал: «Ты убил ее, ты ее и похорони».

Я сделал это. Затем вернулся и стал перед Учителем на колени. В этот момент я чувствовал себя страшно виноватым и сказал, что готов понести наказание. «Накажите меня как хотите, господин», — храбро заявил я, собрав все свое мужество.

Он взглянул на меня и улыбнулся понимающе: «Ты уже наказан. И это наказание страшнее, чем целый час «любви мастера». Тебя ослепила собственная ярость, и ты забрал невинную жизнь. И теперь до конца твоей жизни на тебе будет кровь этой обезьянки. Если ты не научишься контролировать и обуздывать свой гнев, эта кровь будет преследовать тебя до последнего дня. Никогда не забывай сегодняшнего урока».

Всю свою жизнь я боролся с двумя недостатками. Первый из них — я всегда принимал личный вызов. Если кто-нибудь вызывал

меня на бой, я не мог отказать. А раз уж схватка начиналась, я не мог позволить себе проиграть. Я должен был выиграть любой ценой.

Мой второй недостаток — если я чувствую во рту собственную кровь, прихожу в бешенство, и это губит меня. Когда такое происходит, в моих ушах начинает звучать визг убегающей от меня обезьянки. Он становится громче и громче, пока внезапно я не перестаю что-нибудь видеть и соображать.

Эти два недостатка дали повод для моего прозвища Корейский Убийца, которое я получил за мою агрессивность на татами. Так вышло, что это прозвище оказалось и в самом деле пророческим.

В октябре 1975 года, в возрасте 40 лет, я должен был получить желанную «Золотую награду мастера». Эта награда не свидетельствовала о победах на каких-то соревнованиях; она была знаком признания моего многолетнего служения боевым искусствам. Образно выражаясь, если бы я был женат на боевых искусствах, это событие стало бы нашей «золотой свадьбой».

Награда должна была вручаться на арене крупнейшего спортивно-развлекательного комплекса Сан-Франциско в районе Мид-веста. Помимо более 5 тысяч зрителей церемонию награждения почтили своим присутствием многие известные мастера боевых искусств. Презентация должна была стать пиком моей спортивной карьеры.

Буквально за мгновение до начала церемонии на арену выбежал молодой человек и предложил мне сразиться с ним. Парень не был пьян и не был просто пустым трепачом — он имел законно полученный черный пояс. За этим человеком тянулся целый хвост обвинений, большинство из которых было связано с интригами в мире боевых искусств. Видимо, он посчитал, что может как-то поправить свою репутацию, подвергнув сомнению мои честность и квалификацию. Несколько служащих зала и охранников попытались утихомирить его, но он и не думал уходить. В конце концов мне ничего не оставалось, как принять вызов — ставкой была моя репутация.

Устроители церемонии предложили провести схватку корректно, на ринге, а не как какой-нибудь бой без правил прямо в проходе зала или вовсе на улице. Мы согласились на шесть трехминутных раундов, уточнив некоторые правила: запрещалось наносить удары по глазам, в горло и бить ногой в пах.

К концу третьего раунда всем уже было очевидно мое полное превосходство над этим человеком. Раз за разом я опрокидывал его на пол и нависал над ним с занесенным для последнего удара кулаком. Наконец он сам почувствовал, что с него хватит, и сказал рефери, что прекращает бой.

Все должно было на этом и закончиться. Но когда я уходил, этот парень внезапно схватил один из металлических стульев боковых судей и набросился на меня сзади. Прежде чем я успел среагировать, он ударил меня этим стулом по голове, и не один, а несколько раз. Упавшего, он продолжал бить меня ногами по голове. Потребовались усилия трех мужчин, чтобы оттащить его. Когда я перевернулся, пытаясь подняться, кровь заструилась по лицу из нескольких глубоких ран на голове и попала в рот. В это мгновение я услышал пронзительный вопль той несчастной обезьянки. Что произошло в следующие две минуты, мне стало известно потом от очевидцев, утверждавших, что я полностью потерял контроль над своими действиями. Все, что помню, — я действительно хотел убить этого парня, и когда с ним было покончено, его в бессознательном состоянии увезли в больницу.

Хотя многие из присутствующих зрителей встали на мою сторону, доказывая, что я действовал в пределах самообороны, никто из мастеров боевых искусств не посмотрел мне в глаза. Напротив, они отвернулись от меня и покинули зал с чувством разочарования и недовольства. Действительно, я зашел слишком далеко — мои действия превышали пределы необходимой самообороны.

Как только унесли моего противника, я рухнул на пол. Лишь некоторые из моих учеников подошли ко мне спросить, все ли со мной в порядке. Часом позже я навестил этого парня в больничной палате. Он был подключен ко всевозможной аппаратуре и все еще не приходил в сознание. Врачи сказали, что их больше всего беспокоит травма шеи.

Впервые в жизни я обратился к Богу. Если этот человек должен был умереть, я хотел быть на его месте. То, что лежало на больничной койке, наглядно свидетельствовало о моем поражении. Все годы упорных тренировок по выработке самоконтроля и самообладания внезапно пошли прахом. Боец, который несколькими часами ранее должен был получить «Золотую награду мастера», нанес тяжелые ранения другому человеку. Я не мог стоять под тяжестью бесчестия, которым покрыл все братство мастеров боевых искусств. Колени мои подогнулись, я рухнул на койку этого парня и зарыдал. Впервые я плакал из-за другого человека.

Около полуночи я вернулся в Сан-Франциско. У меня было достаточно времени подумать о случившемся, разобраться, почему меня так задел вызов этого парня. На протяжении многих лет я поддавался и на другие физические провокации, которые плохо кончались для их зачинщиков. Но в отличие от тех случаев, сейчас я полностью потерял контроль над своей силой. Я чувствовал себя так, как, должно быть, чувствует себя алкоголик, когда осознает реальность своей болезни после первой полной потери памяти. Другими словами, в течение многих лет он приползает домой пьяным и просыпается на следующее утро с ясным пониманием того, что произошло накануне вечером. Затем однажды утром он встает с полным провалом в памяти, к тому же его одежда в крови, скоро обнаруживается, что кровь и на переднем бампере автомобиля в гараже. В этот момент алкоголик осознает, что в своем пьянстве перешел черту и уже никак не контролирует себя.

Через два дня после возвращения домой, когда я находился один в своей студии, пришла весть, что тот парень умер в больнице. Меня охватило отчаяние. Единственное, о чем я мог думать, — это уничтожить свое прошлое, все напоминания о нем. Я начал с моих спортивных трофеев, затем собрал все грамоты и фотографии и сжег их в металлической корзине. Потом схватил ножницы и остриг волосы, большие клоки вырывал руками. Мне казалось, что через свободные от волос места на голове могут уйти мои боль и белы. Но этого не произошло.

Я впал в глубокую депрессию, в начале 1976 года передал свою студию старшему инструктору и вернулся к жизни на улице. Я в самом

деле хотел исчезнуть, раствориться среди незнакомых людей и больше никогда и ни от кого не слышать свое имя в сочетании со словом «чемпион». То, что я сделал в злополучный вечер, ассоциировалось у меня с давним убийством любимой обезьянки мастера Ко. Я разрисовал свое лицо под обезьянью морду и стал известен среди уличных бродяг как «Царь обезьян».

Моя жизнь быстро катилась под гору. Трижды я пытался убить самого себя, но неудачно. Засыпать становилось все трудней и трудней, и я начал пить, чтобы скорее отключаться. Вскоре большинство бродяг считали меня законченным алкоголиком. Я пил и днем и ночью, питался в основном отбросами, набрал лишних двадцать килограммов. Я был грязный и оборванный и напоминал сам себе Урода из своего детства. Я шлялся в районе парка «Золотые Ворота», в китайских и японских кварталах города, перебиваясь попрошайничеством и тем, что зарабатывал, показывая на улицах разные фокусы и жонглируя. Устав от всего этого, я собрал денег на междугородный автобус и перебрался в Южную Калифорнию, где бродил по деревянным тротуарам Венецианского пляжа и спал под причалом Санта-Моника.

Я чувствовал, что стал позорищем для мира боевых искусств, который был всем в моей жизни. Без него я был ничто. Я больше не представлял себя нормальным человеком, единственное, что мне оставалось, — умереть. Больше я не мог выносить подобное существование и решил вернуться в Сан-Франциско и покончить с собой, прыгнув с моста «Золотые Ворота».

В ночь, когда я решил действовать, обычный холодный туман окутал залив. Я прикончил бутылку виски и перебрался через ограждения моста. Затем уставился на воду, которая выглядела холодной и весьма недружелюбной. Приготовившись к прыжку, я хотел еще сказать последние слова этому миру. Слова из корейской песни «Почему ты здесь». В приблизительном переводе их смысл таков: «Почему ты здесь — чего ты пытаешься достичь и что произошло с тобой?» Эти слова зазвучали в моей голове, как хор из ста певцов.

Затем наступил момент истины, и я взглянул вниз на воду, готовый прыгнуть. Но вода подо мной не была похожа на океан. Не

знаю, может, потому, что я выпил виски или же у меня начинались предсмертные галлюцинации, но она выглядела как кровь.

Мгновение спустя передо мной возникло лицо мастера Ко, затем лицо Чона, моего ученика еще из той, благополучной, жизни. Я вспомнил, как сотни раз говорил Учителю, что его желание для меня приказ и что я отправлюсь в Америку и осуществлю его мечту. Я увидел слезы на лице мастера, которые больно ранили меня. А выражение лица Чона, казалось, говорило: «Твоя судьба — моя судьба. Пойми это, Бьон».

В долю секунды я отказался от мысли прыгнуть с моста — потому что подошел слишком близко к смерти. Я выкарабкался в безопасное место и упал на землю, обливаясь слезами. Мне было стыдно, что я подвел Учителя, и я просил у него прощения. В этот момент я испытал то, что впервые понял на корейской войне, — не важно, как тяжело мне сейчас жить, любая жизнь всегда лучше смерти.

Спускаясь с моста, я размышлял о словах Учителя, которые он повторял снова и снова многие годы: «Посвяти всю свою жизнь одной цели, сынок. Чего ты боишься?» И он был прав. Самоубийство — поступок трусливого человека. Может быть, я ощутил вкус-смерти этой ночью. А может, просто не захотел присоединиться к мастеру Ко и Чону в тех водах. Думаю, что никогда не буду знать этого наверняка.

Мои мысли переключились на Ронни, восьмилетнего бродяжку, с которым я подружился не так давно. Ронни промышлял в районе рыбацкой пристани, это был вор-карманник с острым взглядом и быстрыми ногами. Говорили, что его бросили родители, и, похоже, вся жизнь его заключалась в борьбе с полицейскими и школьными инспекторами, загоняющими прогульчиков в классы. Я сочувствовал парнишке и разрешал ему собирать деньги во время демонстрации мной фокусов Царя обезьян. За эту работу я давал ему небольшую часть собранного.

Однажды я устроил действительно большое представление, и мы заработали на двоих достаточно денег на приличный обед и пару рожков мороженого. Ронни гордился своей работой — задабривать зевак, уговаривая их кидать деньги в его коробку. Ему не терпелось

показать мне выручку: «Эй, Царь обезьян, посмотри на эту коробку — она полна денег! Когда я вырасту, я хочу стать таким, как ты!»

Его слова причинили мне боль. Вся моя жизнь прошла в изучении боевых искусств, я был уверен, что ежедневные упорные тренировки принесут мне успех — и все, что они принесли мне, — смерть другого человека от моих рук. Я сгрэб двадцать долларов, дал их Ронни и сказал: «Здесь двадцать баксов. А теперь убирайся. Меня тошнит от таких, как ты. Тебе надо быть в школе, тогда ты сможешь стать кем-нибудь. Ты не знаешь, кто я и что я сделал. Ты хочешь быть похожим на меня? На уличного фокусника, который крутится целый день, чтобы заработать на пинту виски и пару хот-догов? Только из-за этих денег?» Я толкнул его в грудь и приказал убираться.

Мальчик заплакал и спросил: «Что я сделал плохого? Я больше не буду. Пожалуйста, не сердитесь на меня». Он просил простить его и не прогонять прочь. Но я был неумолим. В конце концов он швырнул деньги на землю и ушел.

Наблюдая, как он исчезает в толпе, я ощутил страх. Я уже больше года обретался на улице в этом районе и ни о ком не заботился... даже о себе. Единственное, что еще имело для меня значение, — я больше никому не собирался причинять боль. Даже не хотел давить тараканов, которые ползали по мне в ночлежках, где я случайно оказывался. Но вот сейчас я причинил боль восьмилетнему ребенку, у которого наверняка и так хватало бед в жизни и который не хотел ничего, кроме дружбы со мной.

Хотя мысли о Ронни расстроили меня, я все же сохранял хорошее расположение духа, спускаясь с моста, так как только что сумел обмануть смерть. Я направился к рыбацкой пристани — одному из моих любимых мест. Издалека я заметил Ронни, сидящего перед входом в один из рыбных рынков. Его лицо было искажено плачем, и выглядел он очень жалко. Я подошел к нему и спросил: «Привет, Ронни! Как живешь-поживаешь?»

Мы не видели друг друга целый месяц, и он очень удивился моему появлению. Мальчик вскочил на ноги и закричал: «Нет, не бейте меня!» Ронни часто колотили, и, видимо, вспомнив, как я толкнул его в последний раз, он испугался.

Я присел рядом с ним и положил руку ему на плечо. «Я не собираюсь тебя бить, — сказал я. — И прости меня за то, что тогда толкнул тебя. Послушай, я искал тебя». Я выудил последние два доллара из кармана: «У меня нет тех двадцати баксов, которые ты тогда бросил. Всего два доллара, но их хватит на два тройных рожка мороженого — как ты насчет платы в рассрочку?»

«Я не хочу ваших денег».

«Что так?»

«Мне не нужны деньги. Я думал, мы друзья».

Ронни потерял слишком много. Родители уже давно бросили его, а месяц назад ушел и я. Я понимал, что его шансы уцелеть на этих улицах минимальны, а будущее мрачно — скоро ему предстояло стать жертвой всех уличных пороков и не в последнюю очередь — детской проституции. Поэтому я решил возобновить дружбу с этим ребенком. Я хотел дать ему надежду.

«Ладно, Ронни. Вот что я решил. Отныне мы партнеры. По рукам?» — я протянул руку, на которую он долго смотрел, потом взглянул мне прямо в глаза.

«Ты так не думаешь».

«Ты не прав. Я думаю именно так больше, чем когда-либо в своей жизни. Обещаю тебе».

К моему большому изумлению, он резко оттолкнул мою руку. Думаю, так он расквитался за мой удар месяцем раньше. Я плюхнулся рядом с ним с отвисшей от изумления челюстью, но он уже бросился мне в объятия, крича: «Хорошо, Царь обезьян, мы партнеры».

Все закончилось совместным поглощением мороженого, и при этом мы говорили о великом множестве самых разных вещей, в основном о чувствах и переживаниях и о том, какой отвратительной может быть жизнь, когда ты один. Мы оба хорошо знали это.

В тот вечер Ронни преподавал мне хороший урок, который я никогда не забуду. Мы не делаем детям большого одолжения, когда сидим с ними и разглагольствуем, какие мы хорошие и значительные. Все это только лишний раз напоминает им, как далеко им до того, чтобы стать хоть кем-то в этой жизни. Дети хотят услышать от нас, как мы справлялись с жизненными проблемами, как попадали в переплет и как выбирались из него. И тут я много мог

рассказать Ронни. Рассказал я ему и о таких моментах своей жизни, как задержка умственного развития, корейская война, приезд в Америку без цента в кармане и с дюжиной английских слов в голове. Он был как губка — чем больше я говорил, тем больше этот мальчишка хотел услышать. И вскоре он уже мирно спал, впервые спокойно спал всю ночь. Похоже, мне удалось вернуть этому ребенку чувство безопасности и надежду.

Взамен Ронни дал мне возможность вновь почувствовать себя человеком. За многие годы обучения боевым искусствам я утратил ранимость и сострадание, которые делают нас людьми. Когда Ронни впервые сказал мне, что я обидел его, я даже не понял, о чем он говорит. Никогда и никто не говорил мне ничего подобного. Я был «Мастер» — чувства и привязанности, забота о других не входили в это понятие моей личности. Завет мастера Ко — быть стойким и жестким — вот что составляло суть моей натуры, и этому я учил своих учеников. Для меня все в жизни были потенциальными противниками. Я никогда не снисходил к поблажкам в отношении учеников, и когда они ошибались, я прибегал к «материнской любви», а не к жалости или сочувствию.

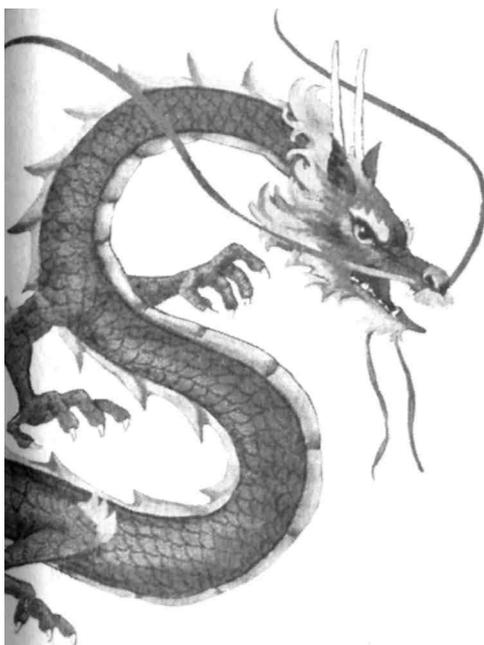
После нескольких недель тесного общения с Ронни мне стало казаться, будто я начинаю ощущать то, что чувствуют обычные нормальные люди. В моей жизни случалось, что меня охватывали переживания, я испытывал собственные эмоции — как положительные, так и отрицательные, но редко реагировал на проявления чужих чувств, по крайней мере до тех пор, пока они не становились отрицательными и не задевали меня. Ронни изменил меня, его чистосердечность и открытость внесли душевное равновесие в мою жизнь.

Благодаря Ронни у меня снова появилась цель в жизни, я захотел, если не страстно возжелал, посвятить свою жизнь этому ребенку. Впервые за много месяцев у меня появилась возможность расплатиться с миром за совершенное злодеяние — убийство. Я забрал человеческую жизнь, но сейчас Бог давал мне возможность *спасти* одну из них. Сказано, что Бог никогда не закрывает одну дверь, не открыв при этом другой, и я действительно верю в это.

Эта глава моей жизни (и книги) заканчивается благополучно. Наше с Ронни партнерство было нерушимо, и через несколько ме-

сяцев я помог ему встретиться и воссоединиться с матерью. Сегодня он успешный архитектор-дизайнер, вместе с любящей женой и двумя прекрасными детьми живет в Северной Калифорнии.

В конце концов я вернулся в мою студию боевых искусств, правда, большинство моих учеников с трудом узнали меня. Я был обрюзгший, выглядел совершенно больным и кашлял кровью. Едва ли я походил на их учителя, уехавшего два года назад, но они были рады видеть меня. Потребовались сотни часов напряженных тренировок, чтобы вернуть ту отличную физическую форму, которую я демонстрировал два года назад на торжественном вечере в Мид-весте. Но хотя путь домой оказался долгим и мучительным, тем приятней было вернуться.

Желание мастера Ко ВЫПОЛНЕНО

После возвращения в студию в 1977 году я официально отказался от участия в соревнованиях. Мне было сорок два года, и более десяти лет я прокладывал свой путь в тяжелейших боях на ринге. Пришло время направить свои усилия на обучение будущего поколения мастеров боевых искусств.

Когда-то давно последним желанием мастера Ко было, чтобы я отправился в Америку и сделал там популярным его любимое боевое искусство тэквондо. Оглядываясь назад, я ясно вижу, что совершил все от меня зависящее для осуществления этой мечты Учителя.

Начиная с 1964 года я тренировался, участвовал в показательных выступлениях и бился на соревнованиях — спустя четыре десятилетия я все еще регулярно занимался сам и обучал других в Америке искусству тэквондо. За исключением периода бродяжничества, не было ни одного дня, когда бы я не надевал своего спортивного кимоно.

Я был первым, кто начал применять технику тэквондо в регулярных соревнованиях по восточным единоборствам. До середины 1960-х никто в Америке вообще не слышал об этом виде боевых искусств. Когда я только начинал выступать на официальных соревнованиях, я написал большими буквами TAE KWON DO на спине

куртки-кимоно. Это поначалу приводило к недоразумениям, так как в азиатских именах на первом месте идет фамилия, и многие думали, что меня зовут «господин ТЭ». Когда же я приписал мелкими буквами свое имя, это еще больше запутало ситуацию. В итоге люди подходили и спрашивали: «Что это за имя — Тэ Квон До Бьон Ю? Слишком длинное. Почему бы тебе не называться просто Томми?»

Я участвовал в соревнованиях и выступал с демонстрацией техники тэквондо в 56 странах, кроме Америки, что позволило этому виду единоборств стать одним из популярнейших во всем мире. Благодаря фундаменту, большую часть которого заложил я, многие корейские инструкторы позднее приглашались в эти страны для обучения искусству тэквондо. В конце 1960-х — начале 1970-х годов немало великих мастеров с восточного побережья США отправлялись в Корею, где с успехом выступали на чемпионатах тэквондо и демонстрировали впечатляющие шоу.

Когда я впервые приехал в Америку, у нас не было Всемирной федерации тэквондо, ее главной штаб-квартиры Кукивон. Я без устали работал над их созданием и превращением в авторитетные организации, какими они в итоге и стали.

Частично благодаря моим усилиям по пропаганде тэквондо по всему миру в 1988 и 1992 годах этот вид восточных единоборств был включен в программу Олимпийских игр в статусе показательного вида спорта. А в 2000 году на Олимпиаде в Сиднее (Австралия) тэквондо уже официально стал олимпийским видом спорта, в котором разыгрывались все комплекты медалей. Таким образом, тэквондо оказался вторым азиатским видом боевых искусств (первым был дзюдо), включенным в официальный список олимпийских видов спорта.

Росту популярности восточных единоборств у американцев способствовали кино и телевидение. В начале 1970-х благодаря огромному успеху телесериала Дэвида Каррадайна «Кунг-фу» мировая аудитория познакомилась с китайскими боевыми искусствами и жаждала знать больше и о других видах восточных единоборств. Приблизительно в то же время мой друг Брюс Ли отправился в Гонконг, где снялся в двух малобюджетных фильмах о кунг-фу у Раймонда Чоу, возглавлявшего студию «Голден Харвест». Бешеный успех этих фильмов по всему тихоокеанскому побережью Америки побудил Чоу совмест-

но с голливудской студией «Уорнер Бразерс» сделать самый лучший фильм, о боевых искусствах всех времен, — «Возвращение дракона».

За полтора месяца до выхода этого фильма на экраны, 20 июля 1973 года, в Гонконге скончался Брюс Ли, оставив Раймонда Чоу без его главной звезды. В октябре 1972 года Брюс Ли снялся в нескольких эпизодах для следующего фильма «Смертельная игра» (Game of Death). Несмотря на внезапную смерть Ли, Чоу решил сделать фильм во что бы то ни стало, используя куски, уже отснятые с Брюсом Ли. Чтобы их дополнить, режиссеру требовался кто-нибудь, способный в новых сценах продублировать известного мастера карате, и он вызвал меня в Гонконг и предложил эту роль.

По некоторым причинам, большей частью творческого характера, я отказался от главной роли в «Смертельной игре», но подписал с «Голден Харвест» контракт на участие в другом фильме, названном «Ассоциация». Хотя «Ассоциация» имела успех в 1974 году, меня не устраивала моя игра. Поэтому, вернувшись в Америку, я начал учиться актерскому ремеслу в известной театральной студии в Нью-Йорке.

В следующие 15 лет волна фильмов о восточных единоборствах буквально захлестнула страну. Это еще больше стимулировало широкий интерес к предмету, и школы боевых искусств, или, как их еще называют — школы восточных единоборств, стали открываться сотнями. Наблюдая такой ажиотаж, я собрал группу лучших мастеров боевых искусств Америки, включая эксперта по оружию Эрика Ли и необычайно талантливого Тадаси Ямасита, и стал исполнительным продюсером передвижной «Всемирной выставки мастеров боевых искусств» (Martial Arts Masters Expo) — так стала называться наша труппа. В течение ряда лет мы объехали крупнейшие города Америки, выступая с театрализованными постановками массовых боев, показательными схватками, демонстрацией техники ударов, приемов боя с оружием и различных трюков.

Благодаря этим шоу мое мастерство и необычные трюки (особенно с разбиванием различных предметов) стали поистине легендарными. Вечер за вечером я прыгал через 16 лежащих тел и вдребезги разносил неподвижные цели, дробил ногами в прыжке глыбы льда, разлетающиеся на три-четыре метра в воздухе. Кроме популярных турне по городам США, наша группа с успехом гастролировала в

Европе, Мексике, Южной Америке, в странах бассейна Тихого океана и на Ближнем Востоке. После сотен выступлений перед широкой публикой меня стали приглашать на многочисленные телешоу.

Хотя в последние три десятилетия мастер Джун Ли активно пропагандировал тэквондо, а боевые искусства приобрели таких выдающихся мастеров, как Джо Луис, Билл Валаче и Чак Норрис, я уверен, что большинство людей помнят меня как истинного первопроходца этого благородного дела.

В 1995 году я был удостоен черного пояса с присвоением девятого дана (высший уровень мастерства в корейских боевых искусствах) от Всемирной федерации тхеквондо (так называют тэквондо сами спортсмены). Посвятив львиную долю своего упорства и решимости продвижению тэквондо на международную спортивную арену, я могу с гордостью сказать, что сегодня это наиболее популярный в мире вид восточных единоборств. Такая деятельность заняла у меня большую часть взрослой жизни, но сегодня я не сомневаюсь, что полностью выполнил последнее желание своего Учителя. Я надеюсь, где бы ни был мастер Ко, он смотрит на меня с довольной улыбкой, зная, что я уж точно «рискнул посвятить всю жизнь одной цели».

Посвятив жизнь боевым искусствам, я преодолел благодаря им бесчисленные препятствия, с которыми сталкивался на жизненном пути. Пройдя через все невзгоды, я выполнил свое предназначение и познал до конца, кто я и что собой представляю.

Сегодня у меня прекрасная жизнь, наполненная теплыми личными отношениями и глубокой дружбой, — всем тем, чего мне так не хватало в детстве. В следующей части этой книги вы найдете некоторые уроки, примеры житейской мудрости и кое-каких необходимых для достижения успеха уловок и хитростей, которые я постигал на всем многолетнем жизненном пути. Может быть, они станут для вас такими же ценными, какими были для меня.

ЧАСТЬ II

Стать
лучшим
союзником
самому себе

В предисловии я упоминал, что уже в раннем детстве сделал некоторые решающие открытия, которые коренным образом изменили мою жизнь. Эти открытия связаны с осознанием того, что я рожден с особым предназначением и должен его выполнить, преодолевая бесчисленные препятствия с помощью эффективных приемов, выработанных годами на основе приобретенных знаний. Этот постоянный процесс осмысления и переосмысления того, кто и что я есть, духовно обогатил меня. Помещенный ниже материал я постарался расположить последовательно, в соответствии с процессом постижения сути явлений, происходившим в моем сознании.

Почему ты здесь?

Как я уже рассказывал, когда в 1975 году я карабкался через ограждение моста «Золотые Ворота», собираясь покончить с собой, в моем сознании оглушающе громко зазвучала корейская песня «Почему ты здесь?». Слова, которые как бы спрашивали меня, отчего я решился так закончить свою жизнь, удержали меня от прыжка, потому что в это мгновение я понял — Бог определил мне иную линию судьбы.

Когда мастер Ко выразил желание, чтобы я поехал в Америку популяризировать и распространять корейские боевые искусства, я подсознательно ощущал, что именно к этому был готов уже много лет, просто раньше не мог точно выразить свои чувства. Именно поэтому, начиная с шестилетнего возраста, когда я впервые увидел на улице мастера Ко, боевые искусства стали моей страстью. Я не убежал от него, как другие дети. — напротив, я почувствовал какую-то тягу к нему. Непонятная сила направила меня к его студии, заставила залезть на мусорный ящик и заглянуть в окно. Этой силой была судьба, и вот на чем я хочу поподробней остановиться в следующей главе.

Ты единственный и неповторимый в этом мире

Вспоминаю день, когда увидел на телеэкране первые изображения, переданные на землю телескопом Хаббла. Они потрясли меня, заставив почувствовать всю свою незначительность. Земля выглядела как небольшой шарик, и я осознал, что на этой одинокой маленькой планете более шести миллиардов людей с мириадами своих проблем. Как же Богу удавалось следить за всей Вселенной и при этом находить время для наставления меня на путь истинный? Я чувствовал себя пылинкой, возможно, и вы испытали такое же ощущение.

Предлагаю упражнение, которое может проиллюстрировать, насколько каждый из нас не похож на других. Подумайте о ком-нибудь, кто занимает особое место в вашей жизни. К примеру, представьте, что вы мать пятилетней дочери. Когда ваша дочь спит, подойдите к ее постели и взгляните в нее. Реальность состоит в том, что, даже если все население планеты продефилирует перед этой маленькой девочкой, есть *только один человек*, на которого она укажет и скажет: «Вот моя мама!»

Это убедительно. И это прекрасно. Точно так же, если все люди земли пройдут перед вами, *она будет единственной*, кого вы поднимете на руки и о ком скажете: «Это моя дочь!» Но если мы можем поступить так по отношению к своим детям и всем, кого любим и выделяем среди других, только представьте себе, насколько проста подобная задача для Бога с его заботой о своих детях!

Телескоп Хаббла открыл нам лишь крупицу того, что видит Бог. Вы единственный и неповторимый в его глазах, и я могу вас заверить, что, если попросить, Господь легко отыщет вас в миллиардной толпе и Он будет знать все о вашей жизни.

Определение цели вашей жизни

Единственная причина того, что вы здесь, — желание получить знания и набраться мудрости.

Между этими двумя понятиями существует разница. Знания — это то, что вы запоминаете в процессе учебы, в то время как мудрость

есть постижение того, как правильно использовать полученные знания. Мудрость — окончательная и совершенная форма знания.

Мудрость, приобретенная в течение всей жизни, останется с вами при переходе в другой, следующий мир. Если не подвернется случая, то все уроки, приобретенные за время жизни, окажутся бесполезными. Вы можете перестать ходить на работу, будете пьянствовать и гулять и просто дожидаться прихода смерти.

Если вы высоко цените людей, обладающих мудростью и знаниями, то это потому, что понимаете: учение — это наиболее важное занятие в жизни. Вы видите это по вашим детям: когда малыши впервые открывают глаза, они тянутся к знаниям. Их интересует буквально все в мире, частью которого они стали неожиданно для себя.

Не бывает плохой судьбы

Некоторым людям не нравится мысль о высшем существе, наделяющем их судьбой, потому что они беспокоятся, что судьба, которую они получают, будет хуже, чем у других. Более того, некоторые дрожат от страха при мысли, что им уготована плохая доля. Если вы принадлежите к одной из этих категорий, перестаньте волноваться.

Мироздание нацелено только на хорошее — там не выдают плохих судеб. Ошибались те люди, которые считали, что мне суждено было умереть в каком-нибудь углу. Бог не хотел, чтобы я умер голодной смертью в младенчестве или прыгнул с моста «Золотые Ворота». Моя умственная отсталость и физическая немощь были предназначены именно мне как первые жизненные препятствия. Мое предназначение было преодолеть их и, преодолев, стать искуснейшим мастером боевых искусств, способным помогать и приносить немалую пользу другим.

Знание того, что вы неповторимы во вселенной и что имеется высшее существо или невидимая сила благодати, которая заботится о вашем благополучии, делает ваше путешествие по жизненному пути намного легче. Когда вы сердцем приходите к пониманию того, что не одиноки в этой жизни, страх покидает вас и ваша уверенность растет.

Прислушайтесь к своему призванию

Не делайте ошибки, отступая от своего призвания. Поступать так — все равно что отказываться развернуть подарок, оставленный для вас на рождественской елке. Для вселенной нет ничего лучше вашей победы. Совсем необязательно добиваться чего-то *большого* — не каждому дано открыть лекарство от рака, установить мир во всем мире или стать очередным гением. Если ваше предназначение хотя бы частично совпадает с общим предназначением вселенной, ваша судьба будет намного благосклонней к вам. Довольствуйтесь знанием, что цель вашей жизни именно та, к которой вы и стремились. Вы в нужном месте, в нужное время и с нужной судьбой, именно той, которая вам и предназначалась. Понимание этого сделает вашу жизнь более осмысленной, лишь приложите усилия и произведите необходимые действия, чтобы наполнить ее.

Узнайте свою судьбу

Если вы сталкиваетесь с затруднениями, пытаясь определить свою судьбу, задумайтесь о путях, которыми вы шли по жизни до сих пор.

Наилучший способ выяснить, что наиболее важно для вас, — подумать, где и на что вы охотно тратите свое время. Хорошо для начала записать основные моменты ваших наблюдений. Меньше значения придавайте тому, что вы *должны* были сделать в своей жизни — вместо этого ищите то, чему бы вы свободно и с охотой посвятили большую часть своего времени. Больше цените то, на что вы идете ценой личной жертвы (например, если вы живете на скромную сумму денег, только чтобы продолжать учение). Оглянитесь на прожитую жизнь и вспомните советы и мнения близких друзей и родственников. Если они многие годы убеждали вас в ваших незаурядных артистических способностях, значит, этому есть какая-то веская причина.

И в заключение: выделяя наиболее важное для себя, прислушайтесь к своей интуиции, так как часто именно она лучше всего помогает найти истинное призвание в жизни. Помните, вы не одиноки в вашем путешествии — *то, что вы ищете, заставляет вас это делать.*

Что делать, если вы обнаружили, что ваш путь ошибочен

Если в поисках своего истинного предназначения вы обнаруживаете, что идете по неправильному пути, все, что вам нужно сделать, — это изменить свой курс. Может быть, даже на все 180 градусов. Это трудно, но это единственный способ вернуться на дорогу, которая приведет вас к более счастливой и наполненной жизни.

Много раз в процессе занятий с моим Учителем он помогал мне вернуться на правильный путь. Наиболее показателен пример неверного поворота, который я допустил в моей жизни, когда ребенком убедил себя, что со мной что-то в корне неладно. Я все еще помню тот день, когда мастер Ко взглянул на меня и сказал: «У тебя все в порядке!» Понимаете, вокруг я только и слышал, что будет лучше для всех, если я умру. Я смирился с тем, что неспособен нормально ходить, но когда мастер произнес те слова, я понял, что сделал неправильный поворот в своем мышлении. Однажды осознав это, я принял решение действовать, стал тренироваться и в итоге преодолел свою немощь.

Научившись распознавать четкие указатели, вы быстрее развернетесь, оказавшись не на том перекрестке. И вы удивитесь, как быстро сможете наверстать упущенное время и поймать ритм жизни, когда вернетесь на общий со всей вселенной путь. Ваши подорванные силы и способности восстановятся самым поразительным образом.

Для мироздания нет ничего лучше, чем когда вы осуществляете предназначение своей жизни. Господь всегда наблюдает за вами. Если вы захотите измениться и сделаете хотя бы малейшее усилие в этом направлении, он наставит вас на дорогу, которая приведет к успеху.

Готовьтесь столкнуться с множеством препятствий

Житейские невзгоды играют главную роль, помогая вам усвоить жизненные уроки. Безусловно, лучше всего учиться на собственном опыте. Вы можете прочитать определение *честности* в словаре и можете узнать о ней из трудов по этике, но полнее всего осознаете

всю пагубность нечестности и мошенничества, когда вас «нагреют» на крупную сумму денег.

Какая бы ни была преграда, выход из затруднения всегда заключен где-то в самой проблеме. Точно так же, как вы никогда не дадите двухлетнему ребенку собирать непосильную для него мозаику-пазлы из 10 тысяч фрагментов, Господь никогда не поставит вас перед проблемой, которую вы не сможете решить.

Житейские неприятности бывают самые разные по масштабам. Некоторые проходят почти незамеченными, тогда как другие могут внезапно обрушиться на вас подобно цунами и разбить ваш корабль о скалы. К примеру, мой корабль разбился в тот памятный вечер, когда мне вручали «Золотую награду мастера». Я находился на вершине спортивной карьеры, и жизнь моя была поистине фантастической. Затем земля ушла из-под моих ног, и я очутился в яме, полной змей. Через полтора года бездомной жизни я был на краю гибели и думал о самоубийстве. Тогда у меня и мысли не могло быть, что все это когда-нибудь пойдет мне на пользу. Сейчас, возвращаясь к урокам, которые я получил в те месяцы, слоняясь по улицам в облике Царя обезьян, я нахожу их одними из самых значительных в своей жизни. Я не только стал лучше понимать, кто я и что собой представляю; я возродил надежду и желание жить у дорогого моему сердцу брошенного ребенка.

Жизненные преграды могут стать самым ценным вашим сокровищем, так что не пугайтесь их. Наиболее известные в истории личности — это мужчины и женщины, которые встречали лицом к лицу всевозможные трудности и преодолевали их.

Зачем все это учить ?

Причина проста — потому что мир постоянно меняется. Все находится в вечном движении; следовательно, ничто не остается прежним.

Я не тот мастер боевых искусств, каким был 10 лет назад или даже на прошлой неделе. Большинство мастеров единоборств становилось со временем опытней и искусней, я старался не отстать и повисить свое умение. Шаг за шагом это приближает меня к со-

вершенству. Но если в мире боевых искусств ничего не изменится, мне не надо будет работать над собой и совершенствоваться: я стал чемпионом и останусь им. Подобное положение приведет к тому, что боевые искусства перестанут прогрессировать и я утрачу интерес к ним. Но этого никогда не произойдет, потому что я постоянно стремлюсь достичь все более высокого уровня.

Когда я начинал выступать на соревнованиях в Америке, большинство лучших бойцов не знали, как мне противостоять, потому что никогда не встречались с противником, который в такой степени владел ударами ногами в прыжке и с такой скоростью наносил удары руками. Поэтому они должны были или совершенствовать свое мастерство, или продолжать терпеть поражения. В течение многих лет каждый из нас бросал вызов другому. И в результате я, как и боевые искусства в целом, значительно продвинулся на пути к совершенству. Весь мир, который включает и вашу жизнь, действует аналогичным образом.

Оставайтесь искренним

Нет большей силы на земле, чем чистая правда. Известный адвокат по уголовным делам Джерри Спенс как-то сказал: «Мы должны крепко держаться правды. Если этого не будет, полуправда очень скоро станет полной ложью». Абсолютно согласен с этим положением. Спросите любого психолога или психотерапевта, с каким препятствием им труднее всего бороться при общении со своими пациентами, и все они ответят — труднее всего добиться от пациента правды. Пока пациент остается неискренним, любая терапия мало чего стоит.

Так же и правда в вашей жизни. Всякий раз, когда вы уклоняетесь от искренности, вы создаете преграды на своем жизненном пути. Хотя вы можете быть неискренним по отношению к другим, вы никогда не будете лгать самому себе. Если вы не готовы жить честно и правдиво, даже Господь мало чем сможет помочь вам.

Никто не совершенен, все мы делаем ошибки и допускаем неискренние заявления. Здесь важно уяснить вред, нанесенный вами, и исправить положение как можно быстрее. Чувство ответственности —

единственное проверенное лекарство. И когда вы проникаетесь им, вы снова в гармонии со всем миром, который наиболее благосклонно отзывается на любовь, доброту и искренность.

Вы получите то, чего заслуживаете

Жизнь прекрасна и постоянно настроена на хороший исход — это не мир, где подтасовывают карты в надежде, что вы проиграете.

Например, вашим предназначением в жизни было стать умелым скалолазом, чего вы и достигли, преодолев массу опасных препятствий. И приобретя огромный опыт, вы смогли спасти сотни других скалолазов, потерпевших неудачу. Это судьба, которая дала вам жизнь для достижения вашей цели и сделала из вас достойную личность, способную оказать помощь множеству окружающих.

Если таковой была воля Господня, тогда только обладающий большим чувством юмора Господь мог бы позволить вам родиться на крошечном островке посередине океана, без единой горы и возможности покинуть его. Но этого не происходит. Если мы следуем за своей мечтой, то оставляем этот мир в лучшем виде, чем он был при нашем рождении. Тем самым мы помогаем совершенствоваться всему мирозданию. Мы никогда не заканчиваем своего жизненного пути, намеренно делая три гигантских шага в обратном направлении.

Вы всегда получите именно то, что заслужили. Не важно, в каких условиях проходит ваша настоящая жизнь. Вам надо примириться с реальностью того, что вы именно там, где вам и надлежит быть, исходя из вашего поведения и поступков на протяжении всей жизни вплоть до настоящего времени. Что вы приобрели, то и заслужили. Что потеряли, тоже заслужили. Значение имеет лишь то, что вы собираетесь со всем этим делать.

Симбиоз Востока и Запада

Во времена моего детства жизнь в Корее нисколько не ценилась. Если кто-нибудь умирал, никого это по-настоящему не волновало, так как всегда место умершего занимал кто-нибудь другой, а то и двое сразу. В жизни было столько страданий и невзгод, что смерть воспринималась большинством людей как благо. Хотя мы и невысоко ценили человеческую жизнь, все-таки, будучи людьми, мы несли в своих сердцах любовь друг к другу и ощущали духовную связь.

Когда в 1964 году я эмигрировал в Америку, мне представлялось, что я попал в страну «золотых возможностей», потому что здесь каждая человеческая жизнь имела цену. Каждый человек имел права, и в большинстве своем каждый уважал эти права и чтит саму человеческую жизнь — и право собственности. Однако поскольку Америка так высоко ценит материальные блага, многие американцы не ощущают особой духовной связи с окружающими.

Проведя первые двадцать девять лет своей жизни на Востоке, а оставшиеся тридцать девять — на Западе, я уяснил, что обе эти культуры могут предложить друг другу много хорошего. Если вы возьмете лучшее из обоих миров и на этой основе выработаете

собственный путь мышления и образ жизни, то, без сомнения, вы будете довольны достигнутым результатом. В этой главе вы найдете несколько моих любимых «самородков» азиатской мудрости, которые, я считаю, могут быть полезны большинству американцев.

Очистите луковицу вашей жизни

Вскоре после начала занятий в Калифорнийском университете Берюш один из преподавателей спросил меня, каково, по моему мнению, коренное различие между людьми Востока и Запада. Я не знал, как ответить, не рискуя оскорбить или обидеть его, поэтому предложил ему гипотетический сценарий.

Я попросил его представить двух студентов, один из которых родился и вырос на Востоке, другой — на Западе. Оба получили одинаковое домашнее задание — написать сочинение на тему «Материнские слезы». На выполнение работы студентам дали две недели. Затем я рассказал, как вижу дальнейшее развитие событий.

Западный студент направился прямо к матери и сказал: «Привет, мам, я тут получил домашнее задание. Ты не дашь мне немного слез в стеклянной баночке?»

Мать охотно дает своему сыну слезы, которые он на следующее утро подвергает анализу в химической лаборатории колледжа. Согласно данным исследования, слезы его матери состоят из некоторого количества воды и некоторого количества соли. Это все.

Западный студент не может поверить, что профессор дал ему две недели для написания реферата на такую простую тему. После обеда он пишет свое сочинение, которое состоит из одного предложения: «Исследование слез моей матери показало, что они состоят из такого-то количества воды и такого-то количества соли». Затем он убегает на пляж.

Через две недели западный студент приходит в аудиторию с единственным листком бумаги, вложенным в красивую папку.

Он загорел и выглядит хорошо отдохнувшим. Затем приходит и восточный студент, у него ужасный вид, он явно не выспался, небрит и волосы не причесаны.

Западный студент отдает свое сочинение, которое профессор зачитывает перед аудиторией: «Исследование слез моей матери показало, что они состоят из некоторого количества воды и соли». Профессор кивает, откладывает сочинение в сторону и спрашивает у восточного студента его работу.

Взволнованно откашлявшись, восточный студент говорит: «Сэр, я не смог закончить домашнее задание».

«В чем дело?» — спрашивает профессор.

«Как я могу определить, что такое слезы моей матери, если я не знаю, чем они вызваны? Слезы ли это радости и счастья или печали и душевной боли? Или, может быть, они следствие физических страданий? Эти слезы — результат моих поступков или как раз того, что я должен был сделать, но не сделал? Может, она плачет от недостатка внимания, заботы и любви? Или же на нее нахлынули воспоминания детства, которое было задолго до моего рождения и о котором я ничего не знаю? Простите, профессор, я не могу написать о слезах моей матери в двухнедельный срок. Возможно, я не смогу их объяснить, даже если вы отведете мне на это всю жизнь».

Для американцев видеть — значит верить. Преимущественное чимание большинства населения этой страны уделяется внешним, атериальным атрибутам жизни. О людях судят по автомобилям, на вторых они ездят; по домам, в которых они живут; по одежде, ко-тую они носят; по обществу, в котором они вращаются. Этому помогают десятки похвальных грамот и наград, развешанных на генах офисов, а еще лучше — фотографий вместе со знаменитости. Если все эти атрибуты имеются, предполагается, что люди добились успеха в жизни. А если они добились успеха, то по определению должны *быть хорошими*. Почему? Да потому, что в их стране «золотых возможностей», где ценят и уважают упорный труд и человеческую жизнь, *нехорошие* не могут рассчитывать на награды и отличия.

Когда люди, уделяющие основное внимание материальной стороне бытия, едут по дороге, они как бы сканируют то, что у них перед глазами. Хорошо ли смотрится дом? Подстрижен ли газон и подрезаны ли кусты роз? Когда они заходят в дом, их огорчает неубранная комната, неряшливый пес или чумазый ребенок.

Человеку, «зацикленному» на материальных благах, просто не приходит в голову подняться по лестнице и спросить маленького Джимми, счастлив ли он сегодня. Гораздо важнее, чтобы Джимми убрал свою комнату и сделал обычные дела и домашние задания. Джимми наградят широкими улыбками и подарком за его замечательные подвиги в детском клубе, независимо от того, хотел он там быть или нет.

В Америке особое внимание уделяется именно внешней, показной стороне жизни. Удивится ли кто-нибудь на самом деле, когда человека, жившего по соседству и у которого «все было», найдут повесившимся на балке своего гаража?

Азиатская культура сосредоточена больше на внутреннем мире. Для нас жизнь представляется чем-то вроде луковицы. Первые несколько слоев отводятся для *любви*. Вторые можно назвать *верой*, и самые глубокие мы называем *истиной*, или *правдой*. В самом же центре таится *собственная личность*, ваше *я*. Даже если вы наделены любовью, верой и истиной, они ничего не стоят, если у вас нет *собственного я*. Вы должны обладать им, чтобы испытать любовь, обрести веру и познать истину. Человек без собственного *я* подобен бамбуку: снаружи он кажется мощным и крепким, но внутри полый, пустой. Внешняя мощь всего лишь видимость, если в сердцевине нет вас самого.

Ухаживайте за садом вашей души

На Востоке гораздо больше ценят то, что мы называем *духовным миром*, чем мир материальный. Это значит, что для нас не столь важно, как люди одеваются, на каких машинах ездят и живут ли они в престижном районе. Большее значение придается тому, что исходит из их уст и что живет в их сердцах.

Зарождается все это в месте, которое азиаты называют *садом души*. Только *вы* можете заботиться о своем саде, никто больше не сможет сделать вас хорошим и любящим человеком. Только вы способны укреплять внутреннюю дисциплину и самообладание и неустанно трудиться над этим каждый день и всегда. Если вы поступаете так, ваш сад будет красивым и цветущим.

Когда вы приглашаете кого-нибудь в ваш сад, то хотите, чтобы ему открылась вся красота, которую вы создали. Вам не хочется, чтобы гости сидели вместе с вами в окружении сорняков и увядших цветов.

Единственное вложение, которое вы делаете, ухаживая за прекрасным садом души, — ваши собственные время и упорство. Вам не надо вкладывать 75 тысяч долларов в новый «мерседес». (И естественно, прекрасный сад души будет цвести всю вашу жизнь, тогда как «мерседес» довольно быстро устареет.)

Разберитесь с делением и сложением

Американцы любят делить вещи на «мои» и «ваши». Когда вы живете в мире, основанном на внешних, материальных стимулах, все в нем имеет свой именной ярлык и свое место. Когда я впервые попал в Америку, то с трудом привыкал к такому положению дел. Особенно меня сбивало с толку, как многие супружеские пары ухитряются делить свое имущество — каждый супруг имеет отдельный счет в банке, свой собственный автомобиль и строит самостоятельно свою карьеру; да и проводят они большую часть своей жизни порознь.

В то время как представители западной культуры предпочитают разделять вещи на «свои» и «чужие», восточный менталитет стремится рассматривать все как «наше». Без каких-либо исключений. Если, к примеру, существуют такие места, как небеса и преисподняя, то мы *все* там окажемся. В Корее мы все были одной семьей. Если что-то надо было сделать, мы все вместе трудились над этим. Если надо починить соседский забор, мы все чиним его. По восточной философии твоя проблема — моя проблема. Я забочусь о тебе, и я беспокоюсь о тебе. Если ты заболел, болен и я.

140 Путь мастера Ю

Один из способов сделать жизнь более приятной и достойной — взять за обыкновение думать о нуждах других больше, чем о своих собственных. Например, когда в очередной раз вы соберетесь высадить новый газон, в первую очередь руководствуйтесь побуждением сделать красивым весь ваш район, а не вырастить у себя самую красивую лужайку в этом квартале. Посадите цветы в своем дворике так, чтобы они больше украшали дорожку, ведущую к дому соседа, чем вашу собственную. Постоянно убеждайте своих детей, что дорогая машина, прекрасный дом и куча денег куда менее важны, чем сама жизнь окружающих их людей. И помните старое изречение — «Поступки говорят громче слов». Совместный завтрак с детьми (найдите для этого время!) значит для них намного больше, чем ваши звонки с работы или ежедневное *напоминание* по телефону, как сильно вы их любите.

Лучшие учителя вашей жизни — ваши старики

Есть особый вид мудрости, который можно постичь, лишь прожив многие годы. Когда я был ребенком, мои родители, братья и сестры любили собираться после обеда и слушать нашего дедушку. То, что он рассказывал нам о своей жизни, я не мог бы узнать ни из какого учебника, когда-либо прочитанного в школе.

Иногда люди допускают ошибку, считая что если кто-то стар и выглядит немощным, то этот человек уже ничего не стоит. Размышляя над этим, я вспомнил одно открытое письмо, напечатанное в бостонской газете 170 лет тому назад:

«Джон Квинси Адаме чувствует себя хорошо, но дом, в котором он сейчас живет, приходит в упадок. Он шатается на своем фундаменте. Время и климат почти разрушили его. Кровля дышит на ладан. Стены качаются и дрожат от каждого порыва ветра. Я думаю, что скоро Джон Квинси Адаме должен будет покинуть этот дом. Но сам он в полном порядке, в полном порядке. В чем и расписываюсь, Джон Квинси Адаме».

Письмо свидетельствует, что, хотя президенту Адамсу было около восьмидесяти, он не был стар: просто его разум пребывал в старой оболочке. Старики заслуживают нашего почтения и уважения. Я верю, что именно потому, что уважение к старшим было привито мне с самых ранних лет, я был не просто хорошим солдатом на корейской войне, я был замечательным солдатом. Почтительность, которой меня научил мастер Ко, распространилась на моих родителей, школьных учителей, старших офицеров и, что важнее всего, на самого *себя* — в форме самоуважения.

Без способности выказывать почтительность и требовать ее проявления фундамент любой жизни всегда будет непрочным. Это подводит меня к следующей теме.

Четко представляйте отношения в своей семье

Безусловно, наиболее важные человеческие отношения, с которыми вы когда-либо встретитесь в своей жизни, — это отношения с отцом и матерью. Если они не в порядке, от этого будут страдать все остальные стороны вашей жизни. В Корее наиболее важной частью отношений с родителями является уважение, не любовь, а именно *уважение*, и это не обсуждается. Родители не обязаны «зарабатывать» уважение своих детей, те просто оказывают его, *всегда*. Если ваши дети не оказывают, как вам кажется, должного уважения, очень велика вероятность того, что они научились этому, наблюдая, как вы демонстрировали пренебрежение к своим родителям.

Не так давно у меня появился новый ученик; на тренировках, обращаясь ко мне, он употреблял слово «пижон». Это привело меня в ярость, и заверяю вас, что после моей суровой отповеди и часа интенсивной тренировки тот парень никогда уже не назовет обладателя черного пояса и 9-го дана по тэквондо пижоном.

Почему у этого подростка возникла мысль, что он может так неуважительно обращаться ко мне? Он вынес ее из многолетнего опыта пренебрежительного отношения к своему отцу. Вдобавок он и мать называл каким-то уличным жаргонным словечком, а позднее

я узнал, что когда сердился на нее, то и вообще мог обозвать сукой. Когда этот юноша не называл приятелей отца «пижонами», обращался к ним просто по именам. Он проходил через комнаты и на ходу бросал: «Привет, Ларри!» или «Привет, Фрэнк!» Неудивительно, что он без всякого уважения относился и к любым властям, почему его в итоге и привели ко мне родители.

В то время как в Америке родители считают за благо стать лучшими друзьями своих детей, для восточной культуры это неприемлемо. В Корее слова «Мать», «Отец» и «Учитель» — особые слова. Вы никого другого не можете назвать матерью или отцом — эти полные глубокого уважения имена предназначены только для ваших родителей.

Сыновья и дочери обязаны внимательно слушать своих родителей и повиноваться им во всем. Родители не враги детям. Нет плохих матерей, есть только еще более хорошие матери, другими словами — они *все* хорошие. (То же относится и к отцам.)

К тому же вы не можете попросить у Бога другую мать или отца. Родители, которых вы имеете, именно те, которых вам и предназначалось иметь. Согласно восточной философии в прежней жизни наши дети были нашими начальниками. В настоящей жизни мы их боссы и обязаны в роли родителей, памятуя о прежних отношениях, отплатить им за труды на наше благо в прошлой жизни. По буддистским верованиям в прежней жизни наши супруги были нашими врагами. Но в этой жизни вместо того, чтобы ненавидеть, мы должны любить их и заботиться о них. Эта постоянная смена ролей имеет следствием непрерывный процесс познания.

Сначала станьте другом того, кого вы любите

В странах Азии число разводов менее одного процента от всех заключаемых браков. Супружеские пары редко разводятся, потому что супруги почти идеально подходят друг другу. В основном это происходит по двум причинам. **Первая** — азиаты гораздо больше внимания уделяют внутреннему миру (саду души) потенциальных супругов, чем их физической привлекательности, состоятельности

или роду занятий. К тому же только заключившие брак молодые люди в странах Азии обычно девственники. Многие не вступают в интимные отношения месяцами после женитьбы. Вместо этого они тратят время на познание того, как им вместе жить под одной крышей.

Вторая причина — родители будущих супругов играют очень большую роль в определении того, насколько их дети будут (и будут ли вообще) подходить друг другу. В то время как помолвленные пары на Западе обычно лишь спрашивают родительского согласия на женитьбу; для них вид родителей будущих супругов, сидящих вместе и тщательно обсуждающих между собой достоинства и слабые места своих детей, воспринимается как вмешательство в их личную жизнь и проявление недоверия к их сильному чувству. Возможно, высокий уровень разводов американцев мог бы несколько снизиться, если бы будущие супруги использовали восточные методы отбора претендентов с учетом мнения и мудрости своих родителей. Стоит хотя бы подумать об этом.

Быть частью, а не стоять особняком

Постижение того, кто вы и что собой представляете — большой успех, но он будет мало чего стоить, если вы ощущаете свою обособленность от окружающих, от мира, в котором живете; от Бога, который вас создал.

Некоторые люди могут испытывать эмоциональную изоляцию, подобно узникам в одиночной камере. Кто-то однажды сказал: «Одна шимпанзе — не шимпанзе». Я думаю, это правда. Эта глава как раз об основной человеческой потребности — потребности в других людях, в общении с ними.

Вступайте в игру

Если вы ощущаете пустоту в своей жизни, возможно, вы просто сидите на обочине, наблюдая за миром издалека, со стороны. Единственный способ заюлнить душевный вакуум — стать участником жизни, а не оставаться ее зрителем.

Когда я впервые прибыл в Америку и бродяжничал в Сан-Франциско, я привык тренироваться в парке «Золотые Ворота». Я как

бы отстранился от всех, кто проявлял интерес к моим занятиям, так как был слишком горд, чтобы позволить им узнать, что я голоден и без денег.

Но все это время, пока я пребывал в своем гордом одиночестве, я оставался как бы наблюдателем жизни. Это ощущение прекратилось, когда я решил стать ее участником и взялся за уборку улочки позади ресторана, с чего, собственно, и круто изменилась моя жизнь.

Главное в чувстве сопричастности с жизнью — знать, что у тебя есть место, куда ты можешь пойти и где ты нужен. Если в вашей жизни его еще нет, добейтесь, чтобы оно появилось. Сделайте это своей главной целью. Помимо того, что сами будете прекрасно себя чувствовать, вы принесете радость в жизнь *других, тех*, кто в этом нуждается. Добрые дела не измеряются гигантскими масштабами — часто маленькие поступки доставляют людям наибольшую радость.

Когда я был бездомным и кормился объедками из мусорных баков, то всегда оставлял немногу из того, что мог найти, для кота, который обитал в парке «Золотые Ворота». Это маленькое существо обычно дожидалось меня, как бы поздно я ни пришел. Он всегда узнавал меня и приветствовал дружеским мяуканьем. Иногда кот даже не был голоден, просто хотел повидаться со мной и удостовериться, что я все еще забочусь о нем. Некоторое время он был мне лучшим другом.

В последнее время я много занимался широкой благотворительной деятельностью, оказывая различную помощь нуждающимся, и помог лучше устроиться многим мужчинам, женщинам и детям, переживающим трудные времена, и я всегда помню мордочку того кота в городском парке и его мурлыканье, как бы говорящее: «Я рад тебя видеть».

Это очень важно для вашего Хорошего самочувствия — иметь какое-то занятие и с нетерпением ждать момента, когда можно к нему приступить. Хотя часто говорят, что самая большая человеческая потребность — *быть* любимым, после семидесяти лет жизни я пришел к убеждению, что еще большая потребность человеческого существования — *любить*.

Не сравнивайте

Простейший способ почувствовать гармонию с окружающими — перестать сравнивать себя с другими. Не убеждайте себя, что трава по другую сторону забора зеленей. До тех пор, пока вы недовольны тем, что имеете, не важно, на какой машине вы ездите, где живете и сколько у вас денег. Почему? Да потому, что в вашей жизни всегда будет много людей, которые лучше (или хуже), чем вам.

Однажды, когда я был бездомным, мне пришло в голову, что по сравнению с большинством корейцев, влачивших жалкое существование в моей родной стране, я все еще живу как король, потому что нахожусь в Америке. И пока у меня не было ключа, чтобы, -отпереть дверь своего настоящего дома, моим домом был парк «Золотые Ворота».

Действительно, весь Сан-Франциско был моим домом! Когда я изменил понятие дома с конкретного образа крыши над головой на состояние душевного равновесия, моя жизнь стала налаживаться.

Единственный, с кем имеет смысл сравнивать себя, — это вы сами. Если это подтолкнет вас к соревнованию? -соперничайте сами с собой.

Возможно, на пути к достижению заветной цели вы случайно однажды зададите себе вопрос: «Как я сегодня веду себя по сравнению со вчерашним днем, с прошлой неделей или даже с прошедшим годом?»

Когда я впервые занялся боевыми искусствами, то делал все, что мог, точнее, что позволял делать мой недуг; но для большинства окружающих это никогда не выглядело достаточно хорошо. И пока я сравнивал себя со всеми другими учениками, я действительно был своим худшим врагом.

Учитель выполнил свою работу, обучив меня всему лучшему, что он сам умел. Теперь моя задача — усвоить то, что он показал мне, — лучшее из того, на что я способен; я, а не другие ученики. Постоянно тренируясь, я выкладывался больше, чем кто-либо еще, но я уже делал это не для них — я начал делать это для себя.

Учитесь разделять радость других

Когда на автостоянке вы видите парня, с довольной улыбкой садящегося в новенький «порше», что вы чувствуете? Разделяете ли вы радость, какую он испытывает, имея такой автомобиль, или вы думаете: «Что сделал этот парень, чего не сделал я? Держу пари, что я в два раза образованней этого сукина сына. Некоторым просто везет во всем. А может, он просто взял машину напрокат». Если у вас возникает такая отрицательная реакция, вы сердитесь не на автомобиль — это всего лишь несколько сотен килограммов стекла, металла, пластика и кожи. Вы завидуете и ревнуете к чувству радости, испытываемому владельцем машины.

Ваша эмоциональная реакция на людей, места, вещи и происходящие вокруг вас события в конечном счете зависит только от вас. Несмотря на то, что у вас нет ключа от «порше», у вас всегда есть сад души, ваш внутренний мир, точно так же, как и у обладателя этой машины. Вы всегда можете выбрать: засадить сад сорняками и полить отравой или же разделить радость этого человека и вырастить у себя такие же прекрасные цветы, какие цветут сейчас в его саду.

Радость, которую ощущает владелец машины, и радость, которую вы можете испытать по случаю его везения, суть явления одного порядка, это одно и то же. И если вы способны на такие чувства, то вам совсем не обязательно иметь «порше», новый дом, яхту и любые другие материальные блага. Все, что вам надо, — развивать способность разделять радость, счастье и удачу других больше, чем замыкаться на себе любимом. Поступая так, вы существенно сократите число препятствий в вашей жизни — тех препятствий, которые вы искусственно создаете своим эгоизмом и оскудением сада своей души.

Избегайте поверхностных оценок

Когда вы говорите о себе или окружающих; исключите слово *плохой* из вашего лексикона. В подобных ситуациях используйте слова *хороший*, *лучше* и *самый лучший*. Слово *плохой* вы должны

применять только при описании таких явлений, как ненастная погода или неверная идея. Вселенная никогда не предназначала это слово для характеристики своих детей, потому что Господь не создает отбросы.

Называя какого-либо человека «плохим», вы относите его к категории людей, с которыми не хотите иметь дело, и поступая так, вы прежде всего отстраняете самого себя от них. Осознавая это или нет, вы создаете затруднения для себя, потому что каждый раз, когда вы сталкиваетесь с этими людьми, вам приходится уклоняться от общения или же вступать с ними в конфронтацию.

Люди, совершающие плохие поступки, — не плохие люди, они всего лишь *менее хорошие*. Когда я случайно убил любимую обезьянку мастера Ко, он не сказал мне, что я плохой человек. Он сказал, что я плохо поступил. Во время тренировок он постоянно внушал, что во мне нет ничего плохого. С первого занятия со мной все было *хорошо*, и я старался, старался изо все сил стать *лучше* и в конечном счете стал *самым лучшим*, каким только мог стать. Эти степени — *хороший*, *лучше* и *самый лучший* используйте для сравнения не с другими, а только с самим собой.

Имейте в виду, мир выглядит так, как вы на него смотрите

В наши дни вошли в моду солнцезащитные очки, и важнейшая их особенность — цвет. Миллионы людей начинают свой день, имея перед глазами широкую гамму цветных стекол. Они идут, наблюдая мир сквозь синие, зеленые, желтые, серые и — конечно же, розовые очки.

То же самое происходит и с вашим поведением. Каждое утро вы просыпаетесь и выходите из дома с определенным отношением к тому, как вас встретят мир и все населяющие его люди.

Исходя из своего жизненного опыта, вы ожидаете увидеть окружающий мир в основном прекрасным или отвратительным, дружественным или враждебным, заслуживающим доверия или непорядочным, коварным или искренним — долгий список проти-

воположностей можно продолжать до бесконечности. Подытожив обе колонки списка, вы будете настроены или оптимистически, или довольно мрачно. Окружение предстанет или вашим врагом; или союзником.

Подобно солнечным очкам, которыми вы прикрываете ваши глаза, своим настроением вы даете общую заранее предопределенную окраску (оценку) всему и всем, с чем и с кем вы сталкиваетесь, включая новые обстоятельства и, что наиболее важно, новых людей.

Развейте сомнения по отношению к себе и всем, с кем вы встречаетесь, и идите по жизни с положительным, оптимистическим настроением. Божье мироздание — это доброта и любовь. Чтобы убедиться в истине этого утверждения, вам достаточно всего лишь посмотреть на играющих детей, или ребенка, который, улыбаясь вам, пускает пузыри и старается ухватить вас за нос.

В основе человеческой природы лежат вера и любовь. Если вы будете относиться к каждому незнакомцу, которого встретите, и к каждой ситуации, с которой столкнетесь, с доверием и оптимизмом ребенка, вас буквально потрясет, как разительно изменится ваша жизнь.

Будьте активными в дарованной вам жизни

Я верю, что с самого начала страстно хотел жить. С момента, когда я понял, что меня могут бросить умирать в каком-нибудь углу, я отчаянно сражался за жизнь, и эта жажда жизни остается со мной почти семьдесят лет.

Впервые придя на занятия боевыми искусствами, я бился над преодолением своей физической и умственной отсталости и, познакомившись с боевыми искусствами, влюбился в них. Я не знаю, боевые искусства обрели меня или я обрел их, вероятнее всего, мы нашли друг друга. Как я отмечал ранее, *то, что вы ищете, побуждает вас искать*. Я считаю, что моя история с боевыми искусствами — лучший тому пример.

Мир был полон энтузиазма и энергии, когда вдохнул в вас жизнь, и он останется таковым до вашего последнего вдоха. Почитайте Господа и его творения, живя яркой наполненной жизнью. Радуйтесь жизни, которую вам дали, ибо это редкостный дар могучей духовной силы.

Заслужите свое место в жизни

Сегодня слишком многие надеются на легкие деньги, игру на бирже или выигрыш в лотерее. Для меня подобные «цветы» не имеют ни красоты, ни запаха.

Я предпочитаю всего добиваться старомодным способом, то есть зарабатывать. К сожалению, многие современные молодые люди считают мытье посуды и чистку сковородок ниже своего достоинства. Когда я впервые попал в Америку, подобная работа стала для меня единственной и счастливой возможностью покончить с бродяжничеством.

Чтобы чувствовать себя хорошо, надо добиваться своего места в жизни. Когда я был одним из бродяг, ожидающих жалкой подачи на задворках ресторана, то иногда испытывал боль в желудке, питаясь отбросами, — я не хотел быть «человеческой крысой», рыскающей в поисках дармовой еды, и весь мой организм противился этому.

Неделю я чистил улицу, после чего меня позвали мыть посуду в ресторане. Мне дали шанс стать тем и чем, кем и чем я стал сейчас. Но прежде всего я должен был захотеть работать изо всех сил, а не ждать кого-то еще, кто бы заплатил за мое место под солнцем.

Многим молодым американцам все дается слишком легко. Они живут как члены королевской фамилии первые восемнадцать лет своей жизни (и даже больше). Не платят налогов и не имеют никаких обязательств, их единственная работа — ходить в школу. В большинстве своем эти ребята даже не задумываются о том, что их родителям лет двадцать приходилось лезть из кожи вон, чтобы обеспечить их безбедное существование.

Не так давно миллиардер Билл Гейтс обратился с посланием к выпускникам средней школы. Говоря о том, чему школа никогда не научит, он сказал: «Ваша школа может отменить победителей и проигравших, но жизнь — нет. В некоторых школах отменили неудовлетворительные оценки и давали сколько угодно времени ученикам на подготовку правильных ответов. Это не имеет ни малейшего сходства *ни с чем* в реальной жизни».

Для многих молодых людей жесткое столкновение с действительностью начинается с поступления в институт, где все не так, как в школе. Студенты открывают для себя, что, в отличие от их школьных учителей, профессора в институте не следят за посещаемостью и их не беспокоит, сдадут ли студенты курсовые работы,

лишь должным образом, их исключат за неуспеваемость. Если они хотят окончить учебное заведение, они должны заслужить свои оценки. Все просто.

Так как этот новый порядок вещей, новые правила жизни абсолютно непривычны для них, многие студенты просто бросают учебу. Затем они ждут, ждут пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лет и в одно прекрасное утро обнаруживают, что они не что иное, как мертвое тело, ожидающее кого-нибудь, кто предаст их земле.

Дело в том, что с них никогда ничего не спрашивали в ранние годы, потому что им никогда не надо было зарабатывать на жизнь. В итоге они утратили энергию и пассионарность. Слишком много лет они приходили домой и играли в компьютерные игры, в то время как их матери готовили обед, а отцы давали изрядные суммы на карманные расходы и вручали ключи от нового автомобиля — ни того ни другого они не заработали и не заслужили.

Если у вас есть дети, вооружитесь достойной идеей научить их добиваться своего места в жизни, выбрав свой собственный путь. Если вы не сделаете этого, приготовьтесь нянчить их до конца своей жизни или выглядеть как недалёковидный родитель, который не уделил достаточно внимания своим отпрыскам, вынужденным неподготовленными оказаться в суровом и требовательном мире. В наши дни многие дети все еще остаются жить в родительском доме и в зрелом возрасте. У них тысяча и одно объяснение,

почему жизнь вне дома слишком сурова; да и многие родители не горят желанием выставить своих детей за порог. Вот почему я уверен, что лучший подарок, который вы можете сделать вашему ребенку, когда ему (или ей) исполнится восемнадцать — чемодан с его (ее) вещами.

Танцуйте с врагом

Большинство тех, кто выступает на турнирах по боевым искусствам, особенно если они известные мастера, появляются на татами как бы огражденными стеной брони от окружающих. Всем видом они демонстрируют готовность дать волю своей ярости. У них ожесточенные лица. Они играют мышцами, выпячивают грудь и разогреваются, нанося смертельные удары ногами и руками по воображаемым жертвам. А вот чего они не делают, так это не улыбаются своим противникам, как бы приглашая других бойцов заглянуть в сад их души.

В один из уик-эндов я выступал на турнире, и все в моей жизни в тот момент складывалось удачно. Я был в прекрасном настроении и не ощущал себя бойцом, зашоренным духовно и физически и нацеленным только на битву. В тот уик-энд Корейский Убийца остался дома. Итак, в течение двух дней соревнований, вместо того, чтобы физически подавлять своих противников (чем, собственно, я и прославился), я как бы танцевал с ними. У меня было время оценить их хорошую технику, и в некоторых случаях я действительно поздравлял моих соперников с отлично выполненными приемами. Все были поражены этим и принимали как некую разновидность психологического воздействия, игру в полтавки. Но я не жульничал, я всего лишь не ощущал никакого ожесточения в те дни. И по окончании турнира ушел, унося награду чемпионата. Я был настолько увлечен тем, как хорошо выступают мои соперники, и мой сад души расцвел так пышно, что и мои физические достоинства неизмеримо выросли.

Зачастую, чтобы победить в жизни, надо всего лишь перестать воевать с ней.

Уйдите с пути, чтобы помочь другим достичь их цели, даже если вы не достигнете своей

Я наслаждаюсь бегом. В самом деле, даже в возрасте семидесяти лет я регулярно пробегаю десять миль за час десять минут. У меня есть несколько друзей, с которыми я обычно бегаю, и мы действительно помогаем друг другу показать лучшие результаты. Один из них недавно поделился со мной высказыванием его институтского тренера, которым тот часто напутствовал своих учеников: «Если не можешь выиграть бег, сделай так, чтобы бегущий впереди тебя побил рекорд».

Жизненные преграды

Ваш путь по жизни проходит через годы преодоления минного поля проблем. И эти проблемы выстраивают преграды на вашем пути, которые постоянно угрожают вашим планам на будущее.

Вскоре после рождения вы сталкиваетесь с первым затруднением — чувством голода. Методом проб и ошибок вы обнаруживаете, что единственный способ заставить кого-нибудь вас накормить — начать плакать. Не успеете вы преодолеть это препятствие, как тут же возникнет другое. Когда вы учились ходить, то сталкивались со всеми новыми помехами, какие только могли появиться; справившись с ними, вы столкнулись с еще большим числом проблем, когда учились плавать, ездить верхом на лошади или на велосипеде, водить машину. Отрабатывая приемы успешного проведения вашего брэнного тела сквозь массу физических преград, вы также постигали искусство преодоления страхов и опасений.

Став взрослым, вы сталкиваетесь с более серьезными проблемами, касающимися вашего финансового положения, взаимоотношений с близкими и окружающими, здоровья и работы. На вас

сваливаются даже такие испытания, которые трудно поддаются определению, например депрессия.

Если вы не особенно отличаетесь от большинства людей, то обнаружите, что жизнь — это море проблем и невзгод, невзгод и проблем, и так до бесконечности. И подобно безбрежным океанам, в вашей жизни будут периоды затишья, которые рано или поздно последуют за опасными ураганами и цунами высотой с небоскреб.

Постижение науки преодоления невзгод — неотъемлемая часть жизни и тема этой главы.

Успех и неудача

Первое, что я хотел бы сказать по поводу возникающих препятствий: отдельная неудача еще не означает, что вы, лично вы, неудачник. Существует громадная разница между самой целью и усилиями, которые вы прилагаете, стараясь ее достичь. Вы можете преуспеть в своих стараниях, но все же потерпеть поражение.

Когда я четыре раза провалил испытания на получение первого дана, мастер Ко не считал меня неудачником, так как знал, что я старался изо всех сил. Вы лишь тогда неудачник, когда не сделали всего возможного для решения задачи или вообще все бросили, даже не пытаясь что-нибудь сделать. Когда происходит нечто подобное, вы осознаете, что ваш самый худший враг — это вы сами.

Неудача при решении отдельной задачи — всего лишь эпизод в ваших стараниях добиться успеха. Чем больше неудач вы испытаете, тем дороже будет полный успех.

Величайшим историческим событием был день, когда Нил Армстронг сделал свой первый шаг по поверхности Луны. И все потому, что тысячи людей многие годы напряженно работали, чтобы послать человека на Луну.

Мы потратили огромные деньги и испытали так много разочарований, даже теряли человеческие жизни, чтобы впоследствии весь мир, затаив дыхание, следил, как Армстронг преодолевает од-

но из величайших препятствий в истории человечества. И вся Америка долго праздновала это событие.

Ваша ценность в деловом мире определяется вашей способностью решать проблемы

Мы комфортно чувствуем себя, наблюдая за выступлениями спортсменов или актеров, хотя это два часа истинных испытаний для них; но у нас волосы встают дыбом, когда мы обнаруживаем подтекающий кран на кухне или ломаем зуб о твердый сухарь. Намного хуже внезапный приступ боли в груди, когда мы бегаем трусцой, или холодок в желудке, когда видим красные огни полицейской машины позади себя, находясь за рулем слегка подвыпивши.

Причина больших гонораров врачей и адвокатов в том, что они квалифицированно помогают людям решить проблемы, с которыми те не могут сами справиться. Если бы вы обладали уникальной способностью находить выход из очень сложных ситуаций, то стали бы одним из тех, кто реально может «назвать свою собственную цену».

Когда я работал мойщиком посуды, то получал мизерную плату, потому что единственной проблемой, волновавшей моего нанимателя, было обеспечить ресторан чистой посудой. Работа эта не была трудной и могла быть сделана сотнями других людей за ту же плату.

Однако, когда я стал знаменитым мастером боевых искусств, плата, которую я мог получить за свои услуги, возросла в сотни раз, так как то, что я сейчас предлагал, могло спасти многие жизни. Посетителя ресторана в Сан-Франциско меньше всего заботило, кто вымыл стоящие перед ним тарелки, но если бы на выходе из ресторана грабитель приставил нож к его горлу и потребовал деньги, я мог бы вступить и спасти ему жизнь, и цена моя сразу бы подскочила до небес. Если бы этот человек впоследствии пришел ко мне заниматься боевыми искусствами, он заплатил бы столько, сколько я потребовал, чтобы обучить его приемам, которые однажды могут спасти ему жизнь.

Жизнь постоянно поднимает планку

Жизненный путь чем-то напоминает обучение в средней школе и институте. Вы идете от простого к сложному. Ребенком вы узнаете свои первые цифры, затем преподаватель учит вас складывать и вычитать. Одолев сложное деление, вы считаете, что достигли вершин математики, но вам предлагается учебник алгебры.

В возрасте пяти лет пределом моих желаний было научиться твердо стоять и ходить не падая. И всего через несколько лет после того, как я справился с этой задачей, я оказался втянутым в непрерывную череду соревнований и выходил один на один с десятками свирепых противников, способных оторвать мне голову. Став чемпионом, достойным получения «Золотой награды мастера», я подвергся нападению человека, который пытался меня убить. Сам раненый, я убил *его*. Когда это происшествие окончательно сломало мою жизнь, я был близок к тому, чтобы убить *себя*! Но я пережил все это и вышел из передряг неизмеримо более мудрым.

Часто я встречал людей, которые, столкнувшись с неразрешимыми, по их мнению, жизненными проблемами, задавались такими вопросами: «Кто сказал, что мне это надо?» или «Почему я?» Мой ответ этим людям прост — похоже, так считает мир; и почему *не* вы?

Мы ввергаем наших детей в бушующий океан бесчисленных житейских забот, чтобы они научились помогать самим себе и окружающим. Господь не делает различия между своими детьми. Радуйтесь возникающим проблемам — это ясное подтверждение того, что Господь ценит вашу постоянно растущую силу духа и любит вас.

Решение — это часть проблемы

Жизненные преграды возникают на самых разных уровнях и в самых разных масштабах. Большинство их можно сравнить лишь со столкновением автомобилей на малой скорости, в то время как некоторые вырастают до сплошных завалов на дорогах. И все же

решение и тех и других проблем заключено в вас самих. Жизнь никогда не даст вам ничего, с чем бы вы не могли справиться; потому что с вашим первым вздохом Господь наделил вас всем необходимым для преодоления любых препятствий, которые возникнут на вашем пути.

Если вы испытываете затруднения при преодолении житейских неурядиц, возможно, вы не видите пути выхода из них. Тогда вам надо всего лишь внимательней относиться к указателям, которые призывают спрашивать, смотреть, слушать и верить.

Когда я в последний момент отказался от прыжка с моста «Золотые Ворота», решение проблемы пришло часом позже, когда я вновь встретился с Ронни. Конечно же, мне надо было отказаться от смакования своих бед и сосредоточиться на горестях этого брошенного ребенка, которые были намного тяжелей моих. Жизнь уже подсказывала мне это решение неделями раньше (когда Ронни хотел остаться со мной, но я прогнал его), только я не увидел его. На это раз я был внимательней, и результат оказался прекрасным для нас обоих.

Ключ к преодолению препятствий — упорство

За годы моих занятий боевыми искусствами я столкнулся со многими трудностями. Одна из первых возникла в самом начале моих тренировок, когда мастер Ко положил большой красный кирпич на два вертикальных бетонных блока и спросил: «Кто из вас в этом зале верит, что у него хватит силы и концентрации, чтобы разбить этот кирпич?»

Мы были потрясены, и все, кроме меня, уставились глазами в пол, не желая привлекать к себе внимание Учителя. Я почувствовал, что он смотрит прямо на меня, и слова «*Желание моего Учителя — приказ для меня*» прозвучали в моем сознании. Я сделал шаг вперед и сказал: «Да, господин, я попробую сделать это».

Он улыбнулся и ответил: «Хорошо, сынок, попробуй».

Я подошел к кирпичам и внимательно рассмотрел их. Две проблемы беспокоили меня: достаточно ли крепка физически моя

рука, чтобы пробить кирпич, и хватит ли для этого силы моего удара? Если хотя бы один из ответов был отрицательным, я бы не смог разбить этот брусок. Придя к заключению, что моя левая рука определенно крепка и удар ею достаточно силен, я изготовился к выполнению упражнения. Замер над целью и затем с пронзительным криком нанес удар кулаком. Но за мгновение до контакта руки с кирпичом я чуть-чуть заколебался. Этого было достаточно для неудачи.

Моя ладонь врезалась в кирпич, и это вызвало резкую боль во всей руке и плече. Я слышал одобрителный рев учеников и видел их восхищенные физиономии, но кирпич остался целым.

У меня был выбор. Можно было признать поражение и вернуться в строй или я мог сделать еще одну попытку. Мастер Ко стоял рядом, глядя на меня совершенно бесстрастно. Я не чувствовал боли и буквально взлетел над этим кирпичом. Я ударил его всей своей мощью; рука, казалось, врезалась в скалистый берег. Немного красной пыли просыпалось на пол, это было все. Моя рука тряслась. Я думал попробовать еще раз другой рукой, но не стал — она была слабее моей левой.

Я решился на последнюю попытку, понимая, что сейчас либо будет разбит кирпич, либо пострадает моя рука. Убрал все мешающее, тщательно сконцентрировался и врезался в кирпич, как сваебойная машина. Брусок развалился на четыре части и упал на пол.

Это случилось более 50 лет тому назад — в последующие годы у меня было намного больше кирпичей, которые я мог разбить одним ударом; мой максимум — семь брусков. Большинство взрослых мастеров не справляются с этим трюком даже с помощью 15-килограммовой кувалды.

Истина в том, что любой специалист, мастер — это просто новичок, который никогда не сдаётся и не бросает свое дело. Подобное упорство применимо как к жизни вообще, так и к боевым искусствам, в частности. Какими бы ни были ваши мечты, все, что от вас требуется, чтобы осуществить их, — просто не сдаваться и не уступать, не важно, в чем именно. Если мечта, к которой вы стремитесь, много значит для вас, то ее осуществление так же важно и для всего мироздания. Об этом — в следующей части.

Настраивайтесь на лучшее

Когда я только начинал выступать на соревнованиях в Корее, первые 26 боев я проиграл. Я не мог в это поверить — 26 поражений подряд! Главная причина, почему я проигрывал, — я никогда и не думал, что могу победить. Проигрыш на татами не задевал меня, я заранее был готов к этому, даже выкладываясь до конца фи-зически. И все же я никогда не падал духом.

Затем, в один из дней, мастер Ко сказал мне: «Если ты не хочешь проигрывать, тогда поступай, думай и тренируйся как чемпион, как победитель». Самое простое было тренироваться как чемпионы: все, что от меня требовалось, — наблюдать за их тренировками и затем в точности повторять все действия. Самым же трудным было научить себя думать и действовать подобно чемпиону *до того*, как я действительно стал им.

Те, кто стал чемпионом, до конца верили в свои способности и потенциальные возможности. И Учитель дал мне эту уверенность. Он постоянно говорил, что я смогу выиграть чемпионат, если *я сам* поверю в то, что смогу это сделать. Он убедил меня, что непрерывные упорные тренировки вооружат меня необходимой уверенностью. Он всегда знал, с самого первого дня, что у меня есть твердое сердце и моральная сила, и не уставал повторять: «Отдай всю свою жизнь этому, сынок. Рискни». Что же касается чемпионских качеств, то у меня имелось одно, если не единственное, необходимое условие для хорошего настроения — я должен был обещать самому себе ни в коем случае *не сдаваться и не отступать!*

Пусть ваши трудности сослужат вам добрую службу

Лишения и невзгоды всегда преследовали меня в жизни и нередко приводили на грань отчаяния. Довольно часто вы обнаруживаете, что способны на очень многое, когда ваша спина упирается в стену и вам просто некуда отступить; другими словами, лучше всего учиться плавать, когда вы тонете. Почему? Да потому, что вас

ничто не отвлекает от главной цели, вы только и думаете о том, чтобы добиться ее.

Многие годы я встречал людей, становившихся самодовольными снобами вскоре после того, как достигали значительных успехов. У них имелся небольшой счет в банке, и постепенно они начинали подумывать о более спокойной жизни, отдыхе и даже уединении.

За свою жизнь я несколько раз попадал в подобную ловушку. Когда это случалось, я часто восстанавливал свое стремление к наполненной активной жизни, проводя пару дней с бездомными. Я возвращался к бродячей уличной жизни и вновь переживал то время, когда у меня не было выбора. Сегодня я очень счастливый человек — у меня есть работа и дом, где я могу есть и спать. Я могу менять одежду каждый день, и она у меня вся чистая. Так было не всегда. И потому воспоминания о трущобах восстанавливают мое душевное равновесие и укрепляют меня на выбранном жизненном пути.

Если вас начинают тревожить признаки самодовольства и успокоенности, вернитесь в те времена и места вашей жизни, когда и где ваши дела были совсем не так хороши, как сегодня. Посетите район, где вы когда-то жили, или пролистайте старый школьный дневник, или проведите несколько часов, рассматривая свои детские фотографии, когда времена были суровыми. Воскресите в памяти все огромные усилия, которые вы прилагали, чтобы добиться того, что имеете сейчас. Вы потратите время не напрасно.

***Будьте разумным
и заботливым генералом***

Не тратьте время и энергию на продолжение сражений, которые вы уже выиграли. Когда вы вовлечены в противоборство с другим человеком, не бейте его после того, как станет совершенно ясно, что вы победили.

Это урок, который я запомнил на всю жизнь, когда тот парень вызвал меня на поединок в вечер награждения «Золотой наградой»

мастера». Я не должен был драться с ним. Я знал, что у меня хватит умения побить его, даже если он не знал этого.

Есть такие баталии в жизни, которые можно назвать недостойными и в которых вам совсем не нужно участвовать. Вы должны обладать достаточной мудростью, чтобы развить в себе способность определять такие ненужные схватки. В пояснение своей мысли приведу следующий пример.

Приблизительно через год моих тренировок я стал забывать, что боевые искусства — это приобретение навыков самообороны, защиты, а не нападения.

Как-то меня посетила мысль, что охота может стать прекрасным способом продемонстрировать силу, и я взял в руки дробовое ружье. Целая группа энтузиастов направилась в горы в поисках живой мишени. Мы экипировались в тот день, как завзятые охотники. Я прошел почти половину пути в горы, когда увидел первого зайца. В то же мгновение он заметил меня и бросился наутек. Я прицелился и выстрелил, заяц упал на землю. Восторженно я завопил: «Я попал в него! Я попал в него!»

Я подбежал к лежавшему зайцу и, когда взглянул на него, ужаснулся. Дробь попала ему в ногу, она была вся в крови и дергалась. В глазах зверька застыли страх и отчаяние. Я бросил свой дробовик на землю и сказал остальным: «Я совершил ужасную вещь. Я думал, что охота доставит мне удовольствие, что это всего лишь спорт; но это не так. Мне очень плохо».

Воспоминания о том ужасном дне все еще удручают меня. С того времени я никогда даже не целился в незащищенных животных. Так и те люди, которые не способны постоять за себя, не могут биться с вами на равных — и физически, и в делах или личном споре; и лучше, если вы оставите их в покое и не будете с ними связываться.

Если вы так не сделаете, вы окажетесь просто хулиганом и задирой. Вы станете тем, кто разбил куклу о стену и получил удовольствие, наблюдая, как она упала на землю и разлетелась на кусочки. В этом нет и никогда не было никакой чести — быть задирой, и вы только потеряете в чувстве самоуважения и мнении окружающих.

Преодолевайте только те препятствия, которые по своей природе касаются лично вас

«Ярость на дорогах» — эта фраза часто мелькает в новостях. Люди без видимых причин гибнут в дорожных происшествиях и даже убивают друг друга по пустячному поводу, часто всего лишь из-за невнимательности, ошибок при вождении.

Вообразите, что вы несетесь по скоростной автомагистрали и нечаянно подрезаете идущий следом за вами автомобиль. Водитель другой машины отчаянно сигналил вам, потрясая кулаками и делая недвусмысленные жесты. Его реакция адресована лично вам или не имеет к вам абсолютно никакого отношения? Если вы воспримете это как покушение на вашу личность, ваша реакция будет приблизительно следующей: «Что, черт возьми, воображает из себя это ничтожество? Он, что, не знает, *кто я?*» Ответ будет отрицательным. Он понятия не имеет, кто вы такой, как ваше имя и как зовут ваших детей; чем вы занимаетесь в жизни и все остальное о вас. Если вас обоих остановит дорожная полиция, водитель второго автомобиля, говоря о вас, употребит выражение типа «этот полный идиот на голубом «шевроле»!» или «этот придурок в белом «БМВ»!» То есть с момента зарождения конфликта он ни на секунду не воспринимал вас *персонально, в личном плане.*

Вы избавите себя от многих переживаний в жизни, если, конфликтуя с кем-нибудь, выделите пару секунд, чтобы спросить себя: «Этот человек ссорится со мной из-за чего-то личного или я всего лишь попался под горячую руку по причине, не имеющей ко мне никакого отношения?»

Окружающие люди — это просто ваше собственное зеркальное отражение, а вы — отражение этих людей. Обычно вы не ощущаете неприязни к другим людям или их поступкам, пока в них не отразится что-то, что вам не нравится в себе самом. Когда вас одолевает желание критиковать или осуждать других или хочется как-то «лягнуть» ближнего, задайтесь вопросом: почему вас так «разбирает»? Когда кто-то набрасывается на вас, спросите у себя: дело в *вас* или в *нападающем!* Если проблема не касается вас лично, спокойно уходите.

Пути преодоления жизненных препятствий

Когда все сказано и сделано, остается только три варианта реакции на жизненные неприятности.

1. **Уйдите от них.** Мастер Ко часто говорил: «Когда приходят неприятности, не будь там». Говоря так, Учитель имел в виду те проблемы, которые даже не стоят вашего времени и усилий, или дела, плохо кончающиеся для всех имеющих к ним отношение. Не вступайте в битву, в которой никто не сможет победить. Пьяница в баре или некто, затеявший с вами гонки на скоростной дороге, не стоят ваших усилий.

2. **Обойдите их.** Когда поток, стекающий с гор, встречает дерево, он легко обходит его, не пытаясь пробиться сквозь препятствие. Многие великие сражения выигрывали полководцы, приказывавшие своим войскам обойти врага и атаковать его с флангов. Если вы столкнулись в лесу с 800-фунтовым медведем-гризли, то поступите мудро, тихонько обойдя его стороной. Я победил достаточное число противников в спортивных схватках, уклоняясь в сторону или взлетая над их головами, когда они начинали свои прямолинейные атаки. Я набирал очки, пока они пытались поразить меня там, где меня уже не было.

3. **Преодолейте их.** Благодаря достаточно специфическому пути, которым я пришел в корейские боевые искусства, я имел мощное преимущество для преодоления преград, которыми награждала меня жизнь, встречая их в лоб и проходя прямо через них. Лучшее всего это иллюстрирует разбивание кирпичей, которые как бы символизируют препятствия. Кирпич имеет верхнюю сторону, середину и заднюю, или нижнюю, стороны; но что важнее всего, у него есть и «то, что за ним», — именно здесь и лежит конечное решение проблемы.

Когда я наношу удар по стопке кирпичей, я не целюсь в сами кирпичи. Я целюсь в «то, что лежит за ними», потому что именно

там размещается конечная цель удара. Чтобы разбить все эти кирпичи, мой кулак в итоге должен оказаться в пространстве *за ними*, поэтому моя цель именно там. Если я не пробью до «*за ними*», я никогда не разобью кирпичи; но они разобьют мою руку.

Жизненные неурядицы идентичны стопке кирпичей в том, что они имеют начало, продолжение и конец. Если вы твердо верите, что преграды не могут вас остановить и у вас хватит сил и средств пройти сквозь них, тогда вы уже выиграли битву. Все, что от вас требуется, — полностью довериться самому себе, сосредоточиться и надеяться, что вы можете достигнуть того результата, к которому стремитесь, и идти напролом. Вы будете упорны до конца.

Средства и методы, ведущие к победе

Время от времени мы слышим о людях, желающих заморозить свои тела в жидком азоте с тем, чтобы их можно было разморозить через какое-то время, в далеком будущем. Другие пытаются заглянуть в свои прежние жизни в надежде узнать, что будет с ними сегодня (разговоры с духами умерших приобрели большую популярность в последние несколько лет). И есть миллионы людей, убежденных, что их настоящая жизнь начнется, лишь когда они вознесутся на небо.

Я часто встречаю людей, которые ищут себе великих учителей. Они проводят годы, стараясь познакомиться с мудрецами, мастерами или гуру в чалме, сидящими на корточках в пустыне или на вершине горы. Хотя все они действительно в какой-то мере способны помочь вам на жизненном пути, истина заключается в том, что самый лучший учитель, какой может быть у вас, — это... вы.

Никто не знает вас лучше, чем вы сами. Только вы знаете, что мешает вам становиться лучше каждую минуту каждого дня. Вы знаете все ямы и завалы на своей дороге, и вы первый разглядите указатели, красные флажки и бурю, нависающую над горизонтом. Вместо того чтобы быть своим худшим врагом, станьте себе лучшим другом.

Комплексы, преследовавшие меня в трудном детстве, возродились вскоре после прибытия в Америку. Став бездомным бродягой, я вновь ощутил себя Уродом из маленького корейского поселка. Я испытывал беспомощность и старался ни с кем не завязывать дружбы, потому что четко понимал, что никому не нравлюсь. Мне надо было утвердиться в сознании того, что я приехал в Америку не как человеческий отброс, а как образованный человек и чемпион боевых искусств. В конечном итоге через какое-то время я получил работу и нашел первого друга в лице официантки Викки, которая разглядела во мне то хорошее, что я сам долго не находил в себе из-за старых препятствий, внезапно вновь появившихся в моей жизни и закрывших дорогу вперед.

Случается, что небольшие жизненные неурядицы, которые раньше досаждали вам, перестают вас беспокоить. Извлеките эти старые мины и разрядите их. В большинстве случаев враг надолго или навсегда покинет вас. Зачем оставлять эту взрывчатку для тех, кто не враг вам, а может, что хуже всего, вы сами случайно наступите на одну из этих мин? Как часто говорил мне мастер Ко: «Доверься себе. В тебе нет ничего вызывающего опасения».

Я не интересуюсь прошлыми судьбами, хрустальными шарами, загробной жизнью или беседами с духами умерших. Меня целиком привлекает то, что происходит здесь и сейчас, так как я верю, что эти самые небеса находятся как раз здесь, на земле. Главная моя забота в эти дни — стать более совершенным человеческим созданием и прожить долгую счастливую жизнь. Далее я расскажу о некоторых инструментах, хорошо послуживших мне многие десятки лет.

Четыре основных элемента, необходимых для выживания

Чтобы уцелеть при реальном физическом нападении, настоящему мастеру боевых искусств требуются четыре основные вещи:

1) знание, 2) собранность, 3) чувство времени, 4) энергия.

Мастер Ко учил меня этим вещам сорок лет назад, и я учу им своих учеников сегодня. Помимо того, что они эффективны против обычного уличного нападения, эти же самые базовые элементы чрезвычай-

но полезны в жизни вообще. В какой-то степени можно допустить, что боевые искусства имитируют жизнь или, может быть, наоборот, жизнь имитирует боевые искусства. Я учил вещам, о которых пойдет речь ниже, на моих семинарах для мастеров боевых искусств точно так же, как и на лекциях для обычных слушателей. И они сослужили хорошую службу многим человеческим жизням.

1. Знание

Первое, что вам необходимо, — это знание. Без понимания, как действует ваше окружение, ваша жизненная среда, вы долго не протянете. С какими-то познаниями вы уже рождаетесь (например, знаете, что под водой нельзя дышать), но большую часть знаний приобретаете или на личном опыте, или от учителя.

Я определяю *знание*, как все, что вы храните в своем мозгу. Избавление от устаревшего, ошибочного знания так же важно, как и приобретение нового, исправленного. Вот некоторые приемы, которые помогут вам в этом.

Позаботьтесь о собственных похоронах

Любой работающий с компьютером понимает важность постоянного удаления информации, которая больше не понадобится. Это ускоряет работу процессора и делает ее более эффективной. Если вы не очищаете жесткий диск, он может постоянно «зависать» и даже выйти из строя.

Женщины очень просто чистят свои сумочки. Каждый раз они вытряхивают все содержимое на стол, затем кладут обратно то, что им понадобится, а остальное выбрасывают. Аналогичным образом, если вы хотите сохранить эффективную работу своего мозга, вы время от времени должны освобождать его, прочищать и затем, как в компьютере, перезагружать.

В конце 1960-х годов, когда у меня была спортивная студия в Беркли, там занимался один молодой судья. Как-то он попросил

меня навестить его в офисе. Он вел дело подростка, который по всем признакам обещал в скором времени превратиться в закоренелого преступника. Судья спросил, не хотел бы я взять парнишку под свою ответственность. Он убедился в положительном воздействии занятий боевыми искусствами на трудных подростков и хотел сделать тренировки у меня одним из пунктов, обязательных для условного освобождения парня. Я согласился дать ему шанс попробовать.

В следующий понедельник этот мальчишка пришел на занятия, и в течение двух недель он испытывал мое терпение всякий раз, когда представлялась такая возможность. Он приходил поздно и всегда хотел улизнуть пораньше. Несколько раз он появлялся без спортивной формы и недоумевал, что плохого в том, чтобы тренироваться в джинсах и футболке с короткими рукавами. И еще у него был рот, который никогда не закрывался.

К концу третьей недели я решил, что с меня хватит. Когда парень пришел на тренировку, я сказал, чтобы он не переодевался в спортивную форму, а следовал за мной на задний двор. Тут было небольшое свободное место сразу за студией, я провел его на середину лужайки и указал на кирку и лопату, которые заранее положил на землю.

«Твоя сегодняшняя тренировка — копать!» — сказал я.

Парень с вызовом посмотрел на меня и огрызнулся: «Копать что?»

«Яму. Восемь футов длиной, четыре шириной и шесть в глубину», — рявкнул я.

Парень ужаснулся: «Вы хотите, чтобы я выкопал могилу?»

«Именно так. Если откажешься, я прямо сейчас позвоню судье и он пришлет полицейский фургон, чтобы отвезти тебя за решетку. Я это сделаю».

Несколько минут он спорил со мной, но в конце концов сдался. На то, чтобы выкопать под палящим солнцем всю яму, у него ушло около двух часов. Я снова появился, когда работа была закончена.

«Полезай!» — указал я на дно ямы.

«Вы что, с ума сошли? Я выкопал яму, как вы сказали».

«Я сказал — полезай! Ложись на дно ямы, на спину и смотри прямо вверх!»

Мальчишка неохотно повиновался, так как видел, что настроен я серьезно. Убрав несколько камней, он улегся на спину с вытянутыми по бокам руками.

«Вернусь через час, — сообщил я ему, — и буду постоянно проверять твое положение, так что не меняй его и даже не думай заснуть!»

Парня, похоже, успокоило, что я не собирался сразу забросать его землей. Несколько раз я проверял его и к концу часа подошел к краю ямы и внимательно посмотрел на него сверху. Его глаза вылезли из орбит, лицо было белое как у привидения, а тело покрылось потом. На дне ямы было жарко, но причиной холодного пота был ужас.

«Ладно, выбирайся оттуда!» — приказал я резким голосом.

Мальчик выскочил из ямы, как если бы за ним гналась большая белая акула. Он смахнул пыль, вытер пот с лица и стоял, таращась на меня.

«Ну как там было, внизу?» — спросил я.

«Ужасно. Я счастлив, что вылез», — отвечал он еле слышно.

«Не сомневаюсь, что счастлив. А теперь я хочу что-то сказать тебе. Если ты будешь продолжать жизнь, которую ведешь сейчас, — со всеми этими бандами и побегам, неуважением родителей, учителей и любых других авторитетных людей в своей жизни, ты вернешься в эту яму гораздо скорей, чем предполагаешь. Только на этот раз твои глаза не будут открыты и ты не будешь дышать, потому что будешь мертв. Понимаешь, о чем я говорю?»

«Да, господин», — пробормотал он.

Впервые я услышал от него вежливый ответ. Надо признать, он был сильно напуган, испытал ощущения, близкие к чувству умирающих преждевременной смертью, и он больше не хотел их повторения.

«Вот и хорошо, — продолжил я. — Возвращайся в студию. Твой урок на сегодня еще не закончен».

«Да, господин».

Парень прошел за мной в студию, где я усадил его и дал тетрадь и ручку.

«Я хочу, чтобы ты написал здесь обо всем, что тебе не нравится в самом себе. Напиши о своем дерзком поведении; о всем недостойном, что ты сделал в своей жизни; о своих нехороших мыслях. Если тебе хотелось видеть меня мертвым, потому что я засунул те-

бя в эту яму, напиши об этом. Я вернусь через час, и тетрадь должна быть исписана до конца».

«Да, господин».

Мальчишка усердно трудился весь час. В самом деле, он так увлекся работой, что попросил у меня еще 15 минут. Наконец он подошел к двери моего кабинета и сказал, что закончил. И протянул мне тетрадку, ожидая, что я начну читать его писанину.

«Я не хочу это читать, — сказал я. — И никто другой не будет этого делать. Иди за мной».

Мы снова пришли на лужайку во дворе, к выкопанной им яме. Я указал на дно искомандовал: «Бросай туда».

После того как он бросил тетрадь в яму, я велел ему взять лопату и засыпать могилу. Через пятнадцать минут работа была закончена.

На этот раз я очень доброжелательно обратился к нему: «Ты сегодня основательно позаботился о саде своей души. Хорошенько почистил его и навсегда закопал грязь и мусор, которые там были. Всего, что тебе не нравилось в самом себе, уже нет. Эти вещи и дела похоронены, они ушли навсегда из твоей души».

Впервые за многие годы этот парнишка слышал что-то, что заставляло его лучше думать о самом себе. Он бросился в мои объятия и заплакал. После того как он хорошо (и долго) поплакал, мы вернулись в студию, потому что парень все-таки хотел закончить свою тренировку. Он быстро принял душ и надел тренировочную форму. Следующие два часа с ним были одними из лучших, когда-либо проведенных мной с учениками. Этот парень выкладывался полностью и сам гордился своей работой.

Следующие шесть месяцев я увеличивал его нагрузку на тренировках. С ним происходили просто поразительные перемены. В итоге он завершил испытательный срок без каких-либо происшествий, был полностью освобожден и окончил школу с хорошими отметками. Через несколько лет он женился и стал отцом двух прекрасных детей. Я часто слышал, что жизнь его постоянно становится лучше и лучше, и все это началось с того дня, когда он очистил свои душу и разум и похоронил то, что мешало ему стать нормальным хорошим парнем.

Вы сами можете проделать простенькое упражнение, которое очистит ваше сознание от всех нехороших мыслей, превращающих

вас в собственного злейшего врага. Выберите несколько свободных часов и отправляйтесь в тихое место, где вас никто и ничто не потревожит. Возьмите бумагу и ручку и запишите все, что вам не нравится в себе любимом. Обязательно включите сюда все случаи в вашей жизни, когда вы поступком или словом обидели других. Когда закончите, найдите место, где похоронить эти листочки. Вам необязательно выкапывать настоящую шестифутовую могилу (разве что очень захочется), можете бросить эти листки на дно бака с мусором, который выкинут на местной свалке. Главное — с того момента, как вы избавитесь от этих записей, вы будете жить с сознанием того, что навсегда похоронили плохую часть самого себя прежнего и она никогда не вернется. Если вы проделаете это искренне и честно, я гарантирую, вы поразитесь, насколько хорошо станете относиться к самому себе и миру, вас окружающему.

Поставьте охрану у входа в сад вашей души

Теперь, когда вы избавились от сорняков в саду вашей души, важно поставить охрану у входа. Теперь вам надо полностью отдавать себе отчет в том, какие семена будут посажены в этом саду, — если вы хотите вырастить хорошие саженцы и цветы, вход открыт только хорошим семенам. Как всего лишь одно гнилое яблоко со временем портит целое ведро фруктов, так и ваш сад со временем зарастет сорняками, если в него попадут плохие семена.

Отрицательное приходит в разном обличье, поэтому с самого начала обращайтесь внимание на книги, которые вы читаете; на людей, от которых получаете советы и информацию, телевизионные программы, которые вы смотрите, и песни, которые вы поете. Самое важное — набирайтесь мудрости от старшего поколения вашей семьи.

Выбор всегда за вами. Позвольте только хорошему влиять на вашу жизнь и можете быть уверенным, что сад вашей души расцветет. И если охрана, поставленная вами на входе, верна вам, надежна и бдительна, вы увидите, как все больше и больше людей — все, от любимых вами до незнакомцев, захотят навестить ваш сад и поговорить с вами.

Когда прекращается процесс постижения нового, начинается процесс умирания

В день окончания шести классов (обязательное начальное образование в Японии и Корее того времени. — *Примеч. пер.*) вся школа была в сборе. Большинство учеников с удивлением узнали, что и мое имя числится в списке отмеченных денежной премией или специальной наградой. Действительно, после вручения премий многим ученикам, большей частью за успехи в учебе, на сцену вызвали меня. Я был единственным, удостоенным такой награды, и многие считали, что получить ее труднее всего — *за шесть лет я не пропустил ни одного дня занятий, ни одного*. Несмотря на все трудности, *насмешки и издевательства, мое желание учиться не остыло*, и я всегда оставался благодарным стоящему у классной доски учителю, главная цель которого была помочь мне стать лучше.

Всю свою жизнь я высоко ценил учение и знания. Помимо официального образования (школа, университет), я постоянно учился у других людей, которых годы жизни наградили мудростью. И если вы нашли время прочитать мою книгу, то это ясно указывает, что вы идете таким же путем. Когда вы решите, что хватит учиться, вы остановите процесс роста и тем самым пошлете импульс вашей душе *и телу*, сигнализирующий о том, что вы приближаетесь к концу своего пути.

2. Собранность

Второе качество, важное для выживания, — собранность. Вы должны уметь так мобилизоваться, собрать в один кулак свои знания и навыки, чтобы в сложной обстановке, столкнувшись с целым рядом затруднений, вы могли найти правильный выход из каждого. Например, если вы знаете, что падающий тяжелый предмет может смертельно ранить вас, слышите треск ломающегося дерева и видите падающую на вас 30-метровую машину, правильная (точная до мелочей) реакция будет — бежать со всех ног.

Хотя внешне это может казаться чем-то обыденным, но вы будете поражены тем, как многие люди, с которыми я встречался, не-

правильно применяют свои знания. Я не исключение; я неправильно пользовался своими знаниями боевых искусств, когда застрелил беззащитного зайца, набрасываясь на мирных жителей той деревушки и убил человека в торжественный вечер в мою честь.

В боевых искусствах собранность и точность означают, что ученик должен научиться умело поражать цели, одновременно блокируя наносимые ему удары и уклоняясь от них. Приемы, которые я использовал для совершенствования точности в боевых искусствах, те же самые, которые вы можете применять для повышения собранности и точности реакции в обычной вашей жизни.

Помните: если вы упорно тренируетесь и не отступаете, вы победите

Если вы художник и стремитесь стать лучшим среди своих коллег, то вы должны рисовать, рисовать и рисовать, пока не достигнете высочайшего уровня точности воспроизведения природы в мельчайших деталях. Подобная тактика применима к любому роду деятельности. Есть только одно слово, которое я отказываюсь слышать от моих учеников и от себя самого. В свои семьдесят я никогда не сдаюсь и не отступаю от задуманного. Я не признаю ухода, не важно от чего. Если вы сможете придерживаться этой одиннадцатой заповеди — «Ты не должен сдаваться, не должен отступать», тогда вы победите и у вас получится в жизни все, для чего предназначены ваша душа и тело.

Настройте свои мысли на стремление к совершенству

С начала моих тренировок мастер Ко постоянно направлял мои усилия на достижение совершенства. Это часто приводило меня в отчаяние, потому что со всеми моими недостатками цель стать выдающимся мастером таэквондо выглядела недостижимой.

Много лет спустя я осознал, что не понимал своего Учителя. Его целью было не достижение физического совершенства, которым он

сам обладал. Гораздо важней был *духовный настрой* на совершенство. Другими словами, пересечение финальной черты на гонках совсем не так важно, как сама *гонка* за первое место, неудержимое *стремление* к этой ленточке.

Большинство встреченных мной людей никогда не стремились к совершенству в любых сферах своей деятельности, так как даже не задумывались, есть ли у них нечто, что заслуживает совершенства. Они проиграли не в конечном результате, они лишились самого процесса преобразования самого себя, а именно это делает жизненный опыт таким ценным и запоминающимся.

Вам не надо изобретать самую лучшую мышеловку или открывать лекарство от рака для того, чтобы почувствовать жизнь или стремиться сделать ее полней и содержательней. К примеру, в прошлом году один из моих учеников пришел в студию и показал мне распечатку из Интернета — это был перечень «десяти лучших заведений Лос-Анджелеса, специализирующихся на гамбургерах». Парень любил поесть и собирался вместе с друзьями посетить все десять мест и проверить, настолько ли хороши эти котлеты на самом деле.

На тренировках я с трудом мог заставить его выкладываться в полную силу. Он никогда не считал, что может чего-нибудь добиться, даже стараясь изо всех сил; над ним висел страх неудачи. И тогда я спросил: «Почему бы вам, парням, не оставить в покое те десять заведений и вечером не *приготовить* себе великолепные гамбургеры?»

«Никто из нас не умеет хорошо готовить», — ответил он.

«Но ты ведь никогда не готовил ничего, кроме мяса, правильно?»

«Пожалуй, так», — сказал парень, с любопытством взглянув на меня.

«На самом деле все, что вам нужно, — это подобрать хорошие ингредиенты».

Одно из увлечений этого парня — мир антиквариата. Он получал истинное наслаждение, отыскивая по Интернету раритеты, и получал весьма ощутимый доход, покупая и перепродавая их.

«Ты представляешь себе обычный гамбургер, — продолжил я, — говядина, помидоры, маринованный огурец, лук; булочка, конечно; обязательно соус; сыр — по желанию. И лично я обжариваю

мясо с измельченными орехами гикори, лучшими, какие могу найти», — я заметил, что завладел его вниманием — я уже говорил, что парень любил покушать.

«Согласен», — ответил он.

Я почти слышал шум шариков, вращающихся в его мозгу, поэтому продолжил: «Разделите ингредиенты между собой. Вытяните бумажки из кепки и ограничьте зону поисков радиусом в 25 миль. Вы же не можете ждать человека, которому поручили достать салат, а он отправился за 300 миль за салатом с особых плантаций.

Придя в следующий понедельник в студию, парнишка не мог дожидаться удобного момента, чтобы рассказать о своем опыте приготовления отличного гамбургера в этот уик-энд. Видимо, он был лидером команды и поддерживал связь с остальными по телефону.

Каждый отличился в добывании чего-то одного: маринованные огурцы отыскивались в еврейской лавке деликатесов в районе Фер-фекса; помидоры были обнаружены на чьем-то огороде и сорваны свеженькими с грядки; булочки испекла чья-то бабушка и доставила горячими прямо из духовки. Парень долго рассказывал увлекательные истории, как добывались другие составляющие для гамбургера. Когда же наконец остановился, чтобы перевести дух, я спросил: «Ну как, получился гамбургер?»

«Что?» — вопрос, казалось, застал его врасплох.

«Гамбургер. Вам удалось приготовить нечто великолепное?»

«Наверное. Да, я думаю, удалось, — сказал он. — Это был лучший гамбургер, который я когда-нибудь пробовал, могу повторить это много раз».

«Видишь, вас не столько волновала конечная цель, сколько усилия, прилагаемые к ее достижению», — объяснил я.

Он улыбнулся и сказал: «Это точно! Сейчас, после ваших слов, я очень хорошо это понимаю».

«Не считаешь, что сможешь применить подобный подход и в сегодняшней тренировке?»

«Я могу попробовать. Спорю, смогу».

Это был ключевой момент — за следующие шесть месяцев парень нашел и другие пути, ведущие к совершенству, и преуспел в этом занятии. В конечном счете он мог по желанию использовать те или

иные методы в разных ситуациях. Он мог применять их и при незначительных затруднениях, и встречаясь с серьезными проблемами.

Вы способны на подобное. Возьмите простую задачу, которую, как вы твердо уверены, способны решить, и делайте это весело и с настроением. Возможно, вам понравится вырастить дюжину роз или реставрировать старый серебряный чайник — не сомневаюсь, при этом вы откроете в себе с десяток интересных дарований. Что бы вы ни решили делать, беритесь за задание и работайте с отличным настроением. Когда сделаете, положите результат работы перед собой и мысленно повторите весь процесс создания конечного продукта.

Повторяйте такую процедуру несколько раз в году, каждый раз повышая трудность очередной задачи. **Скоро вы сможете включать и отключать ваше сознание и применять его в таких областях жизни, которые приносят солидный доход. И кстати, это увлекательное упражнение вам стоит выполнять вместе со своими детьми!**

Определите свои приоритеты

Это правда, что качество вашей жизни предопределяется тем, насколько точны вы в определении своих жизненных приоритетов. День содержит так много часов; и то, как и где вы проводите ваше время, реально отражает ваши приоритеты. Возможно, если вы не отличаетесь от множества других людей, вы тратите слишком много времени на свое позиционирование в реальном мире — вас волнует дом, в котором вы живете; имидж компании, где вы работаете; размер банковского счета; марка вашей автомашины; одежда и украшения, которые вы носите; ваши прически, ногти, зубы и загар.

Мои приоритеты были далеки от оптимальных, когда я управлял семью студиями в Синкидоне. Я уделял слишком большое внимание внешним факторам, особенно своей личности и внешности. Вместо того чтобы *жить* жизнью мастера, я безудержно стремился *быть* Мастером в глазах других. Мудрое решение мастера Ко послать меня в глухую деревушку, где никого не интересовало, что я был мастером боевых искусств, окончательно вернуло мои приоритеты на правильный курс.

Учитесь выполнять задание до конца

Важнейший компонент собранности — завершение. Так как моя студия боевых искусств располагалась в сердце комплекса зданий Си-би-эс, среди моих учеников было много одаренных творческих натур — музыкантов, актеров, сценаристов и даже один руководитель телерадиокорпорации. Иногда я спрашивал этих людей, что, как им кажется, отличает их от тысяч других людей, осаждающих каждый год Голливуд в поисках славы и удачи. Все без исключения давали мне одинаковый ответ: способность довести до конца свои планы, в то время как десятки их друзей и коллег обрастали кучами незаконченных сценариев и песен, которые откладывались в сторону и никогда не завершались. Суть в том, что вы можете обладать избытком таланта, но если у вас нет возможности или вы не способны завершить то, что начали, ваши силы будут потрачены попусту.

Все мы знаем людей, чья жизнь была беспокойной и беспорядочной из-за десятков незавершенных проектов, многие из которых лежали нетронутыми месяцы, а то и годы. Если вы один из них, то я могу сказать, что ваши проблемы в следующем:

- 1) у вас слишком много проектов, приходящихся на одно и то же время, и/или
- 2) уровень трудности ваших начинаний слишком высок.

Выход из ситуации: или сократить число дел, которыми вы занимаетесь, или начать работать над проектами, которые вы наверняка завершите в приемлемые сроки.

Определите, не служат ли эти незавершенные дела скрытым целям

Самая большая проблема у людей, которые просыпаются каждый день с бесконечным потоком незавершенных проектов, — недостаток времени. Их задумки подобны губке, которая забирает так много энергии, что ничего толком не получается сделать.

Иногда человек, опутанный кучей задач, решает сохранить их все, так как они служат поводом и хорошим предлогом для уклонения

от ряда других обязанностей. У него нет достаточно времени для общения с супругом/супругой или детьми, или престарелыми родителями, потому что на нем вся несделанная работа: никто из детей не стирает носки, везде валяется мусор, специи на полке надо расставить по порядку, сточные канавы надо прочистить, пока не хлынул первый ливень...

Если десятки незаконченных дел служат вам отвлекающим маневром, загляните в самого себя и задайтесь вопросом, *почему* вы избегаете своих отношений с другими. Действительно ли так важно потратить четыре часа на мойку и наведение блеска на вашей машине в выходные дни или лучше провести это время с ребенком? А беготня по переполненным магазинам после обеда важнее, чем визит к заболевшей подруге? *Действительно* ли так важны все эти домашние и хозяйственные дела, которым вы собираетесь посвятить все свободное время?

Практика, практика, практика

Задаться какой-нибудь особой целью и быть готовым активно добиваться ее — эти намерения мало чего стоят, если вы не обладаете настойчивостью и упорством. За год с лишним занятий боевыми искусствами я четыре раза проваливал квалификационные испытания. С опущенной головой и чувством полной безнадежности, я подошел к Учителю и спросил: «Учитель, я вообще сдам это когда-нибудь?»

Он взглянул на меня и ответил: «Прежде всего ты должен проверить самого себя. *Ты считаешь, что можешь сдать?»*

Я сказал: «Господин, я думал, что готов к сдаче, но каждый раз, выходя на татами, я забываю все навыки и приемы. Мне очень стыдно».

Он положил руку на мое плечо и произнес слова, которые я слышал много раз в последующие годы: «Сынок, твой худший враг — ты сам. Если ты хочешь сдать, ты сможешь, но должен усиленно тренироваться. У тебя три имени: первое — Практика, второе — Практика и третье — Практика».

Путь к мастерству вымощен упорством. Если вы действительно хотите стать великим, не важно в чем, будьте готовы трудиться, трудиться и еще раз трудиться. В своей жизни я знал много одаренных мастеров боевых искусств, и все они, без единого исключения, достигли высочайшего профессионального уровня годами упорного труда и постоянной практики.

Будьте дисциплинированными

Известных людей, которых мне приходилось обучать боевым искусствам, отличало одно общее качество — все они были дисциплинированными. Если вы хотите состояться как личность, научитесь самодисциплине. Благодаря дисциплинированности вы не только приобретете способность сосредоточиваться на чем-то, но и сможете оставаться в этом состоянии сколько надо.

Мой ежедневный рабочий график очень насыщен. Каждое утро я пробегаю от пяти до десяти миль (милю за шесть минут)... при том, что мне под семьдесят. Сколько людей, пусть вдвое моложе меня, способны на это? Я все еще могу взлететь на двухметровую высоту и нанести три точных удара ногами, прежде чем опущусь обратно на землю. Несколько раз в неделю я исполняю по тысяче ударов ногами. Двадцатилетние мастера боевых искусств считают достижением провести тысячу ударов за месяц.

Причина, почему я могу поддерживать такой режим жизни, в том, что я добросовестно делал это каждый день из года в год и никогда не бросал своих занятий. Подобная работа требует собранности и дисциплинированности, которые вырабатывают характер и приходят с решимостью. Вы обязаны вставать каждое утро, зная, что должны выполнить что-то новое.

Дисциплинированность можно рассматривать так же, как форму медитации. Когда я бегаю и отрабатываю удары, то плавно перехожу в другую область сознания. Свежий воздух продувает мои легкие, кровь бурлит в жилах, и испарина на теле приносит мне радость. Дисциплина в моей жизни — это все; без нее жизнь ничего не значит. Дисциплина приводит к уверенности в себе и самоуважению.

Чем бы вы ни занимались, к какой цели ни стремились, положите в основу своих усилий порядок и дисциплинированность, и вас поразят результаты, которых вы добьетесь.

3. Чувство времени

Третий инструмент (или качество), необходимый для преодоления жизненных преград, — способность к совпадению с различными жизненными фазами, или *чувство времени, согласованность действий*. Вы обязаны знать, когда надо придать ускорение, замедлиться или оставаться на месте. Величайшие комики, артисты разговорного жанра утверждают, что главное в их искусстве — четкое чувство времени: скажешь что-нибудь секундой раньше или позже, и шутка не покажется смешной. Удача на бирже приходит и уходит в результате верного или ошибочно выбранного момента. Сделаете успешное предложение руки через три месяца после знакомства и, наверное, будете выглядеть слишком импульсивным и даже озабоченным; сделаете его слишком поздно и вам могут отказать, потому что ваша избранница разочарована вашей нерешительностью.

Уделяйте внимание различным жизненным ритмам (фазам)

Жизнь протекает в переменном ритме. Мир медленно скользит, ускоряется, пульсирует, движется волнообразно, но никогда не стоит на месте. Совпадать с этими фазами мироздания и знать, какой вариант выбрать, когда попадаешь в какие-то чрезвычайные обстоятельства - значит уметь отличать успех от неудачи. Вам надо знать, когда начинать действовать и когда останавливаться, а когда двигаться быстро и затем еще быстрее. Иногда бывает так, что скорость надо увеличивать постепенно, в то время как при других обстоятельствах необходимо сделать мгновенный рывок! Выживание часто сводится именно к способности ощущать время, чувствовать его и к возможности действовать с ним в унисон. Познакомьтесь с некоторыми

жизненными фазами и ответными реакциями, которым я научился в боевых искусствах и которые успешно применял в своей жизни.

Когда все вокруг вас выходит из-под контроля, сохраняйте спокойствие

Случалось ли вам попадать в эпицентр семейной ссоры? Когда битва в разгаре, каждый старается привлечь вас на свою сторону, чтобы втянуть в драку, но вы достаточно разумны, чтобы не предпринимать никаких шагов. Бросаться очертя голову в подобные баталии — все равно, что отражать атаку пчелиного роя мухобойкой. Вместо этого вы должны сохранять спокойствие, так как безопасней всего следить за ураганом. Позже, когда все эмоции иссякнут, вы можете спокойно появиться на поле брани и предложить разумное решение. Какие сомнения? К вашим словам прислушаются, так как во время свары вы были единственным, кто сохранял ясную голову.

Еще ребенком я предпочитал оставаться спокойным, когда мальчишки кидали в меня камни и арбузные корки. Я отказывался участвовать в их эмоциональных играх и проводил много времени на отмелях Золотой реки. Это время, потраченное на беседы с самим собой, позволило мне прийти к пониманию истоков некоторых специфических проблем, и я искал ответы на них в наставлениях мастера Ко. В итоге дети перестали кидать в меня камни и направили свою энергию на что-то другое.

Способность сохранять спокойствие — задача охраны, которая бодрствует на входе в сад вашего разума, вашей души. Стража не должна допустить, чтобы чрезмерные эмоции ворвались в этот сад и перевернули все верх дном. Шекспир как раз имел в виду способность оставаться спокойным, не влезать без надобности в чужие дела, когда вложил в уста Гамлета знаменитое: «Быть или не быть?». По мне в этой фразе — суть даосизма: вы здесь, но вас здесь нет. Оставаться спокойным — значит пребывать в таком состоянии, в котором нет места эмоциям, переживаниям. И лишь когда вы достигнете этого состояния, логика и здравый смысл сослужат вам хорошую службу.

Двигайтесь по течению

Когда вы просто не в состоянии противиться жизненным обстоятельствам — например, если вы едете на машине по Канзасу поздним летом и попадаете в полосу торнадо, — принимайте жизнь такой, какая она есть, и «плывите по течению».

Несколько лет тому назад один из моих учеников женился и вознамерился провести медовый месяц на Гавайях. Это был настоящий солнцепоклонник, и он мог неделями говорить о том, как планирует поделить свой отдых между лежанием на пляже с женой и плаванием под парусом.

Через несколько часов после прилета на Гавайи, он в ярости позвонил мне из отеля: «Мастер Ю, это Сид. Я просто не могу поверить своим глазам. Мы приземлились в эпицентр тропического урагана, и все кругом заливают потоками воды!» Он все говорил и говорил о том, как рухнул его медовый месяц — ну какие же это Гавайи без солнца? Его планы позагорать на пляже и походить на лодке под парусом развеялись в дым.

Я посоветовал ему не противиться, а плыть по течению.

«Течение? Какое течение? — переспросил он. — Да у нас здесь просто Ноев ковчег. Никакого просвета!»

«Ты не можешь изменить погоду, — спокойно продолжал я, — но можешь найти способ подстроиться под нее. Подумай об этом. Мне интересно услышать, что у тебя получится».

Через неделю Сид с женой вернулись домой. Он не слишком загорел, но выглядел вполне довольным собой и отдыхом на Гавайях. Стараясь найти хоть что-нибудь приятное даже при плохой погоде, он обнаружил, что тропическая растительность на Гавайях куда красивей, когда идет дождь; к тому же обилие влаги усиливает благоухание растений. К своему большому удивлению, он также узнал, что здесь есть снег, и с успехом покатался на лыжах. И последнее: фирма, которая должна была обеспечить ему круиз под парусами, предложила взамен, если его это заинтересует, плавание с аквалангом. Сид никогда не плавал с аквалангом, но он и его жена приняли предложение. Плавание под водой оставило самые глубокие и романтические впечатления из всего пережитого за время медового месяца.

Плывите по течению. Если вы понимаете, что не можете изменить того, что преподносит вам жизнь, найдите способ повернуть ситуацию — превратите камень преткновения в точку опоры.

Отдавайте предпочтение движению против устоявшегося ритма

Вы когда-нибудь обращали внимание на движения профессиональных боксеров в начале каждого раунда? Противники выходят на середину ринга, останавливаются друг от друга на расстоянии удара и затем начинают перемещаться вперед-назад и из стороны в сторону. Что важно отметить, оба боксера двигаются *в унисон* — в известном смысле они как бы танцуют вместе. Даже нанося и отражая удары, большинство бойцов сохраняют ранее установившийся ритм. Они замедляют и ускоряют обмен ударами, но продолжают выдерживать ритм поединка по заранее расписанным нотам.

Что произойдет, если один из боксеров решит перестать «вальсировать» на ринге в устоявшемся ритме и сам атакует наносящего ему удары противника? Это полностью обескуражит и собьет с толку противника. Именитые мастера восточных единоборств и фехтовальщики называют подобный прием «ломаным, или рваным, ритмом». В музыке это явление известно как синкопа, когда фаза или тональность меняются полюсами — мощная на слабую, быстрая на медленную и наоборот. Люди, которые на танцплощадке не попадают в ритм, считаются никудышными танцорами.

Когда супружеские пары постоянно спорят, они, похоже, отводят для этого определенное время. После бурного обсуждения наступает период отдыха, затишья, затем спор возобновляется. Если и у вас происходит нечто подобное, вы всегда можете поломать этот шаблон, если решитесь не следовать заведенному раз и навсегда расписанию. Вместо того чтобы спорить по ночам, отдохайте. Если тема разногласий не исчерпана, постарайтесь обсудить ее утром.

Я придерживался этой тактики во время чемпионатов и обескураживал своих противников, появляясь на ринге важнейших матчей с опозданием на несколько минут. Соперник уже прибыл на матч

и готовился к бою, собираясь действовать по ранее продуманной тактике. Я все не появлялся, и ему приходилось мысленно снова и снова прокручивать сценарий боя. Когда наконец я выходил на ринг, его сознание было где-то на середине или в конце схватки, а сейчас ему надо было действовать по схеме начала боя, то есть применять совсем другую тактику. Соперники возмущались моим поведением, но я ограничивался лишь резким ударом по рукам (приветствие перед началом поединка в боксе и некоторых видах восточных единоборств; может быть дружеским, но чаще выражает агрессию и настрой на победу. — *Примеч. пер.*). И много чемпионатов я выиграл, используя эту стратегию сбивания противников с привычного им ритма.

Ускоряйтесь и замедляйтесь

Когда я только начал выступать на соревнованиях, то часто проигрывал поединки из-за того, что слишком быстро выполнял приемы и наносил удары. Судьи просто не успевали заметить и зафиксировать их. Заставив себя действовать медленней, я начал выигрывать и получать награды.

Подобное мы встречаем и в сфере личных отношений. Вы обязательно когда-нибудь говорили (или кто-нибудь еще говорил): «Помедленней, ты слишком быстрая для меня»? Эти слова (имеется в виду не только быстрая походка) — разумный совет, и если ему не последовать, отношения почти наверняка будут недолговечными.

Точно так же взаимоотношения могут преждевременно завершиться, если одна из сторон почувствует, что другая слишком медлительна. Вы можете услышать (или сказать): «Вы знаете, я уже не стану моложе и я уже отдал три года своей жизни нашим отношениям. Если вам нужно больше времени, чтобы убедиться, что вы действительно любите меня, тогда вы, возможно, не любите меня в полной мере и никогда не полюбите».

То же и в деловом мире: служащих часто лишают работы под простым предлогом недостаточной эффективности их труда. Или же новый работник, который трудится много и быстро выполняет все операции, может столкнуться с возмущением разъяренных кол-

лег, считающих его выскочкой. Понимание того, когда надо ускоряться или замедляться в соответствии с ритмами окружающих, может стать главным фактором жизненного благополучия.

Помните, что жизнь (жизненные стандарты) постоянно изменяется и часто непредсказуемо

Слишком много произошло бы в этом мире, если бы вы имели возможность с некоторой долей уверенности предсказать, какой будет ваша жизнь через год или пять лет. За свою жизнь, к примеру, я много раз наблюдал, как мои долгосрочные планы рушились прямо на глазах. У меня не было возможности предвидеть начало корейской войны, того, что через 24 часа после прибытия в Америку я стану бездомным, или смерть мастера тэквондо, набросившегося на меня на церемонии награждения. Все эти события круто изменяли мою жизнь — я убежден, что вы тоже переживали нечто подобное.

Если вы сомневаетесь в этом утверждении, предлагаю пройти небольшой тест. Возьмите, к примеру, пятилетний отрезок вашей жизни, скажем, с января 1992 года по январь 1997-го. Вернитесь назад, к 1 января 1992 года, — какой вам представлялась тогда ваша жизнь в новогодний вечер 1997 года? Как и у большинства остальных людей, ваше видение не имело ничего общего с действительностью. Джон Леннон заметил однажды: «Жизнь — это то, что происходит с вами, когда вы заняты построением совсем других планов».

Именно это делает жизнь такой волнующей и захватывающей — тот факт, что вы должны уметь приспосабливаться к постоянно изменяющимся ритмам. Если вы научитесь двигаться в унисон с ними и поставите их себе на службу, то ваша жизнь заметно улучшится.

Проявляйте активность

В раннем детстве я прочитал изречение индийского поэта и мудреца Рабиндраната Тагора: «Песня, которую я пришел спеть, не спета до сих пор. Я провел много дней, настраивая свой инструмент.

Время было неподходящее, слова не выстраивались как надо; желание умирает в моем сердце». С того момента я решил не растрачивать свою жизнь на настройку и перенастройку своего инструмента. Вместо этого я нацелился на исполнение песни, которую решил спеть целую вечность назад.

За многие годы я встречал немало людей, которые проявляли интерес к изучению боевых искусств, но никогда так и не пришли на тренировку. Один из них, симпатичный парень по имени Фрэнк, трудился рабочим сцены в одном из телевизионных шоу Си-би-эс. Хотя сам он никогда не говорил об этом, мне казалось, что его интерес к занятиям боевыми искусствами был вызван желанием сбросить лишний вес. Фрэнк все время приходил в студию и объяснял, как обстоят дела и почему он не сможет приступить к тренировкам еще месяц или два. Всегда появлялось что-то, что удерживало его от начала занятий. Так продолжалось несколько месяцев, и я решил предпринять что-нибудь. Во время обычной беседы я стал настойчиво допытываться, почему он никак не начнет тренироваться: «Фрэнк, я хотел бы задать тебе три простых вопроса. Я думаю, они имеют прямое отношение к твоим занятиям тэквондо».

«Конечно, — ответил он. — Спрашивайте».

«Первое. Ты считаешь, что у тебя проблемы с весом?» — спросил я.

Фрэнк задумчиво уставился на потолок, затем взглянул на меня и сказал: «Да уж, это так».

«Ладно. Второй вопрос — ты собираешься что-то делать с этим?»

Снова Фрэнк погрузился в раздумья и затем ответил: «Да, собираюсь».

«Прекрасно. Третий вопрос — когда?»

На этот раз Фрэнк не думал над ответом ни секунды, вместо этого он пустился в пространные оправдания. Выходные для него — одно мучение: теща обидится, если он не съест свою обычную третью добавку ее картофельной запеканки, затем обязательный ореховый пирог; шоу на Си-би-эс подходит к концу, что означает грандиозную вечеринку; а в начале следующего года все наладится — после встреч с болельщиками по окончании финальных игр чемпионата и Суперкубка. Так что уже с первого февраля Фрэнк планировал

начать заниматься, но я знал, что этого не случится, пока он в корне не изменит свое мышление.

Мудрец однажды сказал, что откладывать действия или медлить с ними — все равно что воровать время. Более правильных слов я никогда не слышал. Большинство людей, которые сталкиваются с такими же, как у Фрэнка, обстоятельствами, с готовностью признают, что у них есть проблема и они собираются как-то решить ее. Единственный для них камень преткновения — решить, *когда* они начнут *действовать*.

Я считаю, что если однажды вы признали наличие проблемы и собрались ее решить, то должны действовать немедленно, не на следующей неделе, не через месяц или год. Сделайте это сейчас. Колебания и поиск отговорок и оправданий — непродуктивны. С какой бы проблемой вы не встретились, она со временем не уйдет сама по себе. И чем дольше вы уклоняетесь от решительных действий, тем больше мешаете самому себе изменить свою жизнь к лучшему.

Предварительное проигрывание/воспроизведение

В начале 1980-х годов, когда персональные компьютеры стали доступными, они по своей эффективности были очень далеки от современных. Самой большой проблемой в то время были маленькие мониторы, которые позволяли видеть сразу не больше трети стандартной страницы машинописного текста. И если вы печатали десятистраничный документ, вам надо было прокручивать текст вверх и вниз через весь файл и ломать голову, как отформатировать его по страницам. Затем вы нажимали клавишу «Печать», и то, что выходило из принтера, редко напоминало то, что вы ожидали увидеть. В результате вы опять открывали файл и начинали всю работу заново. Иногда лишь на третий или четвертый раз удавалось добиться правильной распечатки, что приводило к чрезмерным затратам краски, бумаги и времени.

Сегодня этой проблемы не существует, потому что все популярные текстовые редакторы снабжены функцией «просмотра перед печатью». Теперь одним щелчком мыши вы можете абсолютно

точно воспроизвести, как будет выглядеть каждая страница документа, а затем уже давать команду на распечатку.

Я использую такой же прием, который назвал «предварительное проигрывание/воспроизведение». Вы тоже можете прибегнуть к этому надежному средству при принятии важных решений в вашей жизни. Например, когда собираетесь жениться или разводиться, завести детей, сменить работу или лечь на операцию. Вы значительно увеличите свои шансы на благоприятный исход задуманного, если просто выберете время и сначала «проиграете» в сознании *все* значимые детали и обстоятельства предстоящего мероприятия от начала до конца. Если, закончив это упражнение для ума, вы останетесь довольны его результатом, двигайтесь дальше и воплощайте сценарий в реальной жизни. С другой стороны, если вы недовольны тем наиболее вероятным исходом, который подсказывает вам ваш разум, не стоит осуществлять задуманное на практике.

К сожалению, у меня не было такого инструмента, когда я впервые прибыл в Америку, — я не предвидел четко, какой будет главная беда, поджидающая меня в стране «золотых возможностей». Тогда я искренне надеялся, что стоит моим ногам коснуться американской земли и на следующее утро у меня будет работа и все. Я понятия не имел, что стану бездомным и сломаюсь всего лишь потому, что у меня не было никакого плана. Сегодня я предварительно мысленно «проигрываю и повторно воспроизвожу» важнейшие решения в своей жизни, собирая все имеющиеся к ним отношения факты и мысленно «прокручивая» сценарий развития событий. Если наиболее логичный финал мне подходит, я делаю следующий шаг и воспроизвожу в реальной жизни то, что я уже видел в «предварительном просмотре».

4. Энергия

В конце концов, чтобы воплотить решения в жизнь, вам нужна *энергия*. В это понятие я включаю физическое развитие так же, как и здоровье. Человек, который не обладает силой и выносливостью, чтобы выбраться из горящего здания, или чья физическая и духовная энергия подорвана болезнями, мало чего добьется в жизни.

Вы получаете один автомобиль в жизни, и его нельзя заменить

Ваше тело — это ваш транспорт, который везет вас всю жизнь. Он доставляет еду и питье саду вашей души. И это единственный транспорт, который вам выделен, — если вы не заботитесь о своем здоровье, рано или поздно вас одолеет серьезный недуг. Лишь тогда вы усвоите истинный смысл слова *болезнь*, потому что ничего уже в вашей жизни не будет происходить легко и безболезненно.

За восемнадцать месяцев, которые я прожил на улицах Сан-Франциско в обличье Царя обезьян, я подошел так близко к смерти, как вряд ли когда-нибудь хотел. Я харкал кровью, и моя печень увеличилась в два раза против нормального размера. Я чувствовал себя столетним стариком — едва мог подниматься по лестнице, стараясь ухватить глоток воздуха; меня преследовали боли в груди, голове и резко ухудшилось зрение. Ночью на мосту «Золотые Ворота» я в самом деле был готов бросить свое тело в воду, потому что оно уже было мертвым. Я был ходячий труп. Можете представить, как я ликовал, когда в мое тело вернулось естественное крепкое здоровье.

Для меня же нет ничего лучше, чем утром пробежать десять миль. И после шестидесяти с лишним лет занятий боевыми искусствами я все еще волнуюсь, надевая спортивную форму, выполняя мощные удары ногами и другие упражнения. Это делает меня счастливым.

Чтобы начать чувствовать себя лучше физически, вам не надо становиться фанатом собственного здоровья и заводить личного гуру фитнеса. Вы лучше, чем кто-либо другой, знаете, где расставлены красные флажки на вашем ежедневном пути. Обратите на них внимание. Они не напрасно маячат перед вашими глазами. Не дожидайтесь, пока ваш корабль затонет на полпути, прежде чем вы решите начать откачивать воду.

Вам хотелось бы иметь три недели отпуска каждый год, которые бы ничего не стоили? Начните лучше заботиться о себе, и вы обнаружите, что вам требуется сна на час меньше, чем раньше. За год этот лишний час бодрствования добавит больше трех недель. Только вдумайтесь, что вы сможете сделать за три дополнительные недели свободного времени!

Делайте все с увлечением и страстью

Увлечение, страсть — одна из величайших сторон человеческой природы. Что бы вы ни делали, вкладывайте в это каждый удар вашего сердца и душу. Гордитесь всем, что в какой-то мере является выражением вашей личности, продуктом вашего труда. Действие дает такие полномочия.

Когда я мыл тарелки, то старался делать это как можно лучше. В результате никто не вернул посуду на кухню, как недостаточно чистую. Я гордился собой, видя свое отражение в каждой вымытой тарелке. Серебряные приборы, отправляемые в ресторан, сверкали так же, как вилки и ложки, которые я когда-то раскладывал перед отцом и матерью. Я никогда не стыдился быть посудомойкой, потому что стопка чистых тарелок не была единственным результатом моего труда — для меня гораздо больше значила реализация моего увлечения, страстного желания работать, которое я вложил в мытье посуды. И это чувство ничем не отличалось от увлечения и вдохновения, с которыми Леонардо да Винчи рисовал Мону Лизу.

Продумывайте все до конца

Когда в середине 1960-х годов я жил в Беркли на скромный бюджет, мне нужно было немного заглянуть вперед и подумать, прежде чем отдать триста долларов за старый «шевроле». Но я действительно хотел именно эту марку. Я *должен* был иметь ее. И когда владелец машины предупредил, что у меня будут проблемы с этой машиной, я просто не услышал его.

В итоге я не только простился на свалке с автомобилем моей мечты, но и заработал штраф и выговор от разгневанного судьи. Я мог бы уберечь себя (и окружающих) от целой кучи неприятностей, если бы просто нашел время, чтобы заранее все хорошенько обдумать. Поэтому, прежде чем совершить ошибку, позволяя своему воспаленному желанию увлечь себя в нечто кошмарное, мысленно проиграйте сценарий возможных последствий. Если все[^]выглядит хорошо, смело претворяйте планы в жизнь.

Усвойте, что слова обладают силой

В раннем детстве я был совершенно беспомощным существом из-за своих физических и умственных недостатков. Соседские дети имели массу преимуществ надо мной, для них я был всего лишь забавой. Но даже когда они бросали в меня камни, я продолжал думать: *«Дети — мои друзья. Это не так больно. Все хорошо. Боль пройдет через несколько минут, а дети будут моими друзьями навсегда»*.

До сих пор я все еще вспоминаю лица некоторых из тех, кто бил меня и обзывал по-всякому. Запомнилось мне и как врач советовал родителям запрятать меня куда-нибудь в уголок умирать. Не забываю и слова мастера К., назвавшего меня неудачником и-слабаком.

Уверен, что и у вас бывали минуты, когда вы теряли самообладание и в запальчивости произносили такое, чего в действительности и не думали. Тем не менее вы должны всегда помнить, что обладаете потенциалом ничем не сдерживаемой крайне разрушительной силы, исходящей из ваших уст; и ее воздействие бывает намного страшней физического насилия. Жестокие слова могут оставить шрамы на всю жизнь у другого человека, особенно у ребенка. К великому несчастью, некоторые слова просто невозможно стереть из памяти, просто потому, что в природе нет такого большого ластика. Поэтому, обучая своих учеников физическим навыкам наносить удары ногами и руками, я в равной степени учил их самодисциплине и самоконтролю во всем, что исходит из их уст.

Точно так же слова, произнесенные доброжелательно и с любовью, дороже золота и бриллиантов. И, приступая к учтивой беседе, всегда помните: ваши два величайших достоинства — рукопожатие и улыбка.

Также помните, что поступки почти всегда говорят громче слов. Как часто вы говорите кому-нибудь «Я люблю тебя»? Вы говорите это по привычке или действительно подразумеваете именно то, что сказали? Слова без поступков бессмысленны. Слова «Я тебя люблю» мало что значат, если вы ничего не предпримете в подтверждение вашей любви. Если вы кого-то любите, то *совершаете* или во всяком случае должны *совершить* определенные *поступки*.

Учитесь быть хорошим слушателем

Обратная сторона силы слов — сила внимания, умение слушать. Одно из величайших удовольствий, которое вы можете кому-либо (особенно ребенку) доставить, — это заинтересованно его выслушать.

Вечер, когда я разговаривал с Ронни на рыбацком причале, стал первым в моей жизни, когда я так искренне слушал другое человеческое существо, проникаясь его чувствами. В тот вечер я впервые по-настоящему ощутил связь с другим человеком.

Многие люди в этой жизни так и остаются невыслушанными. И живут в молчаливом одиночестве, наедине со своими думами, о которых никто больше не знает, и чувствами, которые никто не может разделить.

Как часто вам доводилось сталкиваться с ситуацией, когда вы стараетесь рассказать что-то людям, но видите, что они только и ждут паузы, чтобы самим выплеснуть собственные переживания, дать советы и поделиться соображениями?

Люди замыкаются в себе, когда кто-то слушает их невнимательно или с явно фальшивой заинтересованностью. Часто они ничего и не говорят просто потому, что их не слушают. Чтобы научиться хорошо слушать, требуется основательная практика. Но если вы преуспеете в этом занятии, то обнаружите, что ваши друзья и любимые и даже незнакомцы тянутся к вам. Быть хорошим слушателем — редкий дар и один из важнейших, которым вы когда-либо можете обладать.

Ключи к успеху

В конечном счете, какие бы цели не стояли в вашей жизни, чтобы добиться успеха, вам нужны три вещи: желание, способность и удобный случай. Если вы упустите что-нибудь одно, успеха вам не видать. Например, если у вас есть желание, но не хватает способности, то когда представится благоприятная возможность, вы ее не используете; если у вас есть способность, но нет желания, то удачный случай останется нереализованным; или же у вас есть желание и представилась благоприятная возможность, но не хватает способности ее реализовать, то здесь вы также не добьетесь успеха. Никак не уйти от факта, что вам требуются все три слагаемых успеха.

Пирамида успеха

Представьте, что успех, к которому вы стремитесь, находится на вершине трехъярусной пирамиды. Основание, или первый ярус, представляет собой то, что я определяю тремя буквами: Ж, Р, Д — Желание, Решимость и Дисциплина. Эти качества формируются в

вашем сознании и наиболее важны для успеха. Более того, они тесно связаны. Другими словами, какую бы цель не поставили вы перед собой, прежде всего вы должны спросить самого себя, действительно ли испытываете такое сильное желание достичь этой цели. Помните, то, что мы ищем, побуждает нас искать. Если вы не испытываете страстного влечения к этой цели и не предвкушаете эмоциональное потрясение, представив сцену ее окончательного достижения, велика опасность того, что вы на неправильном пути.

Если, однако, вы чувствуете, что этот мысленный образ отвечает вашим самым горячим потребностям, тогда следуйте своему желанию и позвольте ему привести вас к непоколебимой и бесповоротной решимости. Вместе с этими двумя качествами не забывайте о дисциплине и постоянно повторяйте себе: «Что бы ни произошло, я не отступлюсь!»

Когда вы обретете весь набор волевых качеств — желание, решимость и дисциплинированность, вы будете готовы к созданию среднего яруса пирамиды. Этот уровень содержит четыре аспекта выживания, о которых я говорил в главе 15, — знание, ощущение времени, собранность и энергию.

И в заключение, вершина пирамиды — это достижение успеха и понимание исключительности своей личности. Эта уникальность — неповторимое сочетание вашего разума, тела и духа, единственным побочным продуктом которого становится мудрость. Ее я ранее определил как достойное применение знания; это единственное, что вы заберете с собой, когда умрете.

Золотые правила жизни

На всех этапах вашего жизненного путешествия и подъема на эту пирамиду применяйте следующие «золотые правила»: *будьте внимательны к тому, где вы были, где вы сейчас и где вы собираетесь быть, выделяйте главное и завершайте начатое.*

«Золотые правила» обеспечат ваше продвижение по дороге успеха. Соберем их вместе: 1) все время вам надо следить за дорогой — это значит четко представлять, откуда вы пришли и куда направляетесь;

2) следуйте основам и выделяйте главное, опираясь на **ЖРД** (желание, решимость и дисциплину) и четыре ключевых слагаемых выживания (знание, чувство времени, собранность и энергия); и

3) доводите дело до конца (ни в коем случае не отступайте!).

Какие бы трудности и препятствия ни возникали на вашем пути, пока вы прилагаете все усилия и следуете этим основным правилам — если ваш разум, тело и дух продолжают действовать в унисон, вы всегда будете *только* победителем.

Помимо следования этим основным правилам, я настоятельно рекомендую вам развивать в себе следующие способности, которые крайне необходимы для создания и обеспечения счастливой жизни.

Способность прощать

Возможно, величайшей силой на земле является наша способность прощать себя и окружающих. За некоторым исключением, люди поступают плохо и говорят оскорбительные вещи не только по своему желанию — мы поступаем так из-за того, что тащим слишком много груза на своих спинах и просто ломаемся под эмоциональными нагрузками.

Потребовалось много времени, чтобы я простил тех людей в моей жизни, которые, как я считал, причинили мне вред. Все вместе они представляют огромную толпу: врач, вынесший мне смертельный приговор; ребята, издевавшиеся надо мной в детстве; сотни солдат, стрелявших в меня на корейской войне; служащий отеля, который приветствовал мое прибытие в Америку словами «паршивый иностранец»; и мастер К., назвавший меня слабаком и неудачником, — это всего лишь небольшая часть из них. Правда, сейчас я признаю и то, что мастер Ко не учил меня искусству любви к ближнему, поэтому временами я пробивался по жизни довольно жестким, а иногда и жестоким путем.

Когда кто-нибудь вредит вам, не старайтесь немедленно наказать его, чтобы дать выход своему гневу и чувству неудовлетворенности. И не разбивайте старую дружбу, семейные отношения или брак из-за одного-двух неблагоприятных поступков или десятка резких слов.

Я часто соотношу прощение с садом моей души, когда вспоминаю полные сострадания слова Марка Твена: «Прощение — это аромат фиалки, пролитый на раздавивший ее сапог».

Если вы сможете найти способ в наше жестокое время стать фиалкой в саду своей души, вы сделаете этот мир лучше для себя и тех, кто вас окружает.

Способность избавляться от гнева

Нет ничего вреднее для вашего физического здоровья и душевного спокойствия, чем накапливать злобные чувства, затаить и хранить гнев, ожесточение. Многие в этом мире преуспели благодаря своему вспльчивому и нетерпимому характеру — но, к несчастью, на этом пути к благополучию больше всего они ранили самих себя.

В тот день, когда соседские мальчишки швырялись в меня арбузными корками и камнями, они задели мои чувства и разозлили меня; к ночи эта злость переросла в ненависть. Я тогда не понимал, что это была *моя* ненависть, я владел ею и нес ее повсюду с *собой*, куда бы ни шел. То есть я не только позволил тем мальчишкам причинить мне вред единожды, они как бы продолжали контролировать мои чувства и настроение. Это разрушающе действовало на мою нервную систему, хотя мальчишки продолжали вести свою обычную жизнь, вообще не подозревая о моем ужасном состоянии. Пока я продолжал винить их в моих ощущениях, мой гнев и обида не проходили. Лишь изменив подход к проблеме, я позволил уйти всему наболевшему. Следующей ночью я чувствовал себя значительно лучше.

Способность сохранять и лелеять Богом дарованную способность плакать

Чарлз Диккенс однажды мудро подметил: «Бог свидетель, нам никогда не надо стыдиться своих слез». К сожалению, как американской, так и азиатской культурам присущ взгляд на слезы как на проявление слабости. Особенно это касается мужчин. Я не согласен с этим.

Плач — это естественное состояние — я начал свою жизнь как «плакса» и позволял себе плакать на протяжении многих десятков лет. Я плакал, когда менеджер ресторана взял меня на работу посудомойщика, и я открыто плакал несколько раз, пока писал эту книгу.

Способность плакать — это одно из характерных свойств нашей природы, отличающее нас от остального животного царства. Я верю, что у Бога были достаточные основания, чтобы наделить нас такой уникальной способностью.

Плач — это лекарство, которое умиротворяет нашу душу и восстанавливает утраченную энергию.

Это очень важно — иметь место, куда вы можете пойти выплакаться. Идите туда всякий раз, когда возникает потребность пролить слезы, и ревите столько, сколько сможете. Нет более верного способа избавиться от сдерживаемого гнева. Разумеется, будет лучше, если вы сможете предаться этому «занятию» на плече того, кто искренне заботится о вас; если это невозможно, идите в свое укромное место и поплачьте в жилетку вселенной. Господь встретит вас там и убаюкает на своих руках.

Способность смеяться

Помимо умения плакать Господь даровал нам уникальную способность смеяться. Никто более в животном мире не способен смеяться. Ребенок при падении с велосипеда обычно ведет себя двояко — он или смеется или плачет; обе реакции одинаково ослабляют отрицательные эмоции. Вы когда-нибудь наблюдали сценку, когда ребенок смеется и плачет одновременно? Это прекрасно.

Много лет тому назад жил человек, которому поставили диагноз — рак в заключительной стадии. Решив не доживать свои последние дни в депрессии и отчаянии, он установил у себя дома кинопроектор и целый месяц без остановки крутил старые комедии. Проведя сотни часов вместе с Бастером Киттоном, Чарли Чаплиной и другими неунывающими знаменитостями, этот человек почувствовал себя здоровым. Чудесным образом его опухоль исчезла.

Как и слезы, смех — это лекарство, которое укрепляет дух и может вылечить тело, пораженное недугом. Поэтому постоянно работайте над своим чувством юмора, постоянно укрепляйте и подпи-

тывайте его. Возьмите за правило сейчас и всегда не принимать себя слишком серьезно. Смейтесь часто и громко и веселитесь вместе с жизнью. Могу заверить, что и жизнь обязательно будет веселиться вместе с вами.

Способность давать только хорошее окружающему миру

Если вы хорошо относитесь к окружающему миру, то и от окружающих получите только хорошее. Как ни крути, вы не можете посадить редиску и вырастить огурды на грядках. Когда я вижу учеников, неприязненно относящихся к окружающим и даже откровенно ненавидящих их, я говорю, что такое поведение напоминает удар мяча о глухую стену — если ударить по мячу изо всех сил, вероятней всего, он отскочит от стены и с такой же силой ударит вам в лицо. Так что чем сильнее будет удар по стене, тем мощней будет ответный удар в лицо.

Это жестокий закон жизни. Если от вас исходят ненависть и мстительность, готовьтесь заполучить то же самое. Если же вы приносите в мир любовь, доброжелательность, сострадание и прощение, их же вы и получите в обмен.

Способность развивать положительное восприятие

Хочу закончить главу высказыванием Генри Торо (Генри То-ро — американский писатель и публицист, противник потребительства и конформизма; два года прожил в лесном шалаше. — *Примеч. ред.*), который как-то сказал, что человек богат пропорционально количеству того, без чего он может обойтись. Чем это число больше, тем вы богаче (духовно, разумеется). Другими словами, вы можете довольствоваться малым и быть при этом вполне счастливым человеком. Это не значит, что не надо усердно работать, чтобы улучшить свою жизнь. Только не угодите в колею

202 Путь мастера Ю

погони за материальными благами. Вы приходите в этот мир без всего, кроме своего тела, и так же покинете его. Я еще не видел катафалка с прицепом.

Все, что я предлагаю вам, читатель, проникнуто духом любви, и эта любовь заключена в моей книге; желаю вам больших успехов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда мне было десять лет, жизнь текла со скоростью десять миль в час. Время до следующего дня рождения казалось вечностью, и хотелось поскорей стать старше. В двадцать лет жизнь немного ускорилась, приблизительно до 20 миль в час, и с этого момента помчалась все быстрее и быстрее. Сейчас, когда мне семьдесят лет, скорость моей жизни — 70 миль в час! Все в моей жизни теперь, похоже, несется с этой ошеломляющей скоростью.

Я чувствовал себя счастливым и гордился тем, что на мастера Ко пришлось такая важная часть моего жизненного пути. Я всегда был готов пожертвовать всем для него, не важно, большим или малым. Боевые искусства, которым он обучил меня, позволили мне преодолеть все преграды в жизни и полностью выполнить свое предназначение.

На протяжении шестидесяти с лишним лет я испытывал истинное наслаждение от изучения, тренировок и преподавания боевых искусств. Из этих трех занятий больше всего я ценил процесс обучения, потому что он пришелся на мои школьные годы, когда я был ближе всего к мастеру Ко. Вот почему я часто говорю, что, если бы представилась возможность провести с ним еще год, я отдал бы за это весь остаток моей жизни. Так дороги были для меня уроки Учителя.

Я очень счастливый и удачливый человек. Моя работа — *учить* боевым искусствам, а мое хобби — *заниматься* боевыми искусствами, и я сочетаю работу и увлечение в одном месте — в спортивном центре Си-би-эс, что неподалеку от моего дома. Потому что я смог перенести основные правила и принципы боевых искусств в свою жизнь и сегодня хорошо знаю, кто я и что собой представляю.

Прочитав эту книгу, вы узнаете, что мой жизненный путь не был легким. Я часто «встречался с медведем» и сталкивался с множеством преград. Но я принимал вызов и лишь повторял себе снова и снова то, что мастер говорил мне: *«Не будь слабаком и неудачником»*.

Так как в глубине сердца я верил, что мир хочет, чтобы я достиг намеченной цели и выполнил свое предназначение, я добывал все

трудом и выучил множество самых ценных жизненных уроков. Это было увлекательное путешествие, оно остается таким и сегодня.

Я хотел бы в заключение поговорить немного о своем искусстве. Мне кажется, что в тэквондо слишком большое внимание уделяется чисто спортивной стороне дела. Но тэквондо больше чем спорт. «До» в названии этого вида восточных единоборств имеет значение «путь, дорога» — путь постоянного совершенствования искусства, не обязательно и не только искусства самообороны. Помимо прочего, «до» включает в себя концентрацию внутренней силы, дыхательные упражнения, стандартные приемы и медитацию. Эта та часть искусства, которая затрагивает не только физическую оболочку человека, но проникает в его внутреннее духовное начало, и если мы как мастера боевых искусств будем чрезмерно увлекаться спортивной стороной тэквондо, глубокая духовная составляющая этого искусства умрет, и мы потеряем 4700 лет почитаемых традиций и обычаев.

Ученики, которые хотят получить больше, чем «вид спорта тэквондо», должны стать профессионалами в большей степени, чем спортсмены, выступающие на турнирах восточных единоборств. Они должны сделать это боевое искусство своей жизнью, как сделал я. Они должны *жить* этим искусством вместо того, чтобы лишь оттачивать технику и выступать на соревнованиях.

К сожалению, слишком многих сегодняшних инструкторов и мастеров больше интересуют материальные блага, чем возведение этого искусства на высший уровень внутренней умиротворенности и любви. Их больше привлекают такие внешние атрибуты жизни, как езда в шикарном автомобиле, жизнь в большом доме, одежда от известного дизайнера и еда в дорогих ресторанах.

Согласен, кто-то может сказать, что такое поведение свойственно человеческой природе, но я считаю по-другому: если эти инструкторы не горят желанием получить награду за высшие достижения в боевых искусствах, они должны заняться другой работой.

Я понимаю, что инструкторы и мастера тэквондо живут в стремительно меняющемся мире. И потенциальные ученики в массе своей сейчас не те, что двадцать лет назад. Сегодня многие инструкторы считают учеников старше пятнадцати лет уже «старыми» для занятий таэквондо. Объяснение простое: из-за занятости на работе

большинство взрослых могут ходить на тренировки только в вечернее время, на которое приходится всего 15% от расписания работы секций. Остальные 85% заполняются детьми, которых приводят большими группами родители. Эти дети занимаются утром и в первой половине дня с понедельника по субботу. Из-за большой численности и плотности детских групп их можно сравнить с игральными автоматами, которыми набиты огромные казино Лас-Вегаса.

В итоге сначала мы имеем орды родителей, записывающих в секции своих детей; потом большинство этих детей в 12—13 лет переключаются на футбол или что-нибудь еще. Они просто не успевают постигнуть глубокий духовный аспект этого боевого искусства, и высшие уровни овладения тэквондо остаются недостижимыми.

Другая важнейшая проблема — формирование неправильного, неполного представления о боевых искусствах на телевидении и в кино. Это главная причина, почему я переехал в Лос-Анджелес и почему лично обучал тэквондо многих творчески одаренных людей. Я старался раскрыть перед ними глубинные стороны боевых искусств, так как большая часть того, что зритель видит на экране, отражает только внешнюю, физическую сторону.

Голливуду требуется больше сценаристов и режиссеров, которые сами бы обладали навыками боевых искусств. К сожалению, люди не могут выразить на экране то, через что не прошли сами. Мне больно видеть низкопробную размазню, какая зачастую предлагается зрителю сегодня. Исправить ситуацию, соединить внутреннюю, духовную суть с физической составляющей тэквондо — в этом я вижу свой персональный долг.

Как ответственные представители сообщества боевых искусств мы должны найти пути преломления этих тенденций. Если мы не сделаем этого, то рискуем потерять все созданное тяжелым трудом на протяжении столетий нашими отцами-основателями — бесчисленными мастерами, отдавшими все свои силы достижению высочайших уровней древнего искусства. Жертвы, которые эти люди приносили на наше благо, подобны рекам пота, впадающим в океан. Если мы не переломим опасные тенденции, эта река где-нибудь остановится и пересохнет. Зритель заслуживает большего, чем простое любование внешне эффектной спортивной стороной тэквондо;

и все оставшееся у меня время я отдам работе над этой задачей. Каждый день — на шаг больше в пробежке, на один удар рукой и ногой больше на тренировке, чтобы достичь этой конечной цели.

Боевые искусства стали моей жизнью. Когда придет мой последний день, я не хочу оказаться дома или в больнице. Я хочу умереть в своей студии, одетый в спортивное кимоно с повязанным на талии черным поясом. Я хочу, чтобы мое лицо было чуть влажным от пота, когда я взгляну с татами на своих лучших учеников. Я хочу с улыбкой сделать последний вздох, а затем уйти.

Я хотел бы, чтобы меня помнили по одной фразе: «Не сдавайся, если я могу сделать это, сможешь и ты!» Пока не настанет время уйти, я буду продолжать бороться, быть свечой, которая освещает дорогу, ведущую к знаниям и истине, — и я буду делать это с чувством любви, заботы и сострадания.

Когда мастер Ко был жив, я часто говорил: «Желание мастера — приказ для меня». Самым большим его желанием было, чтобы я становился лучше и лучше каждый день своей жизни. Сейчас *моя* очередь передать своим ученикам знания, полученные от мастера Ко. Это единственный способ, которым я действительно могу отплатить моему Учителю за все. Я помню, как он всегда повторял: «Если ты думаешь, что я хороший мастер, я хочу, чтобы ты стал великолепным мастером. Сделай своих учеников лучше, чем ты сам. Так ты сможешь рассчитаться со мной».

Более 60 лет занятий боевыми искусствами эти слова определяют философию моего обучения и преподавания. Помимо всего прочего, я выкладывался полностью всю мою жизнь с большим желанием и страстью. Я занимался этим, испытывая глубокую благодарность и сохраняя верность моему Учителю, который сделал для меня неизмеримо больше, чем я когда-нибудь для него.

Я желаю вам всего самого хорошего и надеюсь, что эта книга принесет вам пользу.

ОБ АВТОРАХ

Родившийся в 1935 году **великий мастер Бьон Ю** (Byong Yu) вырос в Корее и в 1964 году уехал в Соединенные Штаты. Преодолев физические недостатки, языковой барьер, расовую предубежденность и неустроенность в жизни, мастер Ю штурмом взял высоты боевых искусств и достиг высшего уровня мастерства, отмеченного черным поясом (и девятым даном) от Всемирной федерации тхеквондо (WTF). Ассоциация мастеров боевых искусств выбрала мастера Ю «Человеком века», а в 2001 году он получил престижную награду Всемирной федерации боевых искусств «За достижения в жизни». В настоящее время мастер Ю живет в предместье Лос-Анджелеса, где продолжает преподавать боевые искусства (таэквон-до) в своей студии, расположенной в спортивном центре Си-би-эс. История его жизни запечатлена в полнометражном художественном фильме под названием «Царь обезьян».

Том Бликер (Tom Bleeker) начал свою писательскую карьеру в 1969 году как сценарист режиссера Блэйка Эдвардса. Двадцать лет писал сценарии для кинематографа и телевидения, а в 1987 году в соавторстве с Линдой Ли выпустил свою первую книгу — «История Брюса Ли» (The Bruce Lee Story), которая легла в основу картины «Дракон: История жизни Брюса Ли», снятой на студии MCA Universal. В 1996-м Бликер написал вторую книгу о Брюсе Ли, вызвавший большие споры бестселлер под названием «Неулаженные дела» (Unsettled Matters). Его наиболее популярная работа — «Путешествие» (The Journey), которая посвящена жизни многих известных американских мастеров боевых искусств. Бликер живет в Южной Калифорнии, продолжает работать как сценарист.

Серия «Боевые искусства»

Научно-популярное издание

Бьон Ю, Том Бликер

ПУТЬ МАСТЕРА Ю

Как стать хозяином своей судьбы

Перевод с английского

Зав. редакцией *Е. М. Иванова*

Редактор *И. В. Лебедева*

Художественный редактор *О. А. Герасима*

Технический редактор *М. Н. Курочкина*

Корректор *И. Н. Мокина* Компьютерная верстка *Н. Г. Гаспаровой*

«Путь мастера Ю» — это удивительная история жизни великого мастера восточных единоборств, рассказанная им самим. Это книга о том, как больной, тщедушный, затравленный мальчик из бедной корейской деревушки благодаря огромному жизнелюбию и силе воли преодолел все трудности и стал выдающимся человеком, которого многие известные люди считают своим наставником и образцом для подражания.

Своим примером Бьон Ю доказал, что человек сильнее обстоятельств. Книга мастера Ю — это не только история одного человека, это руководство для всех, кто хочет найти свой собственный путь в жизни.

ISBN 978-5-17-041645-5

9 785170 416455

